

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 2-3
ФЕВРАЛЬ — МАРТ
1931

М О С К В А ~ 1 9 3 1
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

7-я

типография Мособлполиграфа

„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Москва, Филипповский пер., 13.

Уполн. главлита № Б— 3313.

З. Т. 711. Тираж 5.500.

С. Э.(п/л 160). Техредактор Воронин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 15 МАРТА 1931 Г. ПО ДОКЛАДУ ПРЕЗИДИУМА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Этап завершения фундамента социалистической экономики требует перестройки всей научно-исследовательской работы, подчинения ее строгой плановости, создания многочисленных кадров научных работников-коммунистов и в особенности преодоления отмеченного т. Сталиным отставания научной работы от практики социалистического строительства.

Обострение классовой борьбы нашло в последние годы свое яркое отражение и на теоретическом фронте. Буржуазное влияние сказалось в форме ряда антимарксистских и ревизионистских теорий: меньшевистский идеализм рубинщины в экономике, механистические теории в философии, политэкономии и других областях, меньшевистствующий идеализм группы Деборина в философии и естествознании, переверзевищина в литературоведении.

Необходима еще неустанная работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние.

Внимание и силы научных работников должны быть сосредоточены на теоретической разработке проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата. Исходя из ленинского принципа партийности научной работы и непримиримой борьбы с враждебными теориями, научные работники-коммунисты должны вместе с тем давать отпор упрощенству в теоретических дискуссиях, подмене их схоластическими словопрениями.

Комакадемия проводила правильную политическую линию, решительно борясь со всеми уклонами от линии партии, и достигла на этой основе ряда значительных успехов в своей работе. Комакадемией была развернута борьба с буржуазными и социал-демократическими теориями и направлениями в различных областях научного знания.

Ряд теоретических проблем в области истории, права и государства, по мировому хозяйству и пр. подвергся углубленной разработке. Развернута работа по подготовке научных кадров.

Однако за последнее время Комакадемия запоздала с перестройкой своей работы в соответствии с этой правильной линией (особенно по Экономическому и Аграрному институтам), вследствие чего не осуществила достаточного и своевременного руководства в отношении ряда теоретических дискуссий и разработки ряда новых теоретических проблем.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Предложить президиуму Комакадемии перестроить работу своих учреждений, таким образом, чтобы была обеспечена еще более тесная связь научной работы с актуальными задачами социалистического

строительства и классовой борьбы пролетариата и быстрейшая ликвидация отставания научной мысли от практической работы партии.

В своей научно-исследовательской работе Комакадемия должна исходить из необходимости на первый план выдвинуть разработку конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и пролетариата, со вступлением в период социализма и с задачей выполнения пятилетки в четыре года на основе реконструкции всего народного хозяйства, с задачами культурной революции и, в целом, с классовой борьбой мирового пролетариата на данном этапе.

При этом Комакадемия должна взять на себя дело действительной теоретической помощи партийным, советским, хозяйственным и пр. организациям в их практической работе.

Обязать наркоматы совместно с Комакадемией в месячный срок рассмотреть в соответствующих частях планы Комакадемии с точки зрения того, насколько в них отражена задача теоретической разработки узловых актуальных вопросов в данной отрасли социалистического строительства.

Комакадемия, ее институты, научные общества должны принимать постоянное, систематическое участие в организуемых наркоматами, хозорганами и руководящими органами общественности мероприятиях научного характера, как-то: экспедициях, обследованиях, научных съездах, совещаниях и т. д.

2. Президиум Комакадемии должен обеспечить действительное руководство теоретической работой, сосредоточивая свое внимание на рассмотрении важнейших теоретических проблем по существу и проверяя под этим углом зрения работу всех своих институтов и обществ.

Для ведения текущей оперативной работы и разгрузки президиума Комакадемии от ряда организационных и административно-хозяйственных вопросов выделить при президиуме Комакадемии секретариат.

3. Практиковать в институтах Комакадемии преимущественно систему коллективной проработки проблем и заданий со включением методов ударных бригад и социалистического соревнования с тем, чтобы были обеспечены в каждом случае реальные результаты работы, ее конкретный и практический эффект, а также подлинно боевые темпы в выполнении планов Комакадемии и в научной работе вообще.

Одним из важнейших методов вовлечения партийных кадров в работу Комакадемии должна являться мобилизация соответствующих товарищей через ЦК с освобождением их на 2—3 месяца от других обязанностей для разработки наиболее актуальных проблем социалистического строительства, стоящих в плане Комакадемии.

Необходимо привлекать к совместной с Комакадемией работе заинтересованные наркоматы и учреждения на договорных началах.

4. Установить более четкое разграничение задач и содержания работы институтов и научных обществ, возложив на последние организацию массовой работы, дело пропаганды марксизма и ленинизма в своей области, популяризацию научных достижений и работу с научными кадрами, особенно в нацреспубликах и отдаленных областях.

5. Произвести проверку наличного состава научных сотрудников Комакадемии и обеспечить решительное выдвижение молодых сил из числа проявивших себя и выдержанных коммунистов. Обеспечить за Комакадемией для научной и преподавательской работы не менее

10% аспирантов, кончающих ее институты и институты ИКП соответствующих специальностей. Решительно покончить с системой совместительства работников Комакадемии, приводящей в ряде случаев к срыву трудовой дисциплины и полной безответственности.

6. Объединить ИКП с институтами Комакадемии таким образом, чтобы учебная работа аспирантов была организована в основном на базе учебных аппаратов ИКП. Поручить культпропотделу ЦК ВКП(б) совместно с президиумом Комакадемии и директорами ИКП разработать конкретный план объединения с тем, чтобы провести его к 1 июля настоящего года. Обеспечить при этом отчетливое организационное разграничение в рамках Комакадемии научно-исследовательской и учебной работы при тесной увязке подготовки аспирантов с научно-исследовательской работой.

7. Предложить президиуму Комакадемии особое внимание обратить на актуализацию и политическое заострение всей работы Ассоциации естествознания, ускорение и расширение подготовки естественно-научных кадров и ликвидации случайного и незаконченного характера сети ее научных учреждений; организовать секции химии и физики. Поручить Комакадемии приступить к развертыванию, на основе существующей секции, Института техники и технической политики.

8. Одной из основных и важнейших задач Комакадемии должно быть осуществление методологического контроля над работой наиболее важных ведомственных научно-исследовательских институтов и учреждений СССР, которые обязаны по требованию Комакадемии представлять план своей научно-исследовательской работы.

Комакадемия должна на деле взяться за возложенную на нее ЦК ВКП(б) задачу планирования и проверки работы всех марксистско-ленинских научных учреждений и организаций.

Особое внимание должно уделяться во всей работе Комакадемии помощи постановке научно-исследовательского дела на местах, в нацреспубликах, в областях и районах и руководству местными отделениями Комакадемии.

9. Возложить на Комакадемию задачу систематического повышения квалификации партийных научных кадров путем заочной их переподготовки, созыва специальных курсов, научных конференций по важнейшим проблемам и т. п.

10. Считать материальную базу Комакадемии совершенно недостаточной для обеспечения лежащих на ней задач.

Предложить президиуму ЦИК усилить материальную базу Комакадемии по линии капитального строительства (особенно в связи с вхождением в Комакадемию институтов Красной профессуры), штатного состава, подтягивания зарплаты и специальных средств для научных работ и научных командировок как в СССР, так и за границу. Через месяц войти в ЦК с отчетом об исполнении этого постановления,

• О КОМАКАДЕМИИ И НАУЧНОЙ РАБОТЕ¹

Постановление ЦК ВКП(б) о работе Комакадемии имеет значение не только для Комакадемии. Оно имеет значение для всего нашего научного фронта, оно дает линии работы всему научному фронту для того, чтобы построить работу, для того, чтобы поставить ее в ногу с задачами социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата. В нашей стране идет великая социалистическая реконструкция всей нашей экономики. Если говорить о нашем научном фронте, если посмотреть, что здесь делается, то мы все пожалуй сойдемся на том, что этот реконструктивный период на нашем научном фронте только еще начинается. И нам необходимо сейчас со всем вниманием отнестись к решению ЦК, со всей тщательностью просмотреть работу всех научных учреждений, сделать все выводы, которые вытекают из этого постановления для того, чтобы по-настоящему организовать научную работу, и для того, чтобы выполнить те задачи, которые сейчас наша партия ставит перед научными учреждениями. Вот это преследовало постановление ЦК, когда оно принималось по докладу Комакадемии.

Когда шло обследование Комакадемии, а оно происходило при довольно широком участии всей нашей коммунистической общественности, довольно тщательно обсуждалось, и как она должна работать, и что представляет собой Коммунистическая академия. И надо сказать, что это обсуждение не прошло без некоторых переხлестываний в критике Комакадемии. У Комакадемии совершенно естественно есть целый ряд крупнейших недостатков, которые отмечены в постановлении ЦК и которые все вы чувствуете конечно очень близко и очень непосредственно. Но некоторые товарищи стремились обобщить эти отдельные недостатки. Отдельные товарищи стремились эти недостатки превратить в некий закон работы Комакадемии и самую Комакадемию пытались представить как некое вместилище всяческих уклонов, как гнездо, где эти уклоны плодятся, выются размножаются и откуда они нападают на нашу партию.

Конечно, только в критическом угаре можно расписывать Комакадемию такими красками. Коммунистическую академию строила вся наша партия. Она является ее детищем, и Центральный комитет на всех этапах жизни Коммунистической академии не мало внимания уделял ее работе. И смешно было бы отрицать ту работу, которая проделана за это время в Комакадемии, которая выразилась в том, что создана большая научная база, что имеются большие кадры аспирантуры, что создан ряд институтов, которые начинают подходить по-настоящему к разработке проблем социалистического строительства. Это отрицать и это охаивать, критикуя работу Комакадемии,

¹ Стенограмма доклада тов. Стецкого на собрании партколлектива Комакадемии, от 28/III.

ни в коем случае нельзя. Нам нужна, для того чтобы по-настоящему построить свою работу, прежде всего такая критика, которая соразмеряла бы удар, нам нужно правильное представление о действительном положении дел, потому что без этого мы не сможем сделать правильные выводы относительно того, чем должна заниматься Коммунистическая академия, как она должна строиться, работать дальше.

Основной вывод, который Центральный комитет сделал по докладу Коммунистической академии, заключается в том, что эта работа во многом должна быть построена по-новому и заново. Мы находимся на таком этапе, что разрыв между задачами научно-исследовательской работы, между требованиями, которые предъявляет ход социалистического строительства, и тем положением, в котором находятся наши научные учреждения и Коммунистическая академия, — особенно силен, особенно резок, и здесь нужно сделать очень серьезные усилия для того, чтобы в ближайшее время этот разрыв, этот отрыв от практики, от задач социалистического строительства, который проявился на отдельных участках нашего теоретического фронта, ликвидировать в максимально короткий срок.

Тот этап, который мы проходили, этап реконструкции научной работы, был связан с острой борьбой на теоретическом фронте. Эта борьба вытекала и обуславливалась обострением классовой борьбы в нашей стране. Это обострение сказалось, как подчеркивает резолюция Центрального комитета, и на теоретическом фронте. Я уже не буду здесь говорить о той борьбе, которую пришлось вести с чисто буржуазными течениями и чисто буржуазными теориями — кондратьевщиной, сухановщиной, громашчиной, и т. д. Это открыто буржуазные теории, которые имели не только чисто идеологическое значение или чисто идеологический характер. Нет, мы сейчас великолепно знаем, что за этими идеологическими установками, враждебными нам, за этими буржуазными теориями скрывалась непосредственная подрывная работа, которая была направлена против пролетарской диктатуры.

Наряду с этими теориями мы имели проявление на нашем теоретическом фронте и теорий другого сорта, тоже теорий буржуазных, тоже теорий враждебных нам, но теорий, которые не выступали с открытым забралом, которые проползали в научную сферу в виде всякого рода, иногда тончайших фальсификаций марксизма. Эти теории представляют чрезвычайно большую опасность на нашем теоретическом фронте. И то обстоятельство, что эта опасность велика, подчеркивается тем, что вокруг многих из этих теоретиков, которые вели борьбу против марксизма-ленинизма, имелись группы наших товарищей коммунистов, которые иногда с пеной у рта защищали меньшевистские фальсификации марксизма.

Это обстоятельство подчеркивает сейчас всю опасность и всю силу этих враждебных влияний, которые и ныне продолжают еще сказываться на нашем теоретическом фронте.

Если посмотреть, что является наиболее характерным для этих разнообразных фальсификаций марксизма, с которыми выступал и Рубин, с которыми выступала и Аксельрод, с которыми выступал Деревверзев и целый ряд других теоретиков, им подобных, — то одной

из наиболее характерных черт являются попытки отрыва теории марксизма от практики революционной борьбы. Вот эта черта проходит красной нитью через все эти теории. Возьмите вы Переверзева. У него одно из центральных положений — формулировка независимости литературы, независимости искусства от политики, это якобы два параллельных ряда. Возьмите вы Рубина. Здесь марксовы категории превращались в некоторые абстрактно логические категории, которые были оторваны от экономической действительности, которые были лишены классового содержания, которые преподносились в чисто абстрактном, отвлеченном, схоластическом виде. Возьмите вы систему ошибок Деборина и его группы. Одним из основных моментов ошибок являлись точно так же попытки отрыва философии от задач нынешнего этапа, от классовой борьбы пролетариата. Это — непризнание ленинского этапа в развитии философии и непризнание ленинских работ, это стремление уйти от действительности. Одной из наиболее колоритных фигур этой части фронта является Рязанов, который наиболее резко проводил в своих работах отрыв марксистской теории от практики классовой борьбы, пытался возвести это в принцип. Как известно, одним из псевдонимов Рязанова в прежнюю пору, был псевдоним «Буквоед», которым он подписывал все свои работы. Рязанов до конца жизни оставался этим буквоедом, который читал и знал буквы марксистского учения, но не понимал никогда его смысла, не понимал того живого революционного духа, каким проникнут марксизм. Пример Рязанова показывает, что этот отрыв теории от революционной борьбы ведет прямехонько в меньшевистское болото.

Враги пытались нас обезоружить, уведя в дебри схоластики, в сторону от генеральной линии социалистической революции.

С помощью и под руководством ЦК ВКП(б) научные работники, на основе марксистско-ленинской постановки вопроса о соотношении теории и практики разоблачили эти тонкие и острые ухищрения врагов, отбили эти попытки подорвать фундамент научной работы в Советском Союзе.

Вот основные моменты той борьбы, которую пришлось вести на теоретическом фронте. Было бы большой ошибкой считать эту борьбу законченной. Мы видим, что на отдельных участках теоретического фронта такого рода течения еще не искоренены, что и теперь в связи с общим нашим положением мы можем ожидать всякого рода рецидивов подобных теорий и совершенно естественно, что необходимо попрежнему быть во всеоружии марксистской критики для того, чтобы во-время отражать все эти враждебные влияния, которые идут к нам со стороны классовых врагов, которые просачиваются от социал-демократов и которые находят иногда свое выражение в работах коммунистов. Эту опасность мы должны все время иметь у себя перед глазами.

Но для того, чтобы по-настоящему бороться с этими течениями, мы должны твердо стоять на почве нашей социалистической действительности. Мы должны помнить ту сторону марксизма, которую постоянно подчеркивал Ленин, ту сторону, что марксизм есть руководство к действию, и что тот, кто забывает эту сторону марксизма, что он есть руководство к действию, тот его выхолащивает, тот его превращает в схоластическую догму, тот выпинает из него живой

революционный дух, тот разрывает его связь с практическими задачами эпохи. Вот эту сторону, эту необходимость связи марксизма с живой революционной действительностью, с боевыми задачами эпохи мы должны не только все время помнить, но и все время эту связь держать, ибо только при этом условии мы можем верно отражать те удары, которые классовый враг пытается наносить на теоретическом фронте, и только при этом условии мы можем двигать дальше вперед дело марксистской науки. Ленин самым блестящим образом в своих работах показал, как он понимает эту связь, и его работы в этом смысле являются образцом развития марксистской науки. Проследите том за томом все работы Ленина. Ведь каждая работа каким-то образом была связана с задачами революционной борьбы и вместе с тем каждая представляет собой великолепный вклад в сокровищницу марксистской науки. Совершенно естественно, что без этой связи с революционной борьбой мы не можем дальше двинуться ни на шаг. Поэтому, повторяю, одним из основных моментов нашей работы является то, что мы должны эту связь укрепить, мы должны эту связь держать и на основе нашей революционной борьбы, борьбы рабочего класса, разрабатывать дальше марксистскую науку. Вот эта связь с задачами практического строительства, с задачами революционной борьбы является сейчас одним из наиболее слабых мест нашего теоретического фронта. Нужно сейчас осознать со всей отчетливостью это обстоятельство, хотя оно для нас чрезвычайно неприятно, но которое мы должны понять во всей его остроте.

И эта недостаточная увязка с задачами социалистического строительства сказывается в работе Комакадемии. Несмотря на то, что еще в прошлом году т. Сталин здесь на конференции аграрников-марксистов отметил это отставание науки от практики и поставил ряд задач перед научным фронтом, несмотря на это, за этот год больших результатов в этом отношении не добились. И лучшей иллюстрацией к этому являются показатели работы Комакадемии. Вот, товарищи, перед вами (показывает на диаграмму) распределение научных изданий по отдельным институтам в Комакадемии. Это лучшая иллюстрация к тому, где у нас действительно сейчас слабые места. Возьмите, пожалуйста: вот (показывает) Ин-т истории, здесь количество листов и количество названий; вот — Ин-т литературы и искусства; вот Ин-т советского строительства — колонка, которая поднимается выше всех. А вот — Аграрный ин-т, вот Ин-т экономики (с м е х). Их «колонка» научной работы еле видна. Вот Ин-т философии (с м е х). И вот Секция кооперативная. Вот, что мы имеем. Это, товарищи, не формальные данные, потому что, что значат эти данные, эти — издания? Ведь это есть какие-то плоды, реальные результаты работы Комакадемии. Совершенно естественно, что мы можем эту работу сценивать только по тем плодам, которые она дает. Но как мы видели плоды Института экономики и Аграрного и по количеству и качеству работ ничтожны. А ведь Аграрный ин-т, Ин-т экономики являются как раз теми частями Комакадемии, которые ближе всего должны быть связаны с практической действительностью, в которых прежде всего должна отражаться эта живая революционная действительность, которые прежде всего и раньше всего должны эту действительность теоретически осмыслить.

Вот эти институты теперь находятся как раз на последнем месте.

Поэтому не даром в постановлении Центрального комитета было подчеркнуто, что Коммунистическая академия запоздала с перестройкой своей работы и это запоздание особенно сказалось по Экономическому и Аграрному ин-там. Вот вам иллюстрация к этому.

И это не только грех здешней Комакадемии. Возьмите вы Ленинградское отделение Комакадемии. За 1929/30 г. в Ленинградском отделении было прочитано в Ин-те истории — 53 доклада, в Ин-те экономики — 28, в Аграрном ин-те — 3. При этом из 28 докладов по Ин-ту экономики только один доклад беспартийного В о л ь ф а — «Ленинград как тип промышленного района» — посвящен вопросу советской экономики. Ни в Аграрном ин-те, ни в ЛОКА вообще не прочтено за это время ни одного доклада о коллективизации, о реконструкции сельского хозяйства вообще, о пятилетке, о ликвидации кулачества. Зато там читались такие доклады, как «Британская Малая», «Экономические воззрения Мальтуса», «Учение Гуго Гроция об обществе», «Македонская оппозиция в армии Александра» (с м е х), «Родоплеменная организация у скифов и Геродот», «Социальный вопрос в Египте к концу среднего царствования» (с м е х). Я не против того, чтобы изучать социальный вопрос в Египте, можно и этим делом заниматься, но когда получается такое положение, что занимаются социальным вопросом в Египте и проходят в то же время мимо реконструкции сельского хозяйства, мимо коллективизации, мимо создания совхозов, то это показывает, что здесь имеет место крайнее неблагополучие, что здесь имеет место неправильное направление всей научной работы. За последнее время Ленинградское отделение Комакадемии начинает значительно исправлять свою работу. Они сейчас уже взялись за разработку целого ряда актуальных проблем. Но вот какое положение у нас было только год тому назад. Это подчеркивает, что связь с практическими задачами социалистического строительства является действительно самым слабым местом в работе наших научных учреждений.

Конечно, этого нельзя сказать о всех наших институтах, и я предупреждаю против того, чтобы здесь была сплошная, огульная оценка. Целый ряд институтов пытался поставить разработку ряда актуальных проблем и ставил довольно хорошо. Возьмем например Институт советского строительства. Я должен сказать после ознакомления с работой этого ин-та, что этот институт стоит пожалуй на первом месте. Там были созданы коллективы и бригады, которые помогали нашим советским органам в разработке уставов советов, помогали в разработке уголовного кодекса, разрабатывали целый ряд вещей, которые имеют сейчас для нас актуальное практическое значение. Если не ошибаюсь, в настоящее время работает специальная бригада этого института, которая помогает Моссовету перестраивать массовую работу. Здесь, в этом институте, видно уже движение жизни, и видны попытки по-настоящему связаться с теми задачами, которые ставит перед нами наша советская действительность — помочь партии эти задачи разрешить.

Но, я говорю, как раз в тех институтах, которые должны быть впереди в этом отношении, которые должны всем институтам давать тон во всей жизни Коммунистической академии, — в этих инсти-

тутах, в институтах экономики и Аграрном — дело поставлено чрезвычайно слабо. Это обстоятельство имеет для нас большое практическое значение, это отражается в нашей практике.

Возьмите вы одну проблему, которая сейчас имеет громадное практическое значение и которая в то же время является величайшей теоретической проблемой, — это вопрос о том, что мы вступили в период социализма. Мы вступили в период социализма, но вместе с тем мы проходим последний этап нэпа. Этот этап был разобран по-настоящему где-нибудь в нашей теоретической работе? Нет, товарищи, были отдельные попытки разработки этого вопроса, но по-настоящему он разработан не был. Все своеобразие, все переплетение новых отношений, которые создаются тем, что мы вступили сейчас в период социализма, и старых отношений, — все своеобразие этих отношений не было разработано в наших теоретических трудах. Я думаю, что целый ряд неправильных представлений, которые проявились у наших отдельных товарищей на отдельных участках нашего экономического фронта, — неправильных представлений о том, каковы их задачи сейчас, как они должны ставить свою практическую работу, — вытекает из того, что не было как следует теоретически разработанного вопроса о своеобразии этого этапа, о том, что значит, что мы вступили в период социализма, в чем новое, что у нас появилось, что значит, что мы проходим последний этап нэпа, какие элементы нэпа у нас еще остаются.

Возьмите вы такую установку, с которой недавно пришлось иметь дело Центральному комитету на специальном совещании, которое было созвано, — на совещании кооперативов. Там выяснилось следующее обстоятельство, которое было подчеркнуто т. Сталиным, — что наши кооперативные работники подошли сейчас с неверной установкой к работе кооперации. Они исходили из того предположения, что, вытеснив частный капитал, кооперация сейчас может перейти к прямому продуктообмену, между тем как условия для этого еще не созрели и между тем как нам придется проходить этап школы кооперативной торговли. Нам придется еще и дальше учитывать особенности рынка, приносиваться к потребителю и строить самую работу кооперации таким образом, чтобы была известная заинтересованность у кооперативных работников. Именно из этой неправильной установки о том, что мы сейчас переходим к прямому продуктообмену, усилилось обюрокрачивание кооперативного аппарата и происходит замораживание товарооборота.

Возьмите такой момент, как установку отдельных товарищей на местах относительно того, что хозрасчет можно сейчас отбросить побоку, в сторонку. Это тоже вытекало из неправильного понимания нового этапа, из непонимания того, что нам еще придется пройти школу хозрасчета прежде чем перейти к настоящему социалистическому учету на наших предприятиях. Возьмите вы вопросы денежной системы. Ведь у нас не так давно, еще осенью этого года, отдельные товарищи пытались объявить отмирание денег. И естественно, что у отдельных работников на местах создалось и под влиянием этих рассуждений и под влиянием общей неправильной установки такое представление, что деньгами можно сейчас

не особенно дорожить, что это вещь отмирающая, что на нее можно сейчас не обращать внимания. Отсюда вытек ряд довольно серьезных и неприятных для нас последствий в нашей хозяйственной практике, которые ликвидируются с большим трудом. ЦК на своем декабрьском пленуме со всей силой подчеркнул значение финансового плана. Вот, если взять эту крупнейшую проблему, она заслуживает самой внимательной и самой тщательной, самой глубокой разработки, она имеет крупнейшее практическое значение для нас. А именно эта проблема не стояла в центре работ наших научных учреждений, и за исключением некоторых статей никто не попытался как следует, всерьез взяться за это дело.

Чем же, товарищи, объясняется это отставание теоретического фронта? Как будто сейчас все соглашаются, что это отставание имеется, как будто все убеждены в том, что это отставание дальше не терпимо, как будто все сошлись, что необходимо это отставание ликвидировать как можно скорее. И вместе с тем ничего не получается. Вот аграрники пытались недавно созвать расширенный пленум аграрников. Они показали ЦК программу этого пленума, и оказалось, что по существу эта программа вращается в том же самом кругу вопросов и в той же самой плоскости, в которой проходила прошлогодняя конференция аграрников. Никакого движения вперед, никакой попытки разобрать те новые проблемы, конкретно, по-настоящему подойти к ним, — которые стоят в настоящее время перед нами. Если так дело будет продолжаться дальше, то очевидно и в новую годовщину выступления т. Сталина аграрникам придется писать те же самые статьи, которые они писали в этом году. «Мы должны-де со всей большевистской прямоотой сказать, что нами указания т. Сталина не выполнены».

Само собой разумеется, что такая большевистская прямоота является очень слабым утешением, прежде всего нам нужно подумать относительно того, как выйти теперь же из этого неприятного положения, которое может стать позорным, если оно будет продолжаться и дальше.

Мне кажется, что корень зла заключается в том, что товарищи до сих пор очень мало внимания уделяют вопросу организации научной работы. Если посмотреть на то, как представляют себе отдельные товарищи научную работу, то надо вам сказать, в наших научных учреждениях представление об этой научной работе у нас, у коммунистов, которые должны быть передовиками, — самое архаическое, самое старомодное. Всюду проводится и действует производственный план, но попробуйте вы производственный план применить к какому-нибудь научному работнику или научному учреждению, сейчас же встанут на дыбы. У нас до сих пор считается, что научный работник есть какое-то особое существо, которое должно ждать, когда его «осенит свыше», для того, чтобы он начал обдумывать проблему, и потом после продумывания должен ждать вдохновения для того, чтобы взяться по-настоящему за эту проблему и ее разрабатывать. У нас везде существует коллективный метод работы, но возьмите наших научных работников — они только теперь начинают говорить о применении этого коллективного метода. А применяется он в действительности? Не приме-

няется. У нас везде ведется борьба за промфинплан, укрепление дисциплины; кроют каждое предприятие, каждого работника, введение персональная ответственность, за каждый промах, каждое невыполнение плана и т. д. Но возьмите вы наших научных работников. Вот здесь прекрасный план, который был составлен в этом году, план по Ин-ту экономики, целый ряд крупнейших проблем: «Теоретические проблемы империализма», «Теория обнищания», коллективный учебник по политэкономии, рабочая книга по политэкономии, затем сборник «Экономические теории правого уклона и троцкизма», «Вопросы ликвидации безработицы», «Новые формы организации труда и система оплаты труда». Я уже не спрашиваю о том, выполнено ли хоть что-нибудь из этого плана, но работает ли хоть кто-нибудь над этим планом или нет? Сомневаюсь, что хотя бы половина вопросов, которые здесь перечислены, подвергалась в настоящее время действительной проработке так, как это было намечено в плане.

Я, товарищи, считаю, что сейчас корень вопроса заключается в организации научной работы, и это дело нам нужно продумать со всей серьезностью. Теми методами, которыми мы работали раньше и которые некоторые товарищи правильно называют методами «кустаря-одиночки», этими методами никаких боевых темпов, никакой разработки актуальных проблем мы ни в коем случае не выполним. Тут надо идти по новому пути, и сейчас передовики коммунисты, которые находятся в институтах Красной профессуры и в Комакадемии, должны подумать, о том, как организовать план работы, как организовать коллективы, как распределить эту самую работу таким образом, чтобы получились реальные плоды.

Вот существует план институтов, но создано ли общественное мнение, здесь — в коллективе? Везде теперь коллективы повернулись лицом к производству, и когда в ЦК стоит вопрос о работе того или другого коллектива, то эту работу прежде всего оценивают с точки зрения того, как он на деле проводит генеральную линию, как этот коллектив добивается выполнения производственного плана. А в Комакадемии? Создано ли здесь общественное мнение вокруг производственного плана, следит ли кто-нибудь за реальными результатами работы, есть ли персональная ответственность за невыполнение производственного плана? К сожалению, этого нет еще в Академии, и коллектив коммунистов в ней не повернулся еще лицом к своему научному производству, мало занимается тем, как это производство организовать, как ликвидировать отставание, как добиться темпов и реальных результатов научной работы.

Если Экономический институт Комакадемии выполняет например «ноль процентов» производственного плана, то получает ли это какую-нибудь общественную оценку, подвергается ли это где-нибудь самокритике, выносится ли на страницы печати? Нет, товарищи, этого к сожалению у нас еще нет, и я повторяю, что мы не можем сейчас — и это было бы величайшей ошибкой — таким образом разворачивать научную работу и работу в остальных областях, как это пытаются делать отдельные товарищи. Не можем ни в коем случае отписываться, что вот-де производственный план — это не для нас, научная работа — это-де особая статья, которая не подда-

ется регулированию, труддисциплина к нам не относится, порядок и ответственность за работу — это нас не касается! Пора покончить с этими отжившими архаическими взглядами. Ведь у нас сейчас даже поэты работают иначе!

Пора покончить с этими старомодными взглядами на научную работу, пора покончить со взглядом, что организация научной работы — это какое-то третьестепенное дело, вопрос чисто и узко технического. Это чистейшая чепуха.

Чем же иным как неумением организовать работу можно объяснить тот факт, что когда имеется сейчас полторы тысячи аспирантов только в одной Комакадемии и в ИКП, не считая Ленинграда, не считая Свердловки, где также имеются свои аспиранты, — и результаты научной продукции в то же время ничтожны? В последнее время правда были попытки дать «теоретическое обоснование» этой малой научной производительности. Некоторые товарищи говорили: ну, как же нам писать, у нас сейчас народ боится писать, — знаете, напишешь какую-нибудь книгу, а тебя так проберут, что потом своих не узнаешь (смех). Вас смех является оценкой этих «обоснований». По существу эти разговорчики являются оппортунистической клеветой на нашу партию и научные учреждения. И надо с ними решительно покончить. Хорошая научная работа всегда найдет должную оценку в партии. Партия сумеет поставить на свое место как некоторых критиков-крикунов, действующих без разбора с помощью оглобли, не умея отличить ошибку от системы ошибок, сложившийся уклон и оттенки мнений, так и тех, кто свое собственное бессилие, неумение организовывать работу пытается прикрыть разговорчиками о том, что творческая работа якобы поставлена в невозможные условия. Как раз наоборот. Никогда еще наша партия не занималась в такой мере вопросами обеспечения научной работы, не уделяла ей столько внимания, как теперь.

В одной области необходимы самые сильные меры: нам нужны учебники, дозарезу нужны учебники, потому что в связи с ходом социалистического строительства все учебники, которые создавались прежде, на 90% устарели. Нужно сейчас их создать по-новому. Сеть партийного просвещения, сеть народного образования, наших вузов и втузов, дело подготовки кадров, — все это расширилось за последнее время неимоверно. Нам дозарезу нужны учебники. В Центральном комитете ждали, что наши научные учреждения пошевелятся, что они придут на помощь в этом деле партии и создадут учебники. Оказалось, что это не так. Пришлось и здесь подтолкнуть, пришлось и здесь пойти на то, чтобы на заседании Оргбюро создать производственный план по разработке учебников, дать задания под персональной ответственностью отдельным нашим ин-там. Это дело сделано, это дело будет выполняться бригадным способом при помощи коллектива работников. Это — новое начинание, важное начинание, которое не только нужно поддержать, но взять сейчас под общественный контроль, под коммунистический контроль, чтобы это дело было закончено во-время, в срок. Экономический ин-т ИКП точно так же пошел на это, причем он решил работу своих семинаров на старших курсах построить таким образом, чтобы каждая работа отдельного слушателя, который раньше писал или по наитию или по учебному плану, представляла собой

некоторый элемент в общей работе, некоторую часть ее так, что, объединив эти работы и их проредактировав, можно было бы затем издать в виде учебника или в виде учебного пособия. Это тоже важное начинание, не большое, но важное начинание. Нужно всячески поддержать товарищей из Экономического ин-та, чтобы они эту работу провели во-время и сдали.

Повторяю, здесь для нас важно даже такое малейшее начинание для того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, а оно в значительной части институтов находится сейчас на мертвой точке, — это нужно понять. Значительная часть производственных планов институтов и разработка целого ряда проблем может вестись силами аспирантуры. Такого рода вещи, как разработка учебников, как разработка отдельных проблем колхозного строительства, отдельных проблем индустриализации, могут быть организованы силами аспирантуры в порядке учебного плана при соответствующем руководстве товарищей аспирантов на III курсе (некоторые говорят, что они не подготовлены), которые пишут иногда хорошие статьи в такие органы, как «Правда» и «Большевик», дают квалифицированные работы по отдельным проблемам.

Они естественно могут принять участие в более серьезной научной работе, но их надо объединить, им нужно дать развернутый план, им надо помогать в процессе работы, и это должны делать старшие товарищи. Нам нужно сейчас отбросить работу по-старинке, по-кустарному и перейти, как это подчеркивает постановление Центрального комитета, в большей степени на метод коллективной, проработки проблем и заданий, ибо только этим путем мы можем нагнать темпы и дать нашей партии ценную и нужную для нее научную продукцию. Совершенно естественно, что никакой «кустарь-одиночка» не может в этом отношении угнаться. Для того, чтобы написать учебник одному автору, нужно сидеть годы над этим учебником, а я вас уверяю, что коллектив работников, под руководством квалифицированных товарищей, может такой же учебник написать в несколько месяцев. То же самое касается и разработки отдельных проблем. И отсюда вывод один, что только путем иной организации, новой организации научной работы мы сможем действительно сдвинуться с мертвой точки, нагнать темпы и ликвидировать то отставание научной работы, которое констатировано и в резолюции ЦК нашей партии.

Коснусь в заключение вопроса о наших теоретических дискуссиях. Теперь эти дискуссии проходят и прошли по всем почти нашим теоретическим фронтам.

Надо сказать, что они сыграли свою положительную роль, и роль довольно большую. Прежде всего в процессе этих дискуссий был дан отпор целому ряду враждебных теорий, которые просачивались в наши ряды. В процессе этих дискуссий были выявлены и те элементы чуждых влияний, которые имеются в работах наших отдельных товарищей-коммунистов. Наконец эти общие теоретические дискуссии, которые обычно назывались как «положение на таком-то фронте», «положение на фронте философии», «положение на фронте Западной истории», — они давали возможность обозреть все положение данного теоретического фронта и наметить для нынеш-

него этапа те боевые проблемы, над которыми в настоящее время надо работать.

Были здесь в процессе этих дискуссий отдельные перехлестывания самокритики. Это нужно, товарищи, иметь в виду. И нам конечно необходимо бороться с такого рода перехлестыванием, которое имеет место в наших теоретических дискуссиях.

Вот последняя дискуссия, которая происходит, — дискуссия на фронте западной истории. Там тоже свои перегибы имеются. Отдельные товарищи выступали с такого рода положением, что там на фронте западной истории у нас политическое неблагополучие, что неправильна генеральная линия работы О-ва историков-марксистов и т. д. и т. п., что необходимо поставить вопрос о руководстве этим самым фронтом западной истории и т. д. Пытались подчеркнуть все то ценное, что было сделано на этом фронте западной истории. Совершенно естественно, что такого рода перехлестываниям необходимо давать самый решительный отпор.

Но нужно обратить внимание и на другую сторону. Это то, что в значительной своей части эти теоретические дискуссии вращаются на холостом ходу.

Вот это чувствуется и в происходящей теперь дискуссии по мировому кризису.

Насколько я знаю, положение в этой начавшейся дискуссии рисуется таким образом, что целый ряд товарищей выступает с такими речами, которые можно было произносить и два, и три, и четыре, и пять лет тому назад и ничего бы не изменилось. Сейчас в такой области, как мировое хозяйство, где мы стоим перед самыми боевыми, животрепещущими проблемами, мы не можем говорить таким абстрактным языком. Ни в коей степени! Мы должны сейчас изучить конкретный ход мирового хозяйственного кризиса, мы должны определить, на какой ступени этот кризис сейчас в настоящее время находится, ибо все это имеет самое непосредственное значение для Коминтерна, для всех наших коммунистических партий, для Советского Союза. И поэтому так «абстрагироваться» в дискуссии, что терять все своеобразие нынешнего момента — является величайшей ошибкой, которая эту дискуссию сводит на рельсы, идущие далеко в сторону от генеральных проблем нынешнего периода.

Я должен подчеркнуть еще одно, товарищи, что мы не можем сейчас останавливаться на этом этапе общих дискуссий. Мы их прошли, они сыграли свою полезную роль, они показали нам, что мы имеем на отдельных участках нашего теоретического фронта, но дальше заниматься такими общими обзорами, — а эти обзоры иногда были слишком общи, некоторые тезисы, которые появлялись по тому или иному вопросу, носили скорее характер рецензентских обзоров всей вышедшей литературы, — нет смысла.

Нет, товарищи, теперь нужна разработка проблем нашего строительства и классовой борьбы пролетариата. И если вы хотите дискутировать, то дискутируйте вокруг конкретных проблем, насколько они правильно разработаны, как их нужно ставить, действительно ли учтено здесь все своеобразие нынешнего момента и классо-

вой борьбы пролетариата. Так мы должны сейчас ставить эти вопросы в нашей научной работе.

Я повторяю, товарищи, в заключение, что основным вопросом, над которым нужно сейчас думать, о котором нужно говорить, чтобы по-настоящему поставить научную работу, чтобы двинуть ее вперед, является вопрос организации научной работы, такой организации, которая принесла бы реальные плоды; такого контроля над этой работой, который бы учитывал работу каждого научного работника и каждого научного учреждения прежде всего с точки зрения их реальных плодов: какую научную продукцию они дали, какие учебники, они выпустили или какие проблемы они разработали. Вот как мы должны сейчас подходить к оценке работы наших научных учреждений и к оценке работы каждого научного работника коммуниста. И так прежде всего должен действовать коллектив коммунистов в научных учреждениях.

Ибо только на основе правильной организации научного труда, применения коллективных методов мы можем ликвидировать отставание научной мысли от социалистического строительства и только на этой основе мы сможем помочь нашей партии в освещении тех больших проблем, которые встают на ее пути (а п л о д и с м е н т ы).

А. Стецкий

О ТРЕТЬЕЙ СИЛЕ 'В ПЕРИОД ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ'

... 15 марта 1921 г. Владимир Ильич выступил со своей речью о нэпе, на повороте к новой экономической политике. Эта дата очень знаменательна; 15 марта исполнится 10 лет нашего поворота к нэпу. Мы имеем длинный путь, пройденный нашей партией на основе этой новой экономической политики... Путь этот необычайно интересный, поучительный, значительный путь, уроки которого должны сослужить службу не только нам, но и компартиям всех стран.

И вот именно потому, что этот момент был необычайно трудным, сложным, труден был и самый поворот. И очевидно не вся наша партия могла его совершить в полном порядке. Ленин резко формулировал это отступление. Он говорил, что когда находятся люди, которые мешают нам в этот момент отступать в полном порядке, то по вносящим панику стреляют. Шляпников и Медведев ухватились за эти слова Ленина и представили дело таким образом, будто Ленин прямо говорил об их расстреле. Поэтому они на X съезде говорили, указывая на Владимира Ильича и Фрунзе: «Вот сидят два пулеметчика, которые уже два года собираются нас расстрелять» (с м е х). Надо было временно отступить, надо было признать, как говорил Ленин, что это есть временное поражение, что надо совершить маневр, как он впоследствии говорил, от непосредственного штурма перейти к длительной осаде. Когда Ленин проводил аналогию с Порт-Артуром, он указывал, что для установления более широкой и тесной смычки с крестьянством — это временное и вынужденное отступление для перегруппировки сил, для обеспечения возможности дальнейшего наступления.

И вот уже на XI съезде В. И. Ленин говорит о том, что отступление закончено. Надо было сомкнуться с более широкой массой на основе новой экономики, новых экономических отношений для того, чтобы через несколько лет всемерно развить кооперативные формы, коллективизацию, для того, чтобы поднять и развить нашу промышленность, для того, чтобы двинуться гораздо более широким фронтом по пути к социализму.

Здесь, на этом пути опасности были громадные. В своей статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» Ленин писал:

«Каждый своеобразный поворот истории вызывает новые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата».

Кроме тех шатаний, о которых мы уже говорили, мы имели в партии дальнейшее развитие тех взглядов, которые примыкали одной стороной к взглядам группы «демократического централизма», а с

¹ Из доклада т. Е. И. Ярославского в Комкадемии.

другой стороны, питались меньшевистским настроением, богдановщиной группы «Рабочей правды», куда входили Шульман, Хайкевич, Ф. Щуцкевер и еще ряд товарищей (я не помню сейчас их фамилий), куда входил целый ряд свердловцев (эта группа главным образом организовалась в Свердловском университете) — эта группа была как бы мостом между меньшевиками, с одной стороны, и группой демократического централизма, группой, которая впоследствии приобрела кличку «партийных либералов», с другой стороны.

В этот момент классовый враг, имея в виду настроения, которые существовали тогда в отдельных прослойках партии (с одной стороны, недовольство новой экономической политикой, а, с другой, наш вынужденный поворот к нэпу, наше временное отступление), классовый враг, присматриваясь к этому, стал рассчитывать, что ему удастся использовать по-своему создавшееся тяжелое положение. Враг рассчитывал, что это вынужденное отступление превратится в «сползание на тормозах», что диктатура пролетариата на тормозах сползет к капиталистической реставрации, к буржуазной демократии, поэтому мы видим, что в части белой эмиграции, в части контрреволюционной интеллигенции происходит «смена вех» и нарождается так называемое смелое хововство. Это было именно проявление этой третьей силы, которая рассчитывала на термидорианское перерождение советской власти и партии, на действительное сползание с рельсов пролетарской диктатуры к буржуазной реставрации, к капитализму. Ленин предлагал чутко прислушиваться к этой правде классового врага, он призывал бороться с такого рода настроениями.

Поворот этот, как я уже говорил, вызвал кое-какие «переоценки ценностей», отдельные выходы из партии, но он также вызвал смену тактики мелкобуржуазных партий, которые надеялись, что им удастся теперь как-нибудь повернуть партию и советскую власть на путь капиталистической реставрации. В целом ряде документов меньшевистских, эсеровских и кадетских мы видим, как разбиваются надежды классовых врагов на ход революции, на то, что ее путь будет путем перерождения. Раз эсеры и меньшевики считали, что советская власть может переродиться, что же осталось делать им — всяким Кондратьевым, Громанам, всяким Сухановым, Волковым, Гвоздевым, Гинзбургам, Шерам, Иковым и проч. и проч. Они решили, что настал момент, когда они должны войти в советский аппарат, проникнуть во все его поры для того, чтобы использовать его в целях буржуазной реставрации, для того, чтобы форсировать свою политику в угоду капиталистическим элементам. И вот мы видим теперь, как пролезшие во все поры нашего советского аппарата чуждые элементы, к которым мы сплошь и рядом относились чересчур доверчиво, искажают политику советской власти и партии в угоду капиталистическим силам, искажают кое-где налоговую, кредитную, кооперативную, снабженческую политику и проч. и проч., помогают частникам, хлопочут о расширении нэпа. Политика землеустройства сплошь и рядом направляется в сторону насаждения хуторского и кулацкого хозяйства. Под влиянием этих элементов кое-где возникали теории вроде «неонэпа», «агронэпа» и т. п. Под влиянием этих элементов на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии расцветают национальные демократические настроения, происходит смычка кое-где неустойчивых элементов на-

шей партии с меньшевистскими, эсеровскими, народническими элементами, а кое-где и с кадетскими элементами.

Товарищи, вы знаете, что примерно в 1924 г. «российская» социал-демократическая партия переходит на новую платформу, несколько новую ориентировку. К этому времени окончательно совершается ее переход в лоно II Интернационала. Одно время она, как вы знаете, заигрывала с левыми социал-демократами, с двух с половиной интернационалом, «возмущалась» пепеэсовцами, «возмущалась» очень осторожно немецкой социал-демократией, заигрывала даже с советской властью. К этому же времени совершается ее окончательное возвращение в лоно II Интернационала. Выясняется к этому моменту, что, несмотря на все трудности первых годов нэпа, когда мы вынуждены были отступать, после временной остановки, после временного отступления, после перегруппировки сил, после восстановления хозяйства, мы смогли перейти к наступлению широким фронтом. Однако к тому времени, когда восстановительный период уже дает себя знать в партии, возникает борьба нескольких новых оттенков, которая является отражением недовольства главным образом довольно широких слоев технической интеллигенции и разоряющейся мелкой буржуазии городов, вытесняемой кооперацией и госторговлей, а также выходцев из мелкобуржуазной среды, из среды учащейся молодежи. Вы знаете, что в первые годы у нас был не строгий отбор, а эта учащаяся молодежь жила в то время в довольно трудных материальных условиях и отражала иногда особенно ярко настроения разоряющегося мещанства города.

К этому же времени мы имеем возникновение атаки троцкистской оппозиции на партию, которая сохранила до поры до времени свои кадры, а после смерти Ленина стала претендовать на руководство в партии. Я не думаю подробно останавливаться сегодня на анализе троцкистской оппозиции. Он был дан во всех решениях партии и Коминтерна, начиная с XIII съезда, когда троцкизм был еще только мелкобуржуазным уклоном в партии. По сути дела он дан в работах Ленина о троцкизме еще до пролетарской революции. Основные черты троцкизма как разновидности меньшевизма, прикрытые левой фразеологией, в новой обстановке проявились в новом еще более одиозном виде.

Интересно сопоставить с этим моментом как раз то, о чем я говорил, что к этому времени консолидируется уже партия меньшевиков как партия послевоенного II Интернационала, т. е. она окончательно становится на путь поддержки блока с буржуазией против пролетарской диктатуры, окончательно выступает как партия капиталистической реставрации, так сказать, в мировом масштабе, потому что к тому времени были уже налицо германская компартия, целый ряд других коммунистических партий, которые завоевывают рабочий класс, которые остро ставят вопрос о пролетарской революции. Мы имеем уже ряд попыток пролетарских восстаний, даже временный захват власти пролетариатом, в отдельных странах даже организуется советская власть. Водораздельная линия становится более резкой во всем мире. Казалось бы, что троцкисты и меньшевики говорят в этот период на разных языках. Однако атаки троцкистов на партию, нападки на основную генеральную линию партии, на основы нашей боль-

шевистской организации, на большевистскую дисциплину являются атаками, которые идут целиком по линии интересов II Интернационала, по линии интересов буржуазии. Происходит то, о чем Ленин говорил: кто хоть сколько-нибудь колеблет в эпоху пролетарской диктатуры дисциплину партии, тот служит интересам буржуазии. Это целиком оправдалось на троцкистской оппозиции.

В чем была главная опасность троцкизма в этот период? Троцкисты подменяли политику союза с крестьянством политикой игнорирования середняка и тем самым толкали середняка в объятия кулачества, тем самым создавали угрозу разрыва союза пролетариата и основной массы крестьянства, ставили под угрозу существование этого союза. Троцкисты требовали в период, когда еще не было восстановлено хозяйство, таких темпов строительства, которые иначе не могли быть выполнены как только путем разрыва этого союза и могли сорвать всякое плановое строительство. Яростные атаки против партийной дисциплины, разрыв с партийностью, как я уже говорил, — все это развязывало мелкобуржуазную стихию, которой было мало дела до некоторых левых фраз троцкистов. Они ценили в этих выступлениях троцкистов как раз другое. Они ценили то, что Троцкий расшатывает основы пролетарской диктатуры. Заявление Троцкого о том, что «главной опасностью, опасностью из всех опасностей, является партийный режим», что в стране совершается термидорианский переворот, что в случае войны массы не поддержат нашу партию, — все это конечно было наружу буржуазии. Все это шло по линии буржуазных установок, все это вдохновляло и окрыляло третью силу на борьбу. Меньшевики очень высоко расценивали дезорганизаторскую, разлагающую деятельность троцкистов и сочувствовали кое-чему в их программе. Впрочем программу они могли в конце концов провести и свою, пользуясь дезорганизаторской, разлагающей деятельностью троцкистов. Для них не то было важно, чтобы обязательно принять троцкистскую программу. Троцкистская программа по целому ряду вопросов, как мы видели, очень близко сходилась с меньшевистской программой. А когда к троцкистам присоединилась «ленинградская оппозиция» — Зиновьев, Каменев и ряд других, когда к троцкистам присоединились Шляпников и Медведев в роли батраков этого объединенного блока, когда к «объединенному блоку» одно время присоединилась и фракция «группы всех крикунов» — демократического централизма, когда все эти антипартийные группы и силы выступили против партии, тогда конечно трудно было буржуазии не приветствовать их, потому что этот блок своей яростной атакой развязывал третью силу, помогал третьей силе полностью. Я прочту вам некоторые выдержки из меньшевистских газет, из буржуазно-капиталистических и белогвардейских газет того времени, которые показывают, как и крупная и мелкая буржуазия расценивали выступление троцкистов.

Начну с выступления П. Струве. Он писал следующее:

«Если партийное меньшинство, обвиняя большинство в термидорианстве, попытается само осуществить что-нибудь, хотя бы в отдаленной степени напоминающее французское 9 термидора, мы со своей стороны будем это только приветствовать. В добрый час».

«Руль» писал:

«Долой Сталина! Вот всепоглощающий аргумент, который собирает всех и вся вокруг Троцкого. Но что даст Троцкий? А х, не все ли равно сейчас! Кому интересно гадать, станет ли он пытаться осуществлять свою нелепую программу или же пойдет навстречу требованиям жизни, или же вообще только сыграет в-руку третьей силе? Во всяком случае, если сам вожь вождей провозгласил нэп, т. е. русский термидор, то нынешним грозным словесам Троцкого никакого значения придавать нельзя».

Пусть это сказано очень неграмотно, но смысл этого приветствия совершенно ясен. Вот как «Руль» расценивал тогдашнее выступление Троцкого. Никакого дела ему нет до левых фраз Троцкого. Главное то, что он выдвигает аргумент «долой Сталина». Вы знаете хорошо, что лозунг «долой Сталина» означал и означает: долой большевистское, ленинское руководство партии, ибо т. Сталин защищает дело большевистской партии, лучшим выразителем которой т. Сталин являлся и является после смерти В. И. Ленина.

В «Последних новостях» того времени читаем:

«Троцкий заявил, что главная опасность сосредоточена в самом ЦК, во внутривластном режиме-зажиме; такой ЦК, такой режим-зажим патристического воодушевления не вызовут, наоборот они угашают общественно-политическую энергию масс, и в час войны массы вокруг советской власти не соберутся, массы советскую власть предадут». Тут и был приведен знаменитый пример Клемансо, который для того, чтобы спасти родину, должен был скинуть опасное для родины правительство.

Вот как контрреволюция переводила на свой контрреволюционный язык примеры и сравнения Троцкого. Она очень трезво устанавливала контрреволюционные ноты для своей потребности в этом выступлении Троцкого, и таким образом Троцкий доставлял ей великолепные аргументы для ее контрреволюционной деятельности.

Вот знакомые нам меньшевики. Гарви в «Социалистическом вестнике» пишет: «Не в положительной программе этих упорствующих путчистов... заключается конечно значение оппозиционных атак, а в разоблачении опасности сталинского единодержавия. Китайская мудрость Радека скоро забудется, но крепко запомнится крылатое, острое, как парфянская стрела, слово Троцкого — «опаснейшей из всех опасностей является партийный режим».

«Социалистический вестник» на ште выносит Троцкого: вот нужные слова, все остальное, что он говорит — это пустяки, это глупости. Все забудется, и «китайская мудрость» Радека забудется, а вот не забудется заявление Троцкого, что опаснейшей из всех опасностей является партийный режим. Тот же Гарви пишет:

«...но недовольные массы по-своему поймут, шире истолкуют крылатое слово Троцкого. Опаснейшей из всех опасностей является не режим правящей партии, а режим диктатуры этой партии над пролетариатом и крестьянством, над 150 миллионным народом, над огромной безответственной страной...»

Значение оппозиционных атак на сталинское большинство не в программе оппозиции, а в ее критике, в разложении большевизма, в расшатывании монолитного здания диктатуры, подрывании идейных и организационных устоев Коминтерна».

«Форвертс» в статье «Начало конца» пишет:

«Троцкий сделал правильный вывод, что ИККИ есть послушное орудие в руках Сталина, что он не обсуждает и не решает, а только исполняет приказания. Тем самым он раскрыл не составляющую секрета тайну, что ИККИ является не пролетарским Интернационалом, а только орудием национально-большевистской внешней и внутренней политики самодержца России, т. е. Сталина. Троцкий тысячу раз прав».

Я спрашиваю — можно ли еще лучше поработать на буржуазию, представить лучшие аргументы для буржуазии, для ее нападок против партии, для борьбы ее против партии и против Коминтерна?

«Попюлер» — орган французских социал-фашистов, так называемых «социалистов» II Интернационала — пишет в августе 1926 г.: «Навязывая коммунистической партии каждые три-четыре месяца дискуссию, оппозиционные группы способствуют политическому пробуждению народов Союза. Они таким образом готовят крах большевистской диктатуры и ее демократическую ликвидацию».

«Венская рабочая газета»:

«Троцкий борется с абсолютизмом господствующей группы, он кажется провозвестником грядущей более демократической фазы, преодолевающей диктаторскую монополию господствующей группы».

Та же «Венская рабочая газета» в октябре 1926 г. пишет:

«Троцкий, в противовес правительству, представляет право на оппозицию, право на свободное слово».

«Рейнише-Цейтунг» — социал-демократическая газета — в августе 1926 г. пишет:

«Было бы конечно ошибкой думать, что программа оппозиции способна оздоровить Россию. Однако с точки зрения рационального развития России как раз резко отрицательное отношение оппозиции к политике правящей группы, которая все более и более разлагает аппарат диктатуры, можно только приветствовать».

И т. д. и т. п. Я вам не буду приводить всех цитат, ибо это займет слишком много времени. Я процитирую только еще одну цитату из отзыва лорда Грея о политике нашей партии, взятую из отчета о его речи о «Московской политике мировой революции» (напечатан в английском «Таймсе» от 29 июня 1926 г.): «То, что установили большевики, — заявил Грей, — есть новый деспотизм, работающий в значительной степени тем же аппаратом и может быть еще сильнее, чем царское правительство. Другой факт заключается в том, что советское правительство в Москве не ведет национальной русской политики, оно ведет политику всемирной революции. Это отличает советское правительство от всякого другого правительства в мире. Квинт-эссенцией в московской политике мировой революции, самой сущностью ее является вмешательство во внутренние дела каждой другой страны. Сейчас их усилия концентрируются в Китае, ибо там смута; в прошлом году их усилия концентрировались на Англии, ибо там была промышленная неурядица. Их политика стремится низвергнуть прочие правительства, называемые ими буржуазными, с целью учредить правительство московского типа...»

Если вы сопоставите с этим то, что Троцкий выдвигал обвинение, будто Коминтерн есть послушное орудие советской «московской» политики, т. е. выдвигал социал-демократическое, социал-фашистское

обвинение, прямо белогвардейское обвинение, то вы поймете, что Троцкий просто-напросто был здесь рупором этой буржуазии, представив ей очень сильный аргумент для борьбы с советской властью.

В дискуссии с троцкистами мы затронули все основные вопросы партийной политики. Основная установка троцкистов на проверку оказалась не только антиленинской, а просто-напросто контрреволюционной, не то, что отдельные кусочки платформы оказались негодными, нет, там, в этой эклектической смеси можно найти в отдельных местах отдельные здоровые мысли, но вся основная установка оказалась антиленинской, контрреволюционной. Возьмите такие вопросы, как вопрос о партийной дисциплине, понятие об единстве как о сумме фракционных ячеек — троцкистское понятие — отсутствие партийности, вопрос о деградации руководства, вопрос о строительстве социализма в одной стране, вопрос о природе нэпа, «ножницы», предложение высоких цен, разрыв с середняком и пр. — весь комплекс вопросов политики союза рабочего класса и крестьянства, всю сумму международных вопросов. Теперь история подвела итоги троцкизму. Когда Троцкий мог выступить на международной арене (он имеет сейчас уже с десяток разных оппозиционных листов и листовок на разных языках, начиная с «Бюллетеня оппозиции» и др.), он мог бы обнаружить себя иначе, если бы он был действительно пролетарским революционером, как об этом говорили он и его друзья. А что он обнаружил? Он обнаружил прежде всего то, что под левыми фразами скрывалась самая правая программа. Он сейчас самые правые установки берет под свою защиту.

Он издевается над нашими лозунгами: «Пятилетка в 4 года», «Догнать и перегнать капиталистические страны в технике и в экономическом отношении»; он издевается над такими лозунгами, он подпевает людям из II Интернационала и всем белогвардейцам насчет принудительного труда. Словесно он всякие обвинения, которые выдвигает против нас буржуазия, как будто бы опровергает. Но его «опровержения» во многом напоминают опровержения Дана, заявления Каутского или заявления Абрамовича «под присягой» по поводу тех обвинений, которые против них выдвигаются их же друзьями на судебном процессе. Троцкий оказался тем, чем он был — меньшевиком, прикрывающим меньшевистскую программу левыми фразами, прикрывающим худшие виды антипартийности и фракционности. Троцкий — поставщик для буржуазии аргументов против советской власти, против Коминтерна. Его нападки на Коминтерн являются величайшей услугой всей мировой контрреволюции. Троцкий целиком увязан с системой враждебного рабочему классу буржуазного блока, в котором участвуют и эсеры и меньшевики. Как бы он ни отгораживался, история его пригвоздила к этому блоку, он сам себя привязал к этому блоку. В период пролетарской диктатуры он очутился не только по другую сторону советского государства, сам примкнул к лагерю его хулигателей и ненавистников нашей партии, сам протянул руку помощи нашим классовым врагам. Вот почему так нужна была беспощадная борьба с троцкизмом. Она была тем более необходима, что Троцкий своей левой фразеологией увлек на путь борьбы целые группы товарищей, которые одно время вели борьбу также и против троцкизма. Ведь «ле-

нинградская оппозиция» очутилась в плену у Троцкого. Она амнистировала Троцкого за его прошлые ошибки. Она просто-напросто выбросила все ленинское наследство, направленное на борьбу с троцкизмом, пыталась выбросить его из арсенала партии и заключила блок с троцкизмом для борьбы с нашей партией. Вот почему нужна была самая решительная борьба, самое глубокое разоблачение, обнажение до конца всех ошибок троцкизма; нужно было беспощадное отсечение троцкизма, нужно было вычистить троцкизм из нашей партии без остатка. Без этого мы не могли двигаться вперед. Он нас связывал, ибо он отравлял сознание партийцев, он колебал партийную дисциплину на труднейшем этапе перехода по окончании восстановительного периода, переходе к наступлению широким фронтом, который требует не меньшей дисциплины, чем отступление в порядке. Тут также требуется порядок, тут величайшие трудности, нужны темпы, которые невозможны, если нет единства в рядах. Нужно единомыслие, которое невозможно, если каждый воображает, что он может организовывать фракцию, если он думает, что партия есть сумма группировок, фракций, течений и проч. и проч. Тут борьба с классовым врагом, которая обостряется на этом этапе, на переходе широким фронтом в социалистическое наступление вопреки мнению правых оппортунистов, которые воображали и утверждали, что раз мы переходим широким фронтом к социализму, то классовая борьба ослабевает. Здесь особенно опасны всякого рода шатания, всякого рода недисциплинированность в нашей партии. Здесь протаскивание мелкобуржуазных идеологий особенно опасно. Вот почему мы должны были на XV съезде решительно разделаться с троцкизмом прежде чем поставить вопрос о широком наступлении. С троцкистами наступать вместе мы не могли. Точно так же как не могли в октябре 1917 г. совершить революцию, создавая объединение «всех социалистов», как это предлагали Зиновьев, Каменев, Рязанов, Рыков, Шляпников и др. Только разделившись с контрреволюционным троцкизмом, мы могли перейти к новому этапу борьбы за социализм, к периоду реконструкции.

Мы могли начать строить пятилетку, которая конечно далеко шагнула от всех установок пятилетки, когда-то создававшихся троцкистами. Мы могли по-новому поставить целый ряд задач, когда мы укрепили союз рабочего класса и крестьянства, когда мы восстановили народное хозяйство довоенных размеров, закончили восстановительный период, когда диктатура пролетариата упрочилась, доверие рабочего класса к партии гигантски выросло и в партию вливались новые сотни тысяч рабочих. Мы могли на этом новом этапе поставить также новые задачи, как ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Этот новый этап новой экономической политики является одним из моментов диалектического развития нэпа. Да, вначале это была политика маневра отступления. Ленин даже говорил о поражении. И надо сознаться, что это действительно было поражение, надо было сознаться, что непосредственный переход к созданию социалистических форм нам не удался. Мы должны были опираться на государственный капитализм, временно мы должны были связать систему кооперации с государственным капитализмом. Но тогда, когда мы восстановили хозяйство, когда мы могли создать техническую базу, когда мы в значительной степени выполнили первую наметку плановой электрификации страны, когда мы укрепили

фронт пролетариата в деревне, когда мы в значительной степени подвинули дело кооперирования в деревне, мы могли иначе поставить эти задачи, связывать наше наступление не с государственным капитализмом, а с социализмом, с построением социалистического хозяйства, социалистического общества, с выкорчевыванием остатков капиталистических классов. Здесь уже получаются в этом движении принципиально иные моменты.

Мы подходим к последнему этапу нэпа, который будет отличаться принципиально, коренным образом отличаться от исходной точки: количественные изменения привели к качественным. Но эта же наша политика, когда мы, сомкнувшись широким фронтом с массами, с миллионными массами крестьянства на новой основе, на основе коллективизации, на основе социалистического переустройства всего нашего хозяйства, переходим в социалистическое наступление, — заставляет контрреволюцию пересмотреть всю свою тактику. Она переходит к вредительству более усиленно, чем она шла на это до тех пор.

Рамзинский процесс, процесс «Промпартии», показал, как именно этот момент, момент перехода широким фронтом к строительству пятилетки, заставил контрреволюцию пересмотреть платформу, торопиться, ускорить постановку вопроса об интервенции, ускорить подготовку этой интервенции путем вредительства. Наше социалистическое наступление означает обострение классовой борьбы. Обострение классовой борьбы толкает и «Промпартию», т. е. представителей буржуазии, непосредственно связанных с крупной буржуазией, с белогвардейщиной, с империалистическим штабом, поставить остро вопрос о подготовке к этой интервенции путем вредительства, путем ухудшения снабжения, срыва всей нашей программы строительства, всей нашей экономической политики. Но на эту же линию перестраиваются меньшевики и эсеры — кондратьевцы, Громаны, Сухановы, Шеры и пр. и пр. Обсуждая свою тактику, они присматриваются, есть ли такие силы в самой ВКП(б), которые могли бы поддержать их, меньшевиков, нельзя ли опереться на какие-нибудь прослойки из ВКП(б). И тут на сцену выступают наши правые оппортунисты.

Какие задачи поставила себе контрреволюция? Усиленное вредительство для срыва пятилетки, для срыва коллективизации, для подготовки к интервенции, для восстановления капитализма, для усиления кулачества. Конечно, ни правые, ни «левые» не думали о помощи меньшевикам. Но и «левые» и правые, несомненно, давали меньшевикам опору для их контрреволюционной работы. За границей борьба против Советского Союза, лихорадочные приготовления к войне, исходили из того, что момент для войны очень удобен, что войну можно начать в 1930 году, ибо у нашего врага здесь был расчет на разноголосия в наших собственных рядах. Война подготавливалась всем тем вредительством и срывом нашей политики, которое проводилось так называемой «Трудовой крестьянской партией», «Промпартией» и меньшевиками — блоком этих партий. Но этот блок опирался на разлагающую работу оппозиции. Что мы имели за последнее время? Делается попытка провоцировать нас на войну на Китайско-восточной ж. д. Щупают наши силы, нашу готовность к войне. Мы отвечаем на эту попытку, отвечаем крепко, так, что видят, что кое-что у нас есть в пороховницах, что мы будем драться не голыми руками. Крестовый

поход против нас собирает силы мещанства, отсталой буржуазии для того, чтобы сгруппировать их вокруг империалистов. Проводится антидемпингская кампания, рассчитанная на то, чтобы кое-какие слои рабочих, страдающие от безработицы, вовлечь в этот самый крестьянский контрреволюционный поход, в интервенцию. II Интернационал приспособливает свою тактику к этим задачам. Он перестраивает всю свою тактику. И вот на фоне этой обстановки выступает правая оппозиция, выступают такие товарищи, как Бухарин, Рыков и Томский, с самыми тяжкими обвинениями против партии, вернее сказать, они сами и подготовляли этот фон для своих выступлений. Здесь происходит некоторое, так сказать, взаимодействие. Партия правильно оценила правую оппозицию как главную опасность на данном этапе. Оппозиция взяла большинство аргументов против руководства у прежних оппозиционных группировок, троцкистов и других. Происходит помимо воли, конечно, тт. Бухарина и Рыкова идеологическая смычка между «Трудовой крестьянской партией» — кондратьевцами и правыми. Они очень долго не могли примириться с тем тяжелым выводом, что существовала идейная близость этих установок, что правые черпали кое-какие аргументы у «Трудовой крестьянской партии», черпали их иногда прямо документально, а «Трудовая крестьянская партия» получала у правых «идеологические» аргументы для своей вредительской деятельности. На рамзинском процессе прямо выявилась эта идеологическая помощь не в том, конечно, смысле, что т. Бухарин, Рыков и др. товарищи в нашей партии, которые проповедывали оппортунистические идеи, сознательно помогали или хотели помочь «Промпартии», «Торгпрому». Нет, конечно. Но когда выяснилось, что на XVI партсъезде правые провалились, тогда рамзинцы и в советском государстве, и за границей сказали: «Да, дело плохо. Сейчас в 1930 г. интервенция не выйдет. Придется отложить. Политика правых потерпела поражение, правые сорвались». Видите, какая тут связь, какая подоплека, какую роль играли правые.

Смычка идеологии правых с меньшевиками прямо выперла наружу на процессе меньшевиков. В этом отношении очень любопытны показания меньшевиков, которые я вам прочту. Меньшевики считали себя продолжателями той политики, которую проводили правые. Есть такая поговорка, что некоторые добродетели, когда их продолжают, превращаются в свою противоположность. Такой «добродетелью» была правооппортунистическая идеология, которая, продолжаясь, прямо вращалась в кондратьевскую и меньшевистскую идеологию, а кое-где и подальше.

Громан и К^о чувствовали себя в этой обстановке именинниками. Они собирались и на своих пленумах обсуждали отношение к тактике правых в ВКП(б) и, конечно, выносили резолюцию — «вполне одобрить» правых (с м е х). Они составляли конъюнктурные сводки, которые правые преподносили партии как последнее слово экономической мудрости. Они составляли докладные записки, которые иногда лежали в основе докладов правых правительству и партии по тем или иным вопросам. Та «двушлетка» правых, которая была противопоставлена пятилетке партии, целиком была разработана меньшевиками и кондратьевцами. Таким образом правые дают установки для «Трудовой кре-

стьянской партии», «Промпартии» и для «Союзного бюро», а группы «Трудовой крестьянской партии», «Промпартии» и «Союзного бюро» одоляют свои аргументы правым для борьбы против партии.

В чем выражалась линия правых? Борьба против принятых партией и рабочим классом темпов индустриализации, выступление против коллективизации, против форсированного строительства совхозов, разговорчики о том, что на все ли равно какой хлеб есть — кулацкий или колхозный, прямая помощь частнику, даже культура этого частника в разного рода заготовительных организациях и в других областях хозяйственной деятельности, искажение линии по налогообложению, по кредитованию, по снабжению машинами, сортовыми семенами, по землеустройству и т. п., равнение по узким местам в вопросе о развитии нашей социалистической промышленности, ставка на самотек в вопросах коллективизации, хлебозаготовок и др. важнейших мероприятий, желание жить в мире с кулаком, мечты о притуплении классовой борьбы, обвинение партии в проведении политики «феодалной эксплуатации крестьянства», борьба против взятых партией темпов строительства, — все эти и др. черты особенно свойственны оппортунистам наших дней — правым. Вот почему вся эта установка так поддерживалась нашими врагами...

Третья сила — это действительно сила, если она может опереться на отсутствие единства в наших рядах и на наличие в нашей партии ее агентуры из «правых и «левых», на наличие в нашей партии «партийных либералов», оказывающих ей услуги, — людей заявляющих, что они «не большевики, не меньшевики, не ленинцы», а «марксисты». Но ведь и Каутский тоже «марксист», и Абрамович, и Дан, и Гарви.

Как меньшевики расценивали разногласия в партии, об этом они сами говорят в своих показаниях. Я позволю себе некоторые из них здесь огласить.

Вот Залкинд, который излагает доклад Громана на III пленуме меньшевиков здесь в Москве. Он говорит, что на этом пленуме был поставлен доклад о разногласиях в ВКП(б). Докладчик Громан говорил, что «разногласия внутри ВКП(б), наметившиеся в связи с переходом в решительное наступление против всех частнокапиталистических элементов, имеют огромное значение для всей тактики возродившейся РСДРП. Одной из баз, к которой имелось в виду прикрепить работу социал-демократической партии, является правый уклон в ВКП(б)». Меньшевики считают своей базой правый уклон. Они решили прикрепить свою работу к правому уклону, все равно, что партия посылает кого-нибудь из нас работать на большом предприятии, предположим прикрепляет нас к Путиловскому заводу. Вот именно таким «Путиловским» заводом был для меньшевиков правый уклон.

«Установки правого уклона, если бы они восторжествовали, послужили бы надежной почвой, на которой в дальнейшем взойшли бы меньшевистские всходы. — говорил Громан. — В сущности между установками правого уклона ВКП(б) и нашей платформой нет качественных принципиальных разногласий. Расхождения здесь лишь количественного порядка».

Как мы знаем, количество переходит иногда в качество. Но, очевидно, здесь количественные разногласия были настолько незначительные, что они даже в качество не переходили.

Я пропускаю несколько строк, послушайте, что дальше говорит Залкинд: «По существу, мы, РСДРП, являемся продолжением правого уклона».

Вот вам заявление Шера: «В 1930 г., весной, был пленум, на котором был поставлен вопрос: победа сталинской линии и перспективы работы РСДРП (доклад В. Г. Громана)». «Победа сталинской линии значительно затруднила работу, лишив возможности РСДРП опираться на правый уклон в партии и рассчитывать на успех крестьянских восстаний, отдаляя, таким образом, приближение близкой развязки».

Это обстоятельство диктовало, по мнению пленума, более решительную тактику в области вредительства.

Вот вам показания Громана: «По вопросу об отношении к троцкистской оппозиции решено было: обходя молчанием «левые» экономические лозунги, всемерно поддерживать требования изменения партрежима в сторону допущения свободной дискуссии». Это по отношению к троцкистам. В отношении же «лозунга выкорчевывания корней капитализма, — говорит Громан, — находила свое осуществление идея построения социализма в одной стране. Эта идея враждебна в основе всему мировоззрению меньшевизма с его эволюционной и мирной концепцией движения к социализму, вернее к «социализации».

Затем приведу показания Гинзбурга, которые сводятся к тому, что меньшевики проявляли готовность поддержки в вопросе о правом уклоне ВКП(б). Гинзбург говорит: «Господствовало убеждение, что основные домогательства правого уклона представляют собой как бы недоразвитый меньшевизм». Видите, как хорошо сказано: правый уклон есть недоразвитый меньшевизм. Если бы мы терпели правый уклон, он бы развился; конечно, в самый настоящий меньшевизм.

Показания Волкова примерно такого же рода. Он говорит: «В отношении правых позиция РСДРП сводилась к тому, чтобы это движение полностью поддержать и укрепить, оказать всяческую помощь отдельным правым членам партии (в борьбе за свои установки). Имелось в виду, что правые, в случае своей победы, неминуемо скатятся на позиции РСДРП. Принято было решение использовать всякие уклоны в рядах ВКП(б), поддерживать их, и в этом смысле была дана директива руководящей группе на предмет разработки конкретных мероприятий, с рассылкой их по отдельным звеньям союзного бюро».

И, наконец, показания Петунина: «Шер подчеркнул, что центр придает правому уклону большее значение, чем троцкистам, что в связи с борьбой правых против генеральной линии открываются для работы организации РСДРП лучшие перспективы. Шер пояснил мне, что такая оценка проистекает как из состава лиц, державшихся пра-

вого уклона, так и из установок, в известной мере совпадающих с формулировками меньшевиков».

Вот вам целая гамма показаний людей, сидящих по разным камерам, которые не имеют возможности сговариваться, которые думают в одиночку. Вы видите, как они почти слово в слово формулируют свое отношение к правому уклону, как к родственной идеологии, как к продолжению взглядов меньшевиков, как к недоношенному меньшевизму. Ясное дело: если этот недоношенный меньшевизм, если правый уклон поддерживали меньшевистские идеологи, мы вправе были, обязаны были характеризовать правый уклон как кулацкую агентуру в нашей партии. Мы вправе были дать самые резкие характеристики и поставить вопрос о том, что правый оппортунизм является самой главной опасностью на данном этапе. Я не буду останавливаться здесь на различного рода межеумочных группировках, вроде скажем право-левацкого сырцовского блока, который по сути дела, как уже совершенно разорившийся банкрот, берет «в долг» и направо и налево, хватается где только можно из идеологии разбитых оппозиций. Сегодня берет неверные положения и аргументы у правых, завтра — у «левых», этот блок составляет самый настоящий винегрет самых различных взглядов оппозиции. Понятно, что эта позиция, как она ни была мимолетна, как она ни была жалка по своему влиянию, все же нашла свой отклик и стяжала известное сочувствие классовых врагов, она нашла отклик в зарубежной печати — меньшевистской, эсеровской и т. д. и т. д., все они были очень недовольны тем, что так быстро эти люди сдались, раскаялись, признали и проч... и проч...

Я стремился в своем сегодняшнем докладе показать непрерывную историческую нить, которая тянется к истокам этой нашей борьбы. Целиком оправдались ленинские установки периода первой революции. Надо заострить внимание наших вузов, комвузов, на этом отточить сознание наших партийцев, их идеологию отточить на умении разглядывать в новых и новых разногласиях в нашей партии их принципиальную сторону, их классовую сущность, изучать, как партия боролась против всех видов оппортунизма, давать им отпор, под какой бы оболочкой они ни выполняли в новой и новой обстановке. Надо поэтому воспитать и коммунистов и комсомольцев, и широкие массы рабочих и крестьян на этой идеологической борьбе.

Из того, что мы обнаружили сейчас в наших различных органах, надо с особенной силой подчеркнуть правильность постановки партией вопроса о создании новых кадров. Надо еще более усиленно взяться за разрешение этой задачи, чтобы мы не нуждались в том, чтобы поручать Петунину, Громану, Суханову какую бы то ни было руководящую работу в наших органах. Надо показать во всей нашей повседневной литературе значение этой борьбы, ибо борьба с мировой буржуазией, с мировым меньшевизмом не закончилась этим процессом. Правда этот процесс имел колоссальное воспитательное значение, показав перед всем миром, что такое II Интернационал, вскрыв все его настоящее нутро. Мы никогда не занимались столько II Интернационалом и меньшевиками, сколько в эти дни. Можно сказать, что это был бенефис меньшевиков, бенефис II Интернационала

во всей нашей литературе. Но не надо на этом успокаиваться. Процесс пройдет, а уроки его должны быть гораздо более крепко вколоты в массы, чем это делается сейчас в этот острый момент.

Этот опыт имеет значение не только для нас, но и международное значение. Во всех коммунистических партиях мира надо заострить внимание на тех явлениях, которые вскрыл этот процесс, на тех опасностях, которые представляют собой партии II Интернационала.

Товарищи, мы подходим к такому периоду, когда нам придется вырабатывать новую пятилетку. Наметки этой пятилетки пока еще неясны, но совершенно ясно, что эта пятилетка будет полным завершением коллективизации сельского хозяйства. Эта пятилетка нас поведет к окончательному выкорчевыванию кулацких элементов. На основе завершения этой коллективизации мы подойдем вплотную к тому моменту, когда мы не только догоним капиталистические страны в технико-экономическом отношении, но когда мы их перегоним. Мы подойдем к тому моменту, когда в огромной степени экономика нашей страны будет влиять на экономику других стран. Это наш классовый враг отчетливо сознает, и в этом причина его страха и крики о демпинге и т. п. Но мы должны знать, что эта новая пятилетка зависит от того, как мы будем классово-бдительны, как мы будем классово-организованны в эти решающие годы нашей пятилетки. От нашей работы зависит все, от нас самих зависит, от нашей организованности, от нашей выдержанности, настойчивости, идеологической чистоты и четкости всех наших установок зависит, будет ли эта третья сила играть какую-нибудь роль еще во всем движении, удастся ли ей нанести нам удар. Мы должны из этого сделать такой урок, чтобы вся наша работа нанесла непоправимый удар всем мелкобуржуазным партиям, всем буржуазным партиям, чтобы мы могли подойти к этой новой пятилетке с такими силами, которых никакая ни третья, ни четвертая сила не сломит.

Ем. Ярославский

РАБОТЫ КОМАКАДЕМИИ

ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ МАРКСИЗМА В БЕЛОРУССИИ

(Стенограмма заседания Президиума Комкадемии 11/II 1931 г.)

Разумовский. Значительные достижения на фронте хозяйственного строительства, которые выявились сейчас в связи с юбилеем советской Белоруссии, неразрывно связаны с огромным культурным подъемом БССР. Последнее нашло свое выражение в создании целого ряда новых вузов, которых в Белоруссии до Октября вовсе не существовало, в создании 17 научных учреждений, которых точно так же раньше не было, в организации университета, Белорусской академии наук, Сельскохозяйственной академии в Горках и т. д.

Но наряду с этим мы имеем здесь значительное отставание на теоретическом фронте марксизма. Марксистская теоретическая работа в Белоруссии находится только в своем зародыше. В течение ряда лет эта работа не всегда имела должную направленность и не всегда отвечала требованиям строгой революционной марксистско-ленинской ортодоксии. В ней отсутствовала должная инициатива в смысле изучения местных проблем, отсутствовала связь со специфическими, практическими проблемами, выдвигаемыми условиями Белоруссии. Только в самое последнее время начинает замечаться некоторая увязка теоретической работы марксизма с практически-политическими задачами.

Основная причина всех этих недостатков заключается прежде всего в сравнительной слабости пролетарских кадров в Белоруссии и в чрезвычайно узком круге лиц с достаточной марксистской подготовкой. Значительную роль до сих пор играла в теоретической работе Белоруссии мелкобуржуазная интеллигентская прослойка, вошедшая в партию в 1919 — 1920 гг., значительную роль в этой работе играли и беспартийные интеллигенты, и здесь поэтому легко проявлялись та неустойчивость, те колебания в области теории, которые свойственны этой прослойке. Нужно обратить внимание также на отсутствие соответствующего организационного центра, который направлял бы всю эту теоретическую работу, на отсутствие связи белорусских марксистов с нашими центральными марксистскими учреждениями и на недостаточную помощь с нашей стороны белорусским научным учреждениям. С теоретическими марксистскими кадрами мы имеем чрезвычайно тяжелое положение. Можно насчитать в Белоруссии около 10 человек, которые окончили ИКП и бывшие институты Раниона. Среди них экономистов почти совершенно нет. Еще более скверно обстоит дело с естественниками: ни одного естественника-марксиста в Белоруссии нет! Слабо обстоит дело и с аграрниками. Правда, здесь сейчас началась интенсивная работа по подготовке кадров. При Белорусской академии наук создан институт аспирантуры, в котором числится сейчас 175 человек: среди них 65 % белорусов, 75 % членов партии, 18 % рабочих.

Центральное место в теоретической работе Белоруссии занимает национальный вопрос. Это совершенно естественно объясняется по-

ложением Белоруссии и той ролью, которую играет национальный вопрос там вообще в советской и партийной работе. Но только за последнее время в этой области развернулась сравнительно большая работа. Борьба по линии нацвопроса в Белоруссии должна была вестись и проводится сейчас на два фронта: это борьба против великодержавного шовинизма, который является в Белоруссии главной опасностью; а также борьба против местного белорусского национального шовинизма, так называемого «национал-демократизма», который имеет особое значение в условиях Белоруссии. Опасность великодержавного шовинизма потому значительна, что и в области научной теории там еще очень сильны влияния старого русского национализма. В области исторической науки очень сильно например влияние Любавского с его теорией литовско-русского государства, представление о Белоруссии как о «северо-западном крае». Еще недавно сравнительно мы имели в Белорусской академии наук выступление лингвиста Волк-Левановича, который в своем докладе всячески подчеркивал «искусственность» белорусского языка и засоренность его якобы полонизмами, доказывал, что органически белорусский язык связан лишь с русским языком, представляет собой его наречие и т. д. Мы имеем там еще немало выступлений буржуазной профессуры, которая всячески подчеркивает свое «незнание» белорусского языка, отказывается печатать на нем свои работы, выдвигая такой замечательный довод, что желает-де видеть свои работы только на языке «Октябрьской революции», т. е. на русском. Борьба, ведущаяся с великодержавным шовинизмом, явно недостаточна. Опасность великодержавного шовинизма значительна еще потому, что он обостряет и питает другую опасность, местный белорусский национал-демократизм.

Значительная роль, которую играла мелкобуржуазная радикальная интеллигенция в теоретической работе и вообще в культурной жизни Белоруссии, осталась такой же и в первый период существования там советской власти. Буржуазные «национал-демократы» (Ластовский, Некрашевич, Ласик и др.), пользуясь отсутствием культурных сил, заняли там целый ряд руководящих постов. Белорусскую академию наук они превратили в свой штаб, захватили в свои руки и Белорусский государственный университет, и Наркомпрос, и Наркомзем, и т. д., проводя там соответствующую политику. Мы здесь имели дело не только с явно буржуазными тенденциями, выражавшими настроение буржуазно-кулацкой части белорусской деревни, но и с определенной контрреволюционной организацией, которая недавно была вскрыта ГПУ, в результате чего половина академиков Белорусской академии наук оказалась в заключении. Вся работа Белорусской академии наук подлежит полной перестройке и реорганизации.

Теоретические основы национал-демократизма находят себе выражение в следующих наиболее характерных чертах. Прежде всего это — теория так называемой белорусской «самобытности». Она основана на представлении, что Белоруссия исторически ничего общего не имеет с Россией, что это особая страна, которая собственно должна называться Кривией (от имени древних кривичей). Поэтому распространялся взгляд, что Белоруссия должна ориентироваться в своей культурной работе на буржуазный Запад.

Одновременно шла идеализация исторического прошлого Белоруссии. В качестве отца белорусской культуры изображался средневеко-

вый монах Скарпия с его феодально-поповской идеологией. Существовал культ шляхтича Калиновского, которого изображали вождем революционного крестьянства. Работа белорусских академиков была направлена на такие темы, как изучение «случких поясов», печатались работы на тему «старые бабы» и т. п. В этом отношении интересны работы, которые выходили из недр Белорусской академии наук еще в 1928 году — например работа Некрашевича «О языке преподобного отца нашего Кассианина» и т. п.

Другой характерной теорией, выдвигавшейся в Белоруссии национал-демократами, была теория единства «белорусской трудовой нации». В частности распространена была стройная концепция четырех общественных классов, из которых каждый имеет якобы особое национальное происхождение и занимает определенное историческое место в экономике Белоруссии. Предполагалось, что мы имеем в лице белорусов некое единое целое, некое единое сословие, класс крестьянства; другими классами являются поляки-помещики, евреи-торговцы и наконец великоруссы-чиновники. В связи с этой теорией поддерживались такого рода настроения, что классовая борьба в белорусской деревне представляет собой, как выражались белорусские «теоретики», некое «недоразумение». Эта теория была связана с политической ставкой на кулака, на хуторское хозяйство, на так называемые карликовые поселения, на индивидуальное хозяйство в аграрном вопросе. Интересна в этом отношении работа Довнар-Запольского «О белорусской рабоче-крестьянской нации», которая не увидела света, но в которой доказывалось, что в Белоруссии только по внешности господство перешло в руки рабочего класса, а по существу власть в Белоруссии перешла в руки «трудовых элементов» деревни. Эти теории были связаны в области политической с представлением о буржуазной демократической республике, в которую должен облечься политический строй Белоруссии как «белорусской народной республики». Ряд национал-демократов — белорусских академиков — прежде входил в состав белорусских контрреволюционных правительств!

Все эти настроения и все эти тенденции национал-демократизма вели к явному идеологическому вредительству в области теории — вредительству в области исторической науки, аграрной политики, этнографии и даже в науке о языке. Приведу хотя бы такой характерный пример, что в нацдемовской лингвистике — не говоря уже о том, что 20% слов относилось к предметам религиозного культа — слово «пролетариат» переводилось словом «убоство», т. е. убожество, слово «бедняк» переводилось словом «злыдень» и т. д. Эти настроения национал-демократизма, к сожалению, оказали свое воздействие и на некоторые прослойки внутри партии, повлекли за собой национал-оппортунизм. И в Белорусской академии наук, и в Наркомпросе, и в Наркомземе отношение к национал-демократам со стороны руководящих партийцев было самое примиренческое. Это примиренческое отношение проявили такие крупные работники, как Игнатювский, Жилупович и др., ныне уже исключенные из рядов партии. Они помогали развешивать в Белорусской академии наук такого рода «научную» работу и в то же время весьма критически относились к марксистской работе, которая в стенах Академии наук велась. С этим идеологическим вредительством связывалось и непосредственное вреди-

тельство в области аграрной, которое связано с именем Прищепова, бывшего наркомзема БССР, и с целым рядом его соратников; сюда относится вредительство и в области планирования и целом ряде других экономических вопросов.

Чрезвычайно любопытным моментом для идеологии нацдемократов является форма, в которой они вели контрреволюционную работу. Все они щеголяли марксистской фразеологией, «ссылались» постоянно на Маркса и Ленина, когда протаживали свои теории! Далее чрезвычайно любопытно, что мы имеем здесь порою сложное переплетение обеих опасностей — великодержавного шовинизма и национал-демократизма. Например нацдемократ академик Некрашевич был тесно связан с всесоюзными академиками Карским и Платоновым, что сотрудник Прищепова Смолич был тесно связан с Кондратьевым, являясь одним из его учеников; равно как и Жданович и некоторые другие. Нередки здесь выступления в роли защитников белорусской национальности и «самобытности» бывших царских чиновников, старых черносотенцев, сподвижников столыпинской реформы. И все это, ярко обнаруживая классовую сущность обоих течений, должно привлечь особое внимание марксистов, работающих в этой области. К сожалению, до сих пор далеко не всегда в достаточной мере вскрывалась эта классовая сущность. Работа по разоблачению национал-демократизма равно как и по борьбе с великодержавным шовинизмом в Белоруссии очень запоздала. «Труды» Белорусской академии наук в течение целого ряда лет выходили и оставались без всякого внимания со стороны марксистов. Сейчас в связи с раскрытием контрреволюционной организации все внимание марксистов должно быть направлено на то, чтобы разобраться в том идеологическом наследии, которое оставила старая Белорусская академия наук.

В связи с этим нужно сказать несколько слов и о той теоретической борьбе, которая должна была бы вестись в Белоруссии в защиту генеральной линии партии, о борьбе с правым и левым уклонами. По линии этой теоретической борьбы в Белоруссии было проделано очень мало. Переведены только отдельные статьи, напечатанные в наших центральных органах. А в сущности мы имеем проявление и правого и «левого» оппортунизма и в национальном вопросе, где этот уклон обнаружить следовало бы. Еще меньше сделано по линии нашей общей теоретической борьбы — в вопросах методологии — борьбы, с одной стороны, с механицизмом, с другой стороны — с различными формами идеализма, формализма и схоластицизма. И в этом последнем отношении никакой работы в Белоруссии не велось: отдельные попытки ограничивались пересказом и переводом соответствующих статей, помещаемых в центральных органах.

Остановлюсь коротко на отдельных участках теоретического фронта марксизма в Белоруссии. Сравнительно благополучно положение у историков: здесь имеется довольно сильная группа историков, окончивших ИКП, группа историков местного происхождения, группа молодежи, которая начинает уже своего рода борьбу по линии самокритики со «стариками». Работа ведется у них довольно интенсивно. Общество историков-марксистов насчитывает 19 человек, затем имеется Научно-исследовательский историко-партийный институт. В обществе был заслушан целый ряд докладов, которые затрагивали частично и общие темы, например споры о «Народной Воле», где развернулись и

чисто белорусские темы (о белорусской Громаде, о «Нашей ниве», о 1861 г. и т. д.). Разумеется, и в этой исторической работе возможны и правые и «левые» ошибки, и это иногда обнаруживается в докладах. Работа белорусских историков-марксистов в основном направлена сейчас на создание марксистской книги по истории Белоруссии — задача, поставленная ЦК ВКП(б). Такой книги до сих пор не существовало; книга по истории Белоруссии, написанная национал-оппортунистом Игнатовским, не выдерживает никакой критики. Отмечу попутно, что Историко-партийный институт сильно запаздывает с изданием на белорусском языке собрания сочинений Ленина. Не буду останавливаться на ряде деталей работы историков и перейду к экономистам.

У экономистов дело обстоит гораздо хуже. Только сейчас теоретическая работа у них несколько оживилась. Узкое место — кадры: там только один товарищ, окончивший Институт экономики Раниона, и небольшая группа местных экономистов, ведущих преподавательскую работу в вузах. Общество марксистов-экономистов Белоруссии влачило до последнего времени жалкое существование. За последнее время оно пытается объединить свою работу с Институтом экономических исследований Госплана, увязать свою работу с экономическими кафедрами, имеющимися в Белорусском университете и др. вузах. Намечен ряд докладов, направленных против идеологически чуждых выступлений местной буржуазной профессуры. С другой стороны, ставятся доклады, говорящие о перспективах генплана Белоруссии, о буржуазных извращениях, имевших место в области планирования и т. д.

Очень трудное положение мы сейчас имеем в Белоруссии на аграрном фронте, трудное в связи с тем, что мы там имели непосредственное вредительство и в области теории и в области наркомземовской практики. Политика Прищепова, которая проводилась в течение долгого времени и получила свое официальное выражение в «Перспективном плане развития сельского хозяйства» (1927), была направлена на развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути. В ней ярко отразились все характерные идеи белорусского национал-демократизма. Они нашли в этой области своих теоретических выразителей в лице Смолича, в лице Ждановича, работа которых о планировании, к стыду нашему, была издана Комакадемией, в лице Хавке, Кислякова и др. Эти авторы в своих работах настаивают на хуторизации землевладения, на выделении карликовых поселков. Они стремятся к развитию «коренной» кулацкой деревни, всячески защищая установки, направленные на индивидуальное мелкое хозяйство. В этом отношении интересна, например, книга проф. Кислякова «Поселки» (1928), которая подверглась в свое время критике в журнале «На аграрном фронте». Здесь характерен и методологический эклектизм, организация нового землепользования выдается за техническую, а не за социальную категорию, и т. д. Характерно совсем недавнее выступление буржуазного проф. Крюкова, который в письме, направленном в редакцию белорусского Гиза, предлагает вернуться к методу индивидуального хозяйства, возражает против развития крупных свиноводческих колхозов в Белоруссии и т. д. Борьба на этом участке фронта должна вестись особенно интенсивно. Между тем марксистских сил здесь очень мало. Она направлена сейчас на разоблачение «прищеповщины», на подготовку специального, посвященного ей, сборника.

Что касается философии, то здесь дело обстоит следующим образом. В Белоруссии имеются несколько товарищей, окончивших ИКП и Институт философии Комкадемии, имеются и другие философы. Однако работа, которая велась до сих пор, в значительной степени носила все черты аполитизма. Темы работ, представленных в первом изданном в Белоруссии «Марксистском сборнике», явно носят случайный характер и не связаны с современностью. Методология правого уклона почти не разрабатывалась белорусскими философами. Даже соответствующие доклады о методологии правого уклона организовались там не Обществом воинствующих материалистов-диалектиков, а непосредственно культпропом ЦК. Общество почти не развернуло никакой работы. Несколько больше работала кафедра марксизма при Белорусской академии, которой руководил т. Вольфсон. Но и здесь работа на первом этапе носила сугубо «академический» характер, была оторвана от политики. У ряда философов были ошибки, иногда очень серьезные: например, т. Вольфсон должен был признать ряд своих «пыхановских» ошибок в прошлом. Философская дискуссия, которая имела место за последнее время, не нашла должного отражения в Белоруссии. Дискуссия, проведенная там, носила формальный характер. Она ограничилась чрезвычайно узким кругом лиц: в этой дискуссии не была проявлена достаточная самокритика со стороны местных товарищей, в нее не был вовлечен весь партактив. Сейчас в Белорусской академии наук организовано 15 бригад по разоблачению теоретического наслоения национал-демократов. В этом деле большое участие принимает и кафедра марксизма, подготовляющая соответствующий сборник.

Чрезвычайно слаба и работа на антирелигиозном фронте. Если не считать брошюры т. Вольфсона о современной религиозности в Белоруссии, почти нет даже попыток дать самостоятельные работы. Между прочим в Белоруссии находят свое место выступления не только церковников, но и выступления профессоров в защиту религий. На прошедшем недавно диспуте выступил ряд профессоров в защиту религий по соображениям от «нравственности», от «непознаваемости бытия» и т. д., и эти выступления пытались использовать местное духовенство. Работа на антирелигиозном фронте также должна быть усилена.

Кроме того в Белоруссии организованы сейчас общества педагогов-марксистов, марксистов-государственников, марксистов-литературоведов. Эти общества только начали разворачивать свою работу. Трудно сказать, будет ли работа их направлена должным образом, если принять во внимание почти полное отсутствие в БССР марксистов-педагогов, искусствоведов. Между тем например работа по литературоведению для Белоруссии является чрезвычайно важной, там только сейчас создаются кадры марксистской критики, «Белтапе», ведущие борьбу с литературными буржуазными объединениями типа «Полымя».

Наконец нужно отметить чрезвычайное неблагополучие на фронте естествознания. Здесь, как я уже указал, нет ни одного марксиста, а между тем имеет место ряд характерных выступлений со стороны буржуазной профессуры, например проф. Мавроди с его теорией клетки, где развиваются виталистические взгляды.

Подводя некоторые общие итоги, укажу на общие недостатки, которые были характерны до последнего времени почти для всех марксистских обществ и институтов Белоруссии. Это, во-первых, в значительной степени отсутствие попыток самостоятельной трактовки теоретических проблем, отсутствие связи в постановке теоретических проблем со специфическими местными условиями Белоруссии. В связи с этим находится полное отсутствие массовой работы обществ, что является особенно «узким местом». Общества представляют собою небольшие замкнутые организации, человек по 20, не больше. Работа их ограничивается рамками общества; в эту работу не втягиваются широкие массы партийного актива.

Далее нужно отметить отсутствие соответствующей книжной популярной продукции. Не наблюдается и попыток самостоятельного создания популярных брошюр и т. д. Большей частью мы имеем здесь переводы при не всегда удачном подборе соответствующих русских книжек. Далее следует отметить отсутствие специального марксистско-теоретического органа, что местные товарищи объясняют типографскими условиями Белоруссии. Товарищи, работающие там, могут печатать свои работы только в «Большевике» Белоруссии.

В настоящее время в Белоруссии организована ассоциация марксистских обществ.

Одновременно с этим началась сейчас реорганизация Белорусской академии наук вновь избранным президентом академии т. Гориним, которому предстоит провести здесь большую работу.

Вольфсон. Приезд т. Разумовского в Белоруссию был первой попыткой активной помощи со стороны Комакадемии марксистско-ленинскому фронту в БССР. Коммунистическая академия СССР в прошлом нам к сожалению необходимой поддержки в тех условиях, в которых находится в Белоруссии марксистско-ленинский фронт, не оказывала. Я не в качестве упрёка хочу это подчеркнуть, а хочу указать, что это обстоятельство довольно сильно тормозило ту работу, которую нам приходилось проводить в Белоруссии. В течение прошлого и позапрошлого годов неоднократно наши обращения в Комакадемию с просьбой о присылке докладчиков большей частью оканчивались ничем.

Комакадемия, организовавшая «Неделю Белоруссии», фактически прошла мимо нашей научной деятельности, звено науки во время «Недели» выпало, а те два заседания, которые были назначены в стенах Комакадемии — заседание историков и заседание аграрников — не состоялись.

Приезд т. Разумовского мы приветствовали как попытку помощи со стороны руководящего марксистско-ленинского теоретического центра. После этих беглых замечаний перейду к теме по существу.

Я должен сказать, что тот кадр научных работников, который имеется у нас, создан Октябрем. Если в других республиках были и раньше научные учреждения, то у нас в Белоруссии не было ни одного научного работника. В настоящее время мы имеем небольшой кадр в 1 000 работников, который нас не вполне удовлетворяет ни количеством, ни качественно, но который все-таки относительно удовлетворителен, по крайней мере, если сравнить его с тем, что имеется в других республиках. Возьмем некоторые количественные показатели. Наша партийная прослойка представляет собой 15%, таким образом

примерно она в 2 раза превышает общую партийную прослойку по Союзу. По циклу общественных наук мы имеем партийную прослойку примерно в 50%. Национальный состав также удовлетворителен. В составе наших научных работников мы имеем 45% белоруссов — это значительно больший процент, чем в других республиках из местных национальностей. Количественно у нас, как тут указывал т. Разумовский, силы распределены недостаточно одинаково. Мы имеем несколько обнаженных участков фронта, в частности экономический участок.

Перехожу непосредственно к работе нашей кафедры. Кафедра марксизма-ленинизма является научно-исследовательским учреждением в области марксистско-ленинской философии в БССР. Кафедра функционирует очень недавно, каких-нибудь полтора года. На первых порах ее работа была очень затруднена или, точнее сказать, парализована тем положением дела, которое имело в Белорусской академии наук, являвшейся плацдармом воинствующего национал-демократизма. То обстоятельство, что в контрреволюционной организации интервенционистского порядка оказалось замешанным чуть ли не большинство действительных членов Академии наук Белоруссии и основные кадры работников этой Академии, показывает, какова была атмосфера работы в Академии. Когда создавалась кафедра марксизма-ленинизма, предполагалось, что она будет представлять собой философскую ячейку внутри Академии, но сразу же стало совершенно очевидным, что эта ячейка не может замыкаться в кругу разработки философских проблем, что нужно будет увязываться непосредственно со всей практической деятельностью Академии, что это должна быть ячейка воинствующего материализма. В антимарксистской Белорусской академии наук — а таковой она была — это обстоятельство учитывалось теми национал-демократами, которые занимали в ней командные высоты. С самого начала кафедра была встречена чрезвычайно враждебно. Начать с того, что ряд месяцев тормозилась организация этой работы. Под непосредственным давлением ЦК кафедра была открыта.

Затем, когда кафедра начала разворачивать свою работу, стало совершенно очевидно, что первое, с чем придется ей столкнуться, это дать бой по линии засилия шовинистической идеологии в стенах Академии. Академия была фактически в руках бывш. министров Белорусской народной республики, которые, сделавшись «учеными», возглавляли кафедры Академии. Первый участок, с которым мы столкнулись, была белорусская лингвистика, а затем белорусская этнография. Эти дисциплины были особенно облюбованы национал-демократами и они превратились в мощные очаги проведения их контрреволюционной идеологии в массы. Кафедра ввязалась в стычку с национал-демократами, поставив на обсуждение кафедры совместно с Институтом языка проблему классовой борьбы на лингвистическом фронте Белоруссии. Это привело к враждебному отношению к кафедре со стороны национал-демократов, и в результате имел место целый ряд резких столкновений с руководителями Академии. Все это поглотило в значительной степени первые месяцы работы кафедры. Протекало все это в чрезвычайно напряженной обстановке, и то, что приходилось проделывать кафедре в это время, является действительно образцом воочию разыгравшейся классовой борьбы на научном

фронте. Вскоре ОГПУ была раскрыта контрреволюционная организация, гнездом которой была Академия. Таким образом вопрос был решен, Академия была очищена от всего враждебного и вредительского, что там имелось, но тут перед кафедрой встали трудности другого порядка, поскольку кафедра являлась единственным учреждением внутри Белорусской академии наук, которое уцелело, — от ряда других учреждений ничего не осталось.

Кадр основных работников кафедры очень небольшой, всего 7 человек, при 4-5 штатных единицы.

После той борьбы, которую проводила кафедра с национал-демократами и относительно которой руководящие партийные организации отмечали, что она сыграла большую роль в смысле разоблачения всего национал-демократического гнезда, кафедра занялась позитивной, плановой работой.

В основном наша работа теперь идет в следующем направлении. В области непосредственной научно-исследовательской мы в этом году проводим 20 научных докладов. Темы в основном будут вращаться в ближайшее время вокруг двух стержневых тем: проблема национальной культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, и проблема — Ленин и Плеханов в современной философской дискуссии. Доклады предполагается реализовать в виде соответствующих изданий, которые у нас намечены в этом году примерно на 40 печатных листов. Далее кафедра ведет работу в области изучения вопросов религии и атеизма. Тут т. Разумовский ссылался уже на то обследование религиозных настроений в БССР, которое мы провели и которое зафиксировано в небольшой работе и о результатах которой мы докладывали на недавно бывшей при Институте философии конференции по религиозным вопросам. Мы готовим сейчас сборник по вопросам религии и атеизма с участием некоторых местных работников — т. Кривицкого, который готовит работу о Лосеве, и т. Никольского, который не работает на кафедре, но который занимается изучением следов анимизма и магизма в белорусском крестьянстве. Основное, чем сейчас занимается кафедра, это разоблачение миросозерцания, идеологии и методологии национал-демократизма. По постановлению ЦК партии в ближайшее время необходимо издать сборник о науке на службе национал-демократии. Эта работа по выявлению корней национал-демократизма, оказавшаяся очень сложной, теперь поглощает значительную часть энергии кафедры.

В области печатной работы, которую мы теперь проводим, надо указать намеченное издание библиографического указателя по национальным вопросам в БССР, перевод на белорусский язык некоторых классических работ Маркса и Энгельса. Работами Ленина занимается специальная ленинская комиссия при ЦК. В области научной пропаганды нужно отметить предполагающийся выпуск 9 брошюр по актуальным вопросам марксистской философии и социологии, рассчитанных на массового читателя, на профактив.

Мы наметили провести в этом году силами нашей кафедры 50 научно-популярных докладов на предприятиях Минска и других городов Белоруссии, проведение 10 научно-исследовательских докладов по разным вопросам, связанным с марксистской методологией, в Доме ученых в Минске.

Силы кафедры поглощаются также на руководство аспирантурой. После того как Академия была очищена от национал-демократов кафедра марксизма-ленинизма поставила перед собою задачу так или иначе содействовать концентрации при Академии наук аспирантов, которые были разбросаны ничтожными группами по вузам Белоруссии, где методологическое марксистское руководство совершенно отсутствовало. В итоге тех шагов, которые мы предприняли, удалось организовать силами кафедры 7 семинаров по диалектическому материализму при кафедре марксизма-ленинизма. Эти 7 семинаров послужили основным ядром, из которого выкристаллизовался в настоящее время Институт аспирантуры при Белорусской академии наук, Институт, в котором сконцентрирована подготовка нашей научной смены по всем предметам, кроме медицинских и аграрных дисциплин.

Вот в кратких чертах та работа, которую проделала наша кафедра. В заключение хотел бы указать, что отсутствие работников не только дает себя знать на каждом шагу, но и часто парализует возможность работать. Если я указал, что вся кафедра охватывает 7 товарищей, то из этих товарищей ни один не находится целиком на работе по кафедре, а все совмещают работу с большой нагрузкой по линии преподавания в других учреждениях.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ ОТ 21/III ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) ОТ 15/III О РАБОТЕ КОМАКАДЕМИИ

Заслушав проект о плане конкретных мероприятий по реализации постановлений ЦК ВКП(б) от 15 марта с. г. о работе Комакадемии, президиум постановляет:

1) Во исполнение п. 1 постановления ЦК поставить в первую очередь доклады по соответствующим разделам планов работ Комакадемии на коллегиях ВСНХ, Госплана, Наркомзема и РКИ.

2) Поручить т. Милютину и т. Пашуканису договориться с тт. Куйбышевым, Яковлевым, Орджоникидзе, Андреевым и Криницким относительно порядка, форм и срока постановки доклада Комакадемии в президиумах и коллегиях названных наркоматов.

3) Поручить институтам Комакадемии установить связь с наркоматами, руководствуясь тем перечнем учреждений, который имеется в проекте секретариата, в частности путем рассылки им планов работ институтов.

Установить для всей этой предварительной работы декадный срок, после чего о результатах сообщить в секретариат президиума.

4) Доклад на коллегии НК РКИ от Комакадемии поручить сделать т. Дзенису.

5) Предложить институтам при пересмотре планов своих работ учесть опубликованный план Оргбюро ЦК ВКП(б).

6) Поручить секретариату, в соответствии с п. 2 постановления о пересмотре организации работы президиума Комакадемии, наметить план от президиума Комакадемии II квартала 1931 г.

7) Поручить т. Милютину В. П. договориться с т. Розенталем о его докладе в закрытом заседании президиума Комакадемии о постановке работ по перспективному плану.

8) Поручить институтам Комакадемии во исполнение п. 3 постановления ЦК в декадный срок просмотреть планы своих работ и выде-

лить по одной-две наиболее актуальных тем, на которые директоры институтов считают необходимым мобилизовать из хозорганов и ведомств товарищей, и представить эти темы в секретариат президиума с тем, чтобы секретариат составил сводку заявок и представил на рассмотрение президиума.

9) Поручить секретариату собрать от институтов и обществ Комакадемии сведения о проводимой ими массовой работе и поставить доклад об этом на заседании президиума, а также разработать положение и дать установку о дальнейшей массовой работе институтов и обществ.

10) Во исполнение п. 5 постановления ЦК поручить директоратам институтов Комакадемии в декадный срок просмотреть состав своих научных сотрудников и провести полный учет их работы. Список нарушающих трудовую дисциплину научных сотрудников представить в президиум Комакадемии.

11) Поручить ученому секретариату на основании списков институтов, представленных ими на оканчивающих слушателей ИКП на предмет закрепления их на работе в институтах, составить в декадный срок общий список по Комакадемии. В случае согласования этого списка с институтами без внесения в президиум Комакадемии представить в ЦК за подписью одного из заместителей председателя президиума.

12) Во исполнение п. 6 постановления ЦК поручить секретариату в 5-дневный срок выработать проект положения о слиянии Комакадемии с ИКП и созвать совещание зам. директоров и зав. учебными отделениями ИКП и зам. директоров и зав. учебными частями Комакадемии для обсуждения проекта этого положения. Совещание созвать в декадный срок.

13) По п. 7 постановления ЦК:

а) поручить гг. Рубинштейну, Кольману и Потемкину В. В. обсудить вопрос о месте и о формах организации Химической секции при Комакадемии. О результатах доложить президиуму;

б) поручить Ассоциации естествознания в двухдекадный срок наметить конкретные мероприятия, вытекающие из п. 7 постановления ЦК;

в) поручить Секции техники в двухдекадный срок наметить конкретные мероприятия по вопросу преобразования ее в Институт техники и технической политики.

14) Во исполнение п. 8 постановления ЦК:

а) предложить секретариату выделить 2-3 крупных научно-исследовательских института, затребовать от них необходимые материалы, касающиеся их работы, произвести бригадным путем ознакомление с их работой и после проведения этой предварительной работы поставить доклад на президиуме Комакадемии;

б) предложить институтам Комакадемии наметить те ведомственные научно-исследовательские институты, которые в первую очередь должны быть взяты под методологический контроль Комакадемии, запросить от этих институтов планы их научно-исследовательских работ и внести список этих институтов на утверждение президиума Комакадемии;

в) поручить секретариату наметить план командировок членов Комакадемии на места для ознакомления с работой научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений, после чего поставить доклады этих учреждений на президиуме Комакадемии.

15) По п. 9 постановления ЦК:

поручить секретариату разработать в двухдекадный срок план мероприятий, вытекающих из п. 9 постановления ЦК, в первую очередь по организации краткосрочных научных конференций, заочных курсов и внести этот план на утверждение президиума.

16) По п. 10 постановления ЦК:

а) поручить Строительному комитету Комакадемии в двухдекадный срок с привлечением институтов Комакадемии и ИКП составить план капитального строительства, выделить из него наиболее первоочередные объекты строительства, о которых сейчас же, не дожидаясь утверждения общего плана, войти в президиум ЦИК об отпуске средств;

б) предложить институтам Комакадемии в декадный срок представить в секретариат президиума свои предположения относительно расширения штатного состава института, подтягивания зарплаты и специальных средств на научные работы и на командировки;

в) создать комиссию под председательством т. Пидлевого в составе тт. Лобова и Цыбасова, которой поручить в 5-дневный срок окончательно пересмотреть заявки институтов и представить результаты работы на рассмотрение секретариата;

г) создать под председательством т. Пашуканиса в составе представителя от ЦИК, ученых секретарей институтов или директоров комиссию по укреплению материальной базы Комакадемии.

ЛЕНИН И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ПЛЕХАНОВА

Доклад т. Кучерова¹

Вопрос об отношении Ленина к философским, в частности к теоретико-познавательным взглядам Плеханова, не случайно встает на перешейке нашего философского развития. Именно на этом вопросе можно проследить в особенно четкой форме глубокую связь большевистской политики и тактики с ленинским пониманием диалектики, а с другой стороны — связь между политическим оппортунизмом в тактике меньшевизма и философскими ошибками Плеханова.

Вопрос о взаимоотношении Ленина и Плеханова, вскрывающий перед нами непосредственную связь философии с политикой, связан с ленинским этапом, на который вышла в последнее время наша философия. То обстоятельство, что до сих пор эта связь прелитики с философией не выступала в ряде работ наших философов, отразилось на неправильной оценке взаимоотношения Ленина и Плеханова у целого ряда философов-марксистов. Возьмем точку зрения Деборина и Карева на этот вопрос. Для Деборина отношения между Лениным и Плехановым представлялись как отношения между двумя теоретиками, выражавшими различные этапы в развитии русского рабочего движения. Эта формулировка выходящая борьбу большевизма с меньшевизмом. Она не верна уже потому, что и на раннем этапе рабочего движения, когда рабочий класс не имел еще организационно оформленной партии, Ленин уже выступает как крупнейший материалист-диалектик, самостоятельно применяющий принципы Маркса и Энгельса к ряду вопросов классовой борьбы в России. Для Карева отношение Ленина и Плеханова есть отношение двух струй марксизма, выражающих различные степени глубины в понимании марксизма. И эта формулировка тоже никуда не годится. В марксизме, как и в пролетарской партии, не существует множественности струй, из которых каждая могла бы называться марксистской. Точка зрения Карева не отчуждена от троцкистского понимания свободы течений и группировок. Мы должны сказать, что ошибки и недостатки Плеханова лежат за пределами марксизма, тогда как то правильное и ценное, что есть у Плеханова, необходимо входит в классическую литературу марксизма.

Основной предпосылкой к правильной оценке плехановского философского наследия должна служить, с одной стороны, та общая, высокая и положительная, характеристика, которую Ленин дает Плеханову-философу, а с другой стороны — те критические указания, которые сделаны Лениным по поводу философских ошибок Плеханова. При этом ошибки Плеханова должны быть разобраны в тесной связи с политической борьбой между большевизмом и меньшевизмом.

¹ Прочитан в Секции диалектического материализма Института философии Ком. академии 25/XII 1930 г. Прения по докладу происходили 2/1 и 5/1 1931 г. Стенограмма сокращена. *Ред.*

Нельзя забывать, что ленинизм вырос и оформился в борьбе против оппортунизма в рабочем движении, в борьбе за непосредственную организацию пролетарской революции. Оппортунизм в рабочем движении всегда сопровождался и сопровождается выхолащиванием революционного содержания марксизма, извращением основных положений марксистской методологии.

Уже в 1902 г. в критике проекта программы Плеханова Ленин отмечает ряд существенных теоретических ошибок Плеханова. В 1904 г. Ленин упрекает Плеханова в том, что он сводит диалектику «к сумме намеков», «к сумме примеров». В 1905 г. Ленин упрекает Плеханова в отказе от разработки «логики сознательных социал-демократов». Все эти упреки имеют то же самое философское и политическое содержание, что и критические указания в IX и XII Ленинских сборниках.

С развитием борьбы между большевистской революционной тактикой и оппортунистической политикой меньшевиков углублялись различия между плехановским и ленинским пониманием диалектики. В своей полемике против большевиков Плеханов, не переставая, говорил о «непонимании» Лениным диалектики и потешался над «беспечностью Ленина насчет теории и в особенности насчет философии» (Сталин). Почти ни одно выступление Плеханова не обходилось, как говорил Ленин, «без иезуитской ссылки на диалектику». Чем подлее становилась тактика русского меньшевизма, тем больше опоплялись Плехановым основные принципы революционного марксизма, тем существеннее извращались им основные положения материалистической диалектики.

Для предыдущего этапа философской работы чрезвычайно характерно мнение т. Деборина о том, будто Ленин был учеником Плеханова-философа. Это мнение в корне ошибочно. Ленин не был и не мог быть учеником Плеханова в области философии. Философские взгляды Ленина формировались в процессе самостоятельной работы над основоположниками марксизма. Конечно, молодой Ленин высоко ценил и политическую, и теоретическую деятельность Плеханова того времени. И несомненно такие произведения Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», являются классическими произведениями марксистской литературы. Однако если сравнить плехановскую и ленинскую критику народников, то мы увидим, что наряду с целым рядом общих с Плехановым моментов, в ленинской критике имеется своеобразный и самостоятельный подход к разрешению ряда важнейших вопросов.

Так, уже в 1894 г. Ленин с чрезвычайной ясностью формулирует теорию отражения («идеальное есть только отражение материального»), опираясь на основные теоретические положения марксизма и в первую очередь на методологию маркса «Капитала». Я подчеркиваю ленинский подход к теории отражения потому, что это — один из основных моментов марксистской теории познания и что теория отражения вскрывает единство логики, диалектики и теории познания. Плеханов никогда не понимал значения теории отражения в марксистской философии и защищал против нее теорию иероглифов. Ленин же, выдвигая теорию отражения и критикуя плехановские «иероглифы», дает нам глубокое, подлинно марксистское понимание единства логики, диалектики и теории познания. В самом деле, если мысли

являются отражением вещей, то в категориях мышления одновременно дана и диалектика объективной деятельности и диалектика человеческого познания.

Отчетливое понимание теории отражения, которое мы находим у Ленина уже в 1894 г., свидетельствует о том, что Ленин с самого начала подходил к философским вопросам самостоятельно. Мы вполне согласны с т. Адоратским, который в статье о философских занятиях Ленина говорит, что «сущность метода Маркса была продумана Лениным самостоятельно. Он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применения его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики».

Самостоятельное применение метода марксизма к вопросам революционного движения в России обусловило возможность того, что уже в 1902—1903 гг. Ленин выступил с философской критикой Плеханова. Дальнейшее превращение меньшевистской партии из оппортунистической в буржуазную сопровождается дальнейшим изменением идеологии меньшевизма в сторону буржуазного метафизического способа мышления. Основная черта буржуазного мышления, как это отметил Ленин в своем «К вопросу о диалектике», заключается в одностороннем возведении в абсолют одной стороны или одного кусочка сложного многообразного процесса. Ленин еще в 1905 г. обнаружил в политической методологии меньшевиков эту характерную черту одностороннего преувеличения одного кусочка действительности. «Плохие вы диалектики, товарищи из «Искры», — писал Ленин в 1905 г., — вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете влиять и вертеться, как Плеханов... Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота неизбежно сольются в цельный, законченный «эпизод» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками, жалкими, ничего не изменяющими, только филистеров удовлетворяющими кусочками... Оппортунисты социал-демократии и накануне социалистического, и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов»².

Вот — социальная и философская характеристика меньшевистского мышления. Основные черты методологии меньшевизма — формализм, антиисторизм, механическое противопоставление внешнего внутреннему, отрицанию скачков, вульгарный эмпиризм (например теория зачинщиков Плеханова в 1914 г.) — все это непосредственно связано с политической практикой меньшевизма. Ибо политика, как говорил Ленин, имеет свою внутреннюю логику.

Логика меньшевистской политической тактики ничего не имела общего с логикой диалектического материализма. Отсюда отход Плеханова от революционного марксизма к буржуазным философским теориям. Когда-то революционный материалист-диалектик, талантливый представитель марксизма, Плеханов затем все больше и больше становится оппортунистом, оправдывающим политическое предательство пролетариата «опошлением марксизма», «карикатурой на

² Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. VIII, с. 309 («Последнее слово» «искровской тактики»).

марксизм» (Ленин). Ленин в статье «Плеханов, не знающий, чего он хочет», писал: «Пожалеем Плеханова — он заслужил лучшего своей борьбой с оппортунистами-народниками, махистами и ликвидаторами»³.

В 80-х и 90-х гг. Плеханов выступает как пролетарский революционер, как политический руководитель революционного движения в России. Огромные заслуги Плеханова этого периода неоспоримы. Революционная практическая деятельность Плеханова в период до 1903 г. теоретически закреплена в ряде работ, имеющих огромное значение для понимания марксизма. Известны высокие оценки, данные Лениным Плеханову-философу. Еще в 1908 г. Ленин писал в статье «Марксизм и ревизионизм»: «Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»⁴.

Высоко ставя плехановскую критику ревизионизма, богдановщины, кантианства и т. д., Ленин однако считает эту критику недостаточно конкретной (письмо к Горькому от 24/III 1908 г.). В том же 1908 г. Ленин писал к Горькому: «Теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым»⁵.

«Старый Плеханов» и Плеханов-оппортунист получили свое отражение в философском наследии Плеханова. В его философских работах, имеющих в общем очень большую ценность для философии диалектического материализма, переплетаются правильные положения с крупнейшими ошибками и недостатками, которые вскрывались Лениным на всем протяжении борьбы большевизма с меньшевизмом. Философские ошибки Плеханова имеют свою внутреннюю логику. Нельзя думать, что это — отдельные разрозненные ошибки. Есть глубокая внутренняя связь между апологетическим отношением Плеханова к Фейербаху и тем критерием познания, который в некоторых местах выставляется Плехановым. Есть глубокая внутренняя связь между этим критерием познания и непониманием теории познания как логики, как диалектики. А это непонимание в свою очередь связано с непониманием проблемы единства противоположностей. А после борьбы с механистами азбучной делается та истина, что непонимание единства противоположностей ведет к возвращенному пониманию проблемы качества и количества, не дает возможности развернуть четкую критику формальной логики и предохранить себя от формализма.

К уяснению этой связи на почве борьбы Ленина с меньшевистской тактикой я и попытаюсь перейти в моем дальнейшем изложении.

Апологетическое отношение Плеханова к Фейербаху в значительной степени было обусловлено тем влиянием, которое имел Чернышевский на развитие философских взглядов Плеханова. Сам Плеханов писал Лаврову, что «с тех пор, как во мне начала пробуждаться

³ Ленин, Собр. соч., т. XVII, с. 407.

⁴ Там же, т. XII, с. 185.

⁵ «Ленинский сборник», с. 89 (письмо к Горькому от 13/II 1908 г.).

теоретическая мысль, вы, Маркс и Чернышевский были моими любимейшими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях». В другом месте Плеханов заявляет: «Мое собственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского. Разбор его взглядов был целым событием в моей литературной деятельности».

У Чернышевского несомненно было очень много ценного, приближающего его к марксизму. Но это ценное сочетается у него с неверными, далекими от марксизма положениями. Плеханов же, хотя он и подверг специальному критическому разбору систему взглядов Чернышевского, не преодолел до конца некоторых феербахианских сторон Чернышевского. И это обстоятельство отразилось на плехановской теории познания.

Чернышевский был самым решительным феербахианцем в своих философских воззрениях. Он сам говорил о себе, что он не имеет сказать ничего нового по сравнению с тем, что было уже в блестящей форме изложено Фейербахом. Антропологический материализм Фейербаха целиком воспроизводится Чернышевским.

При всем огромном значении, какое имеет в истории философии Фейербах, при всем том влиянии, которое он оказал на Маркса и Энгельса, необходимо подчеркнуть, что антропологический материализм Фейербаха еще отнюдь не есть диалектический материализм основоположников марксизма. Плеханов же недоучитывал качественного различия между Фейербахом и Марксом — Энгельсом. Для Плеханова Энгельс лишь «способствовал дальнейшему систематическому развитию взглядов Фейербаха»⁶. Для Плеханова «гносеология марксизма по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, или, если хотите, она собственно и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки»⁷.

Гениальная «поправка» Маркса представлена у Плеханова не как кардинальное изменение всего того, что было у Фейербаха. Существенное, принципиальное различие между феербаховской и марксовской трактовкой проблемы субъекта и объекта у Плеханова исчезло. Для Фейербаха характерно натуралистическое, антропологическое понимание субъекта и объекта. Попытки выхода в общественность у Фейербаха находятся лишь в зародышевом состоянии. Когда мы говорим об общественности у Фейербаха, мы не столько говорим о самом Фейербахе, сколько о том, что увидел в Фейербахе Маркс. У Плеханова же мы не находим такого глубокого понимания Фейербаха, какое было у Маркса. Целиком пересказывая в ряде случаев Фейербаха, некритически относясь к нему, Плеханов вместе с тем нередко прямо отождествляет феербаховские положения с положениями марксизма.

Для Маркса феербаховское учение о субъекте и объекте было лишь некоторой необходимой предварительной ступенью. Маркс идет дальше, понимая под существом субъекта не только тело, не только физиологию, но и всю общественную деятельность человека как «персонализации определенного общества», как «представителя опреде-

⁶ Плеханов, Собр. соч., т. V, с. 30.

⁷ Там же, т. XVIII, с. 14.

ленного класса». Субъект для Маркса — это общественная категория, тогда как для Фейербаха и Чернышевского проблема субъекта и объекта имела внеисторическое натуралистическое содержание.

Великой заслугой Фейербаха было энергичное подчеркивание того положения, что «без объекта нет субъекта». Но совершенно неправильна попытка конкретизировать это положение исключительно на почве антропологии. Маркс берет у Фейербаха целиком и полностью его материализм, но отвергает конкретную характеристику материализма в духе антропологии, ибо в этом заключались ограниченность и узость феербаховского материализма. Ленин в своем конспекте феербаховских лекций о сущности религии замечает: «Узок термин Фейербаха и Чернышевского «антропологический принцип» в философии. И антропологический принцип, и натурализм суть лишь неточные слабые описания материализма»⁸.

Не в антропологии, не в биологии и не в физиологии, а в социальной истории марксизм устанавливает процесс субъективной деятельности людей, преобразующих внешний мир. Только на почве практической деятельности общественного человека можно дать подлинно марксистское понимание философского материализма.

Антропологизм Фейербаха сказывается в целом ряде произведений Плеханова. К теоретико-познавательному принципу Фейербаха и Чернышевского, к их взглядам на единство субъекта и объекта Плеханов прибегает на протяжении всей своей литературной деятельности. Знаменитое положение о том, что «я есмь я для меня самого и в то же время «ты» для другого» — положение, вскрываемое на почве антропологии и биологии — является для Плеханова одним из центральных положений в «Основных вопросах марксизма». Это же положение является базой в плехановской критике кантианства, в полемике с Конрадом Шмидтом и высшим критерием в письмах против Богданова.

В этой связи нужно отметить апологетическое отношение к Фейербаху т. Деборина, преданного ученика Плеханова-философа. Некритическое отношение к Фейербаху является одной из худших сторон философских взглядов Плеханова. Это худшее у Плеханова развивает, углубляет и продолжает Деборин. Решение проблемы субъекта и объекта вне исторической революционной практики является недиалектическим решением основного вопроса философии. Заявляя в своей насквозь апологетической работе «Людвиг Фейербах», что принцип Фейербаха «насквозь диалектичен» (с. 124), Деборин стирает существенное различие между марксизмом и феербахианством в основном вопросе теории познания. В 1868 г. Маркс писал Энгельсу: «В Германии думают, что диалектика Гегеля — это «дохлая собака». В этом отношении много лежит на совести Фейербаха». По мнению же Деборина «диалектическим методом Фейербах пользовался мастерски. Можно сказать, что его мысль насквозь диалектична» (с. 125).

Вопреки той оценке, которую дал Фейербаху Маркс, Деборин, следуя Плеханову, превращает Фейербаха в диалектика.

В тесной связи с непониманием Плехановым теоретико-познавательного значения революционной «практически-критической» дея-

⁸ „XII Ленинский сборник“, с. 121 (подчеркнуто Лениным).

тельности общественного человека стоят ошибки Плеханова в вопросе о том, что такое опыт. Для Энгельса опыт, практика и промышленность являются почти синонимами. Являясь определенной стороной практической деятельности, опытная деятельность человека обуславливает познание «объектов познания, не зависящих от познания», как говорил Ленин. Плеханов же, в своем известном примечании и в предисловии к «Людвигу Фейербаху», поддавшись на удочку «эмпириокритики» Карстаньена по поводу различия между опытом «как предметом исследования» и опытом как «средством познания», обнаружил, по выражению Ленина, «одно сплошную путаницу» в этом вопросе. Ленин разъясняет: «Под словом «опыт» может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская, но ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его как средства познания ничего еще не решают в этом отношении»⁹. Ничего не решает потому, что определение опыта как средства познания и как предмета исследования «остаются в пределах отвлеченного процесса мысли». И в той и в другой формулировке Плеханов не сближает понятие опыта с практической революционной деятельностью.

Натуралистическое понимание отношения субъекта к объекту, к которому склоняются Плеханов и Деборин, игнорирует качественно различные формы практики, различные формы отношения людей к предметам в различных общественных формациях. Социалистическая и капиталистическая практика, труд в условиях капитализма и в переходный к социализму период теряют свои специфические различия при этом гуманистическом или антропологическом подходе. Антропологический принцип оказывается совершенно беспомощным перед задачей объяснить новые формы труда, новые формы отношения человека к предмету. В противоположность капиталистическим отношениям труд становится у нас «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин). «Труд становится первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни» (Маркс).

Абстрактное антиисторическое разрешение основного вопроса философии (об отношении между субъектом и объектом), игнорирование значения революционной практики в философии и в политике коренятся в самой социальной природе меньшевизма. Антиисторизм — характерная черта буржуазной идеологии, теоретический продукт всех социально-экономических отношений капитализма. Антиисторизм в разрешении философских вопросов в отчетливой форме выступает в работах Бернштейна, в повороте от материалистической диалектики к Канту. Он же характеризует всю теоретическую продукцию Макса Адлера, Форлендера и других и находит особенно четкое выражение в отвлеченном натурализме Каутского. Антиисторизм в тактике меньшевиков характеризуется неумением понять различные этапы борьбы пролетариата в их необходимой связи с организацией победы пролетарской революции. Вместо учета конкретных условий диалектики общественного развития меньшевики оперируют общими абстрактными шаблонами. «Оппортунисты, — говорил Ленин, — ограничиваются применением ко всем случаям общего шаблона... Дума есть представительное учреждение, следовательно бойкот есть анархизм, и надо идти

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, с. 125.

в Думу. Таким детски простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков и в особенности Плеханова»¹⁰.

Диалектическая методология в тактике заменяется у Плеханова формально-логическим доктринерством, конкретному историзму противопоставляются отвлеченные антиисторические схемы. «Резолюция меньшевиков о значении представительных учреждений, — продолжает Ленин, — ... чрезвычайно рельефно показывает этот шаблонный, антиисторический характер их рассуждений. Наоборот революционные с.-д. центр тяжести вопроса переносят именно на внимательный учет конкретной политической ситуации».

Ленин неоднократно подчеркивал неразрывную связь между логикой и всемирноисторической практикой и показывал взаимную обусловленность между решением проблемы субъекта и объекта и всей методологией марксизма в целом. Вопрос о том, как относится субъект к объекту, как отражается материальный мир в процессе мышления, перерастает в проблему логических категорий материалистической диалектики. В практике субъективная деятельность переходит в объективную. «Истина, — говорит Ленин, — есть процесс от субъективной идеи человека к объективной истине». Это положение Ленин выдвигает на основе связи логики с практикой: «От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику».

Материализм Фейербаха и Чернышевского, оказавший большое влияние на Плеханова, делал невозможным такую постановку вопроса о критерии познания, какая требует диалектической логики. Прежде всего антропологический принцип ставил проблему познания в плоскости отвлеченно-сенсуалистической точки зрения. Несмотря на целый ряд замечательных высказываний Фейербаха о соотношении чувственного и рационального, общая тенденция его антропологизма привела его к абстрактно-чувственной точке зрения созерцательного материализма. А с этой точки зрения нам доступно только то, что существует непосредственно и дано в нашей чувственности. Нашему познанию доступны лишь свойства предмета, а не его внутренняя сущность. К этой точке зрения склонялись почти все те материалисты, которые придерживались антропологической трактовки вопросов теории познания: например Гольбах, Робинз, Ламеттри. Ограничение познания познанием свойств предмета мы имеем и у Чернышевского, отождествляющего качества со свойствами.

Такую же тенденцию обнаруживает в некоторых местах и Плеханов, хотя он и возражает Гольбаху, говорившему, что «нам неизвестны ни сущность, ни истинная природа материи». Так, Плеханов пишет: «У Ламеттри мы встречаем интересные замечания о том, что мы можем познать некоторые совершенно относительные свойства внешних вещей. Надо помнить, что слово «познать вещь» не имеет никакого другого смысла. Узнать данную вещь — это значит узнать ее свойства. А что такое свойства вещи? Это такой способ, которым она на меня действует непосредственно или непосредственно»¹¹.

Согласно диалектическому материализму познание вещи не ог-

¹⁰ Ленин, Собр. соч., т. X, с. 26 («О бойкоте»).

¹¹ Плеханов, Собр. соч. т. XI, с. 19.

раничивается познанием свойств ее. В своем «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин указывает (против Богданова) на необходимость познания сущности предмета. Ленин критикует Богданова за то, что для него условность всякой идеологии была несовместима с познанием сущности вещей.

Плеханов, склоняясь к созерцательному материализму и недоучитывая значения социально-исторической практики для разрешения вопросов теории познания, не дает четкой постановки вопроса о познании объективной сущности вещей, о приближении наших знаний к абсолютной истине.

Если мы возьмем с этой точки зрения ошибку Плеханова по вопросу об «иероглифах», то тот дуализм, который у него получается между предметом и познанием, не покажется нам случайным. Конечно между учением метафизического материализма о познании одних лишь свойств предмета и теорией иероглифов имеется существенное различие. Для созерцательного материализма познаваемые действительные свойства объекта, для теории иероглифов ощущения и представления человека суть лишь «условные знаки», символы» и т. п. Но связь этой теории с неправильным решением проблемы субъекта и объекта не случайна. Необходимо отметить недостаточную критику, которая давалась иероглифической теории Плеханова на прошлом этапе нашего философского развития.

Все отмеченные нами недостатки и ошибки Плеханова-философа объясняют нам, почему он не понял того важнейшего положения, что «диалектика и есть теория познания марксизма» (Ленин). Выдвигая это свое положение, Ленин возражал по двум линиям. С одной стороны, он бил по Богданову, для которого существовала альтернатива — или общественная история, или теория, вскрывающая сущность процессов общественного развития. По Ленину логика как теория познания является обобщением всей истории мышления и всей истории общественной практики. С другой стороны, эта точка зрения противопоставлялась сведению диалектики к сумме примеров, т. е. тому, что имело место в философии Плеханова. Плеханов не стоял перед рядом проблем (проблема абсолютной и относительной истины, проблема теории отражения), которые с необходимостью ведут к той точке зрения, которую дает Ленин в своей формулировке единства логики, диалектики и теории познания.

Натуралистический материализм, к которому склонялся Плеханов, увел его от задачи разработки теории материалистической диалектики. Ленин пишет: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь *à l'insu* отвергает их рассуждения, а не исправляет... эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий... Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по гегелевски»¹².

Но что значит «показать связь и переходы всех понятий»? Это значит понять теорию мышления как теорию, раскрывающую объек-

¹² IX Ленинский сборник*, с. 197 — 199.

типичные диалектические связи внешнего мира, это значит понять теорию познания как логику и диалектику.

В связи с этим очень интересно посмотреть, как рассматривается вопрос о субъекте в логике у Плеханова и Ленина. У Ленина оценка субъективности в логике дается в плане единства познания и объективного реального процесса. Поэтому характеристика субъективности включает у Ленина объективность самой логики. Ленин пишет: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹³. Ленин определяет процесс познания, исходя из конкретно-исторической диалектики субъекта и объекта, из практики, в которой субъективное и объективное взаимопроникают друг друга. Субъективное, абстрактное и конкретное в логическом процессе выступают в единстве. «Абстрактное и конкретное, — говорит Ленин, — единство противоположностей».

К этой точке зрения не мог подойти Плеханов потому, что такая характеристика была одновременно и логической и исторической, опираясь на непосредственную связь теории с революционной практикой. И вот мы видим, что у Плеханова процесс познания получает не историческую и не логическую, а скорее субъективно-психологическую трактовку. Если у Ленина знание, понятие, идея представляли собою определенную форму исторической и логической диалектики субъекта и объекта, то у Плеханова «знание как и ощущение всегда субъективны» (т. XVIII, с. 115), потому что «процесс познания есть не что иное как процесс возникновения известных представлений в субъекте» (там же).

Конечно психология не игнорируется марксистской логикой, конечно она включается определенным образом в логику, но психологией не должна исчерпываться характеристика проблем теории познания. Для марксистской логики процесс познания есть процесс раскрытия объективной истины. Но чтобы надлежащим образом понять это, необходимо учесть связь проблемы истины с процессом исторического развития. Ленин пишет: «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику и технику»¹⁴.

Самую «субъективность» Ленин понимает, как «стремление уничтожить отделение идеи от объекта»¹⁵. Субъективность мысли берется как процесс, раскрывающий объективные закономерности самой действительности, объективную диалектику вещей. Отсюда и становится совершенно понятным ленинское положение о том, что диалектика есть теория познания марксизма.

У Плеханова же диалектика рассматривается отдельно от теории познания. Теория познания для Плеханова в целом ряде пунктов в значительной степени совпадает с психологией.

Ученица Плеханова, Аксельрод, идет в этом отношении еще дальше и полностью отождествляет теорию познания с психологией (против ленинского понимания теории познания как логики, диалектики, методологии). «Психология без души, — говорит Аксельрод о Лок-

¹³ „IX Ленинский сборник“, с. 249.

¹⁴ Там же, с. 237.

¹⁵ Там же, с. 224.

ке, — означает в его системе научное мышление без всяких метафизических предпосылок и примесей. Гносеология совпадает у него с психологией в обширном значении понятия последней. Но несмотря на такую правильную научную постановку задачи и начатки ее разрешения, выразившиеся прежде всего в критике врожденных идей, Локк не мог разрешить ее при условиях научной мысли его эпохи»¹⁶.

Уже в статье т. Митина указывалось, что у Плеханова был разрыв между теорией познания и диалектикой, которые у него соединялись простым знаком «плюс». Характерно в этом отношении суждение Плеханова о Фейербахе: «Я защищаю все его (Фейербаха) философские взгляды кроме взглядов на диалектику». Плеханов не понимал того, что теория познания не составляет особого круга вопросов, отличных от диалектики; не понимал того, что только на почве диалектической методологии можно дать действительное разрешение проблеме познания как проблеме отражения реальных объективных закономерностей. Поэтому Плеханов не в состоянии представить категории мышления как определенные ступени познания, раскрывающие объективную сущность вещей. Тем самым он закрывает себе путь к пониманию диалектики как философской науки. Диалектика приобретает у него характер разрозненной суммы примеров, наглядных иллюстраций. У Плеханова нет того стержня, который бы выявлял внутреннюю связь между отдельными законами диалектики.

Почему Плеханов не доходит до ленинского понимания диалектики? Опять так потому, что меньшевистская тактика, формализм и антиисторизм логики оппортунизма, фейербахианство и субъективистские ошибки, идущие в значительной мере от Канта, привели Плеханова к разрыву диалектики и теории познания. Для Плеханова осталось неясным основное условие познания всех процессов мира в их спонтанном движении, в их живой жизни: закон единства противоположностей. Для Плеханова осталась неясной диалектика как теория изучения противоположностей, как теория изучения самой сущности вещей.

У нас были попытки полностью отождествить гегелевское понимание сущности с марксистским. Это, конечно, совершенно неправильно. В марксизме проблема сущности выступает как проблема единства противоположностей. При таком понимании и проблема сущности выступает во всех категориях диалектической логики. У Ленина мы читаем: «Вкратце диалектику можно определить как учение об единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»¹⁷.

Не дойдя до понимания диалектики как теории познания, Плеханов не мог оценить центрального значения закона единства противоположностей как «закона познания и закона объективного мира» (Ленин). Если в отдельных местах он и пытается выйти за пределы простого констатирования диалектики определенных процессов, то эти попытки все же остаются у него разрозненными, не связанными друг с другом и недостаточными по существу.

Поэтому и получилось, что Плеханов не мог разработать науку диалектической логики. «Плеханов, — говорит Ленин, — написал о философии (диалектике) вероятно до тысячи страниц... Из них о «Боль-

¹⁶ Д. Рахман, Джон Локк, с предисловием Л. И. Аксельрод, 1924, с. 6.

¹⁷ „IX Ленинский сборник“, с. 227.

шой логике», по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) ничего»¹⁸.

Практика меньшевизма находилась в прямой противоположности с задачами разработки материалистической диалектики. Политическая практика меньшевизма сводила диалектику к сумме примеров. Ленин отмечает это обстоятельство уже на весьма раннем этапе борьбы с меньшевизмом — в 1904 г. В своей работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин пишет: «Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления т. Плеханова..., что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой»¹⁹.

Основной недостаток философии Плеханова заключается в непонимании диалектики как методологии познания конкретной действительности. Диалектика приобретает у Плеханова отвлеченный характер. «Абстрактные общие положения» иллюстрируются «суммой примеров, суммой намеков».

В противоположность Плеханову у Ленина уже в 1904 г. складывался взгляд на диалектику как на воспроизведение путем мышления конкретных противоречий самого предмета.

«Беда т. Плеханова, — писал Ленин, — состояла в том, что он пустил в обращение... сумм у намеков... Тов. Плеханов впал в эту беду потому, что нарушил основное положение столь неудачно понятой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна»²⁰.

Таким образом уже в 1904 г. Ленин упрекает Плеханова в сведении диалектики к сумме намеков, к сумме примеров. То, что Ленин впоследствии сформулировал в своем знаменитом фрагменте «К вопросу о диалектике», было обусловлено всей его критикой меньшевистской политической тактики Плеханова.

Наивным и немарксистским был бы взгляд, что Ленин подошел к уяснению недостатков плехановской диалектики только в 1914 г., после чтения Гегеля. Ленин не вычитывал у Гегеля ошибок и общих недостатков теории познания Плеханова. Он вскрывал их на протяжении всей своей борьбы с меньшевизмом. То обстоятельство, что в 1908 г. в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин не так остро ставил вопрос о плехановских ошибках, как в 1914—1915 гг., обусловлено не чтением Гегеля, а тем, что в 1914—1915 гг. у большевиков складывалось иное отношение к меньшевикам и в частности к Плеханову. Только исходя из политической борьбы, из задач нашей партии на определенных этапах, можно подойти к уяснению ленинской критики Плеханова. Критика меньшевистской тактики, критика ошибок Плеханова в философии углублялась по мере дальнейшего превращения меньшевизма в придаток буржуазии. Специальная работа, предпринятая Лениным в 1914 г. над теорией материалистической диалектики, дала ему повод сформулировать проверенные всем развитием пролетарского движения общие недостатки философии Плеханова.

Тактика меньшевизма не давала возможности поставить проблему диалектики как теории познания. Идеология меньшевизма кромсала и извращала философские взгляды Плеханова.

¹⁸ XII Ленинский сборник, с. 223 — 225.

¹⁹ Ленин, Собр. соч., т. VI, с. 292.

²⁰ Там же, с. 292 — 293.

В своей статье: «Последнее слово искровской тактики» (октябрь 1905 г.) Ленин писал о меньшевистском лозунге «революционное самоуправление народа»: «В этом лозунге, или вернее в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на «диалектику», ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности» «Искры» были сначала защищаемы, а потом изобличаемы Плехановым. Революционное самоуправление народа не пролог восстания..., а эпилог. Без победы восстания нельзя и говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении». ²¹

Для меньшевистской политической тактики этого периода характерна попытка представить общественный процесс как нечто чисто стихийное. Различные этапы этого процесса рассматриваются меньшевизмом не в их единстве, но в обособленности друг от друга. Не учитывается конечная цель, стоящая перед рабочим движением. Плехановское понимание диалектики отразило эту меньшевистскую тактику сведением диалектического процесса к ряду отдельных, разрозненных его сторон, к ряду отдельных примеров диалектики. Не понимая внутренней диалектической закономерности общественного процесса, меньшевик не может поставить вопроса о логической последовательности категорий диалектики. Задаче раскрытия внутренних закономерностей диалектического процесса противопоставлялась теория запутанного стихийного процесса. Логике классовой борьбы пролетариата, партийной действенности противопоставлялась тактика приспособления к стихийности существующего экономического развития.

«Искра», — писал Ленин, — пыталась защитить путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь-де не знает резких границ... Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются. Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития всегда идет запутано, высовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога! Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно запутывать задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?» ²²

В одном докладе нельзя исчерпать всех вопросов, связанных с философскими взглядами Плеханова. Я не ставлю перед собой задачу осветить очень большой и вполне назревший вопрос о спинозизме у Плеханова. Надо сказать, что также и в этом вопросе худшие стороны Плеханова дали себя чувствовать в прежней работе философского руководства.

Я хочу коснуться еще двух вопросов: вопроса об отношении Плеханова к естествознанию и вопроса о формализме у Плеханова.

Давая сбивчивую характеристику проблемы сущности, Плеханов не мог правильно подойти к проблеме качества и количества, не мог в связи с этим сказать чего-либо существенного по вопросу о кри-

²¹ Ленин, Собр. соч., т. VIII, с. 307. (подчеркнуто Лениным).

²² Там же, с. 307.

эпистемологии в современном ему естествознании. Не понимая диалектики как философской науки, Плеханов не владел тем критерием, который позволил бы ему дать надлежащую оценку теориям буржуазных естествоиспытателей. В меньшевистской идеологии и в непонимании теории диалектики коренится капитулянтство Плеханова перед отрицательными тенденциями современного ему естествознания.

В своем 7-м примечании к книге Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов пишет: «Химия и биология в конце концов сведутся вероятно к молекулярной механике». Это положение выставляется Плехановым против Энгельса, который, исходя из диалектического понимания категории качества, устанавливает принципиальную невозможность сведения химии к механике. Плеханов некритически воспринимает здесь механистическую тенденцию современного ему естествознания. Механисты и в частности т. Степанов руками и ногами ухватились за эту «поправку» Плеханова. Возражая Степанову, Деборин в основном совершенно правильно писал: «Поправка Г. В. Плеханова неудовлетворительна. И вот почему. Вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос принципиальный. Его методологическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое «сведение»²³. Повторяя мысль т. Митина, нужно сказать, что борьба с механистическою опасностью была частичным преодолением ошибок Плеханова. Однако необходимо отметить, что, признавая эту ошибку случайной для Плеханова, Деборин тем самым отказывается от того, чтобы вскрыть социальную и логическую обусловленность плехановского примечания к Энгельсу.

Совсем иначе подошел к современному естествознанию Ленин. Ленин раскрыл диалектический характер кризиса современного естествознания, установил соотношение между диалектическим материализмом и физическими теориями о строении материи, указал пути выхода из кризиса и дальнейшего развития науки. «Не кто иной как Ленин,—говорит т. Сталин,—взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного—из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»²⁴.

Сводя диалектику к сумме примеров, Плеханов не мог дать исчерпывающей критики формальной логики. Ибо условиями критики формальной логики являются понимание диалектики как теории познания, понимание логических категорий как степеней познания объективной действительности, понимание единства противоположностей как основного закона познания и объективного мира.

²³ Деборин, Диалектика и естествознание, с. 70.

²⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 2-е, «ДБГ» с. 20.

Плехановская критика формальной логики в свете ленинского философского наследства представляется недостаточной. Для Плеханова категории тождества, противоречия и основания не являются ступенями познания противоречий, включенных в сущности самого предмета. Разбор законов формальной логики Плеханов ограничивает вопросом о принадлежности предмету определенных свойств. «На каждый определенный вопрос о принадлежности данному предмету данного свойства,—говорит Плеханов,—надо отвечать или да, или нет. Это не подлежит сомнению. Но как прикажете отвечать в том случае, когда предмет изменяется, когда он уже утрачивает данное свойство или пока еще только приобретает его. Само собою разумеется... что определенным ответом будет здесь только ответ, построенный по формуле: да — нет, нет — да»²⁵.

Вопрос о взаимоотношении формальной и диалектической логики решается Плехановым в плоскости изменчивости или неизменности определенных свойств предмета на почве внешних форм проявления процесса. Такое решение вопроса недостаточно, а потому неправильно. Изменчивость и относительная неизменность свойств находят свое объяснение в сущности процесса, внешнее находит свое объяснение во внутреннем, является формой появления внутренних противоречий процесса. Тождественность, постоянство, устойчивость определенного свойства, а равно и его изменение и возникновение нового свойства не могут быть рассматриваемы вне их зависимости от тождества и противоречий в самой сущности процесса, от единства противоположностей, имманентного данному предмету.

Плехановская же критика формальной логики основана не на всестороннем развитии закона единства противоположностей, а на принципе: познать предмет — значит познать его свойства. Для Ленина положительное разрешение проблемы устойчивости неразрывно связано с разработкой категорий материалистической диалектики. Плеханову же казалось, что диалектика неспособна разрешить вопрос об устойчивости вещи. Там, где имеет место устойчивость, «царствует», по мнению Плеханова, «любезная г. Бернштейну формула: да — да и нет — нет». Если же дело идет об изменчивости, то применяется диалектика.

В действительности подлинное разрешение проблемы устойчивости может дать только диалектическая логика в таких категориях, как категория определенности вещи, качественности процесса, структуры предмета и т. д. Диалектическая логика раскрывает момент устойчивости, понимая ее из внутренних противоречий самих вещей, из характера самой изменчивой природы процесса. Этого как раз недоучитывает Плеханов, говоря, что здесь «царствует любезная г. Бернштейну формула: да — да и нет — нет». Плеханов совершенно прав, когда говорит, что формальная логика относится к диалектике, как покой относится к движению. Но Плеханов допускает ошибку, понимая покой как покой в буквальном смысле этого слова и отводя покою особое царство метафизических способов мышления. Дело в том, что когда мы выставляем определенные положения (да — да, нет — нет, или — или), то эти положения не основываются на фор-

²⁵ Плеханов, Предисловие к русскому переводу „Л. Фейербаха“ Энгельса, с. 14.

мально-логическом способе мышления. «Или — или», «кто — кого» и т. д. — вовсе не формально-логические категории. Формула «да — да, нет — нет» может быть правильно понята только в свете диалектической логики и не может быть конкретно понята при метафизическом способе мышления. Ленинское «или — или» накануне пролетарской революции было обосновано всей конкретной совокупностью общественных отношений в России, самой природой Февральской революции. Точно так же ленинская формулировка «кто кого» определяется всем существом переходного периода.

Вооруженная диалектической логикой большевистская революционная практика обнаружила полную беспомощность того примиренчества к формальной логике, которое проявлялось в политической методологии меньшевиков, и той отвлеченной формально-логической дедукции в меньшевистской методологии, которая стремится чисто умозрительным путем получить из общих положений ряд выводов.

Для логики диалектического материализма принципиально неприемлема теория отвлеченных силлогизмов. Диалектико-материалистическая логика раскрывает и воспроизводит конкретную совокупность противоречий самой действительности.

Для политической же методологии меньшевизма как раз характерна теория простого логического развития общей истины. Эта черта меньшевистской методологии отмечается Лениным в предисловии ко 2-му изданию «Развития капитализма в России». Ленин пишет: «Способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом».

Теория простой логической дедукции из общей истины глубоко отличается от логики диалектического материализма своим подходом к вопросу об абстрактном и конкретном. Вместо воспроизведения конкретного процесса в мышлении при помощи научных абстракций, в теории отвлеченной дедукции выступает формально-логическое выведение одной абстракции из другой.

Рассуждения меньшевиков и Плеханова о характере революции 1905—1907 гг. представляют ряд формалистических выводов и обнаруживают полную неспособность вскрыть конкретные противоречия общественного развития. Революция буржуазна, рассуждали меньшевики, следовательно основной задачей социал-демократии является непосредственная поддержка буржуазных партий. Это насквозь формалистическое рассуждение ничего общего не имеет с методологией диалектического материализма. «Если, — говорил Ленин, — наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию (это несомненно), то отсюда нельзя делать вывода о руководящей роли буржуазии в нашей революции, о буржуазии как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опoшление марксизма, карикатура на марксизм»²⁶.

Нужно отметить, что антимарксистский формалистический уклон, проявившийся в работах ряда товарищей: Деборина, Карева,

Гонимана и других, представляет собою форму просачивания меньшевистской идеологии в философию.

Ленин вскрыл совокупность ошибок в марксистской философии Плеханова. Эти ошибки по своему теоретическому содержанию сближаются с философией современной социал-демократии, с философией Макса Адлера, Форлендера, Каутского. Эти ошибки воспроизведены формалистическим уклоном и механистической ревизией марксизма.

Однако, несмотря на всю серьезность философских ошибок Плеханова и их тесную связь с его политическими ошибками, нельзя забывать о высокой ценности философских работ Плеханова для марксизма. Работы Плеханова против народников, кантианцев и Богданова направлены на защиту ортодоксального марксизма и являются классическими произведениями марксистской литературы. Они сыграли огромную роль при организации марксистской партии в России. Ленин, давший резкую принципиальную критику ошибок Плеханова, вместе с тем указывал, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». Это лучшее в международной литературе марксизма должно быть изучено в непосредственной связи с ленинской критикой ошибок Плеханова.

Философское наследие Плеханова является наглядным доказательством того, что ортодоксальный марксизм несовместим с оппортунистической политикой. Философские работы Плеханова показывают нам, как правильные, марксистские положения вступают в противоречие с меньшевистской политикой, как они искажаются и извращаются вследствие этого. Практическая измена пролетарской революции, антиисторизм в политической тактике меньшевизма находят свое выражение в недостаточном понимании Плехановым революционной практической деятельности. Формализм политической методологии меньшевизма проявляется в кантианских ошибках Плеханова, в непонимании диалектики как теории познания марксизма. При изучении философских произведений Плеханова это обстоятельство должно быть взято за основу на ленинском этапе философии диалектического материализма, когда единство философии и большевистской политики становится критерием работы над диалектическим материализмом.

Прения по докладу

В. Дитякин. Доклад т. Кучерова безусловно представляет собою значительный интерес в нашей работе на философском фронте в первую очередь потому, что в нем почти впервые проблема гносеологического порядка поставлена не так схематично, абстрактно и совершенно безжизненно, как ставили ее на прошлом этапе нашего философского развития; проблема эта в докладе дана в строго политической, я сказал бы, партийной постановке. И действительно поставленную проблему нельзя рассматривать иначе, не обратившись к анализу борьбы между большевистским и меньшевистским крылом РСДРП, это — единственная установка, которая дает нам эту проблему во всей ее широте. Второе правильное положение доклада заключа-

ется в том, что Ленин не был и не мог быть — это важно подчеркнуть — в философии учеником Плеханова. Мы знаем, что Ленин представляет собой крупнейшую философскую фигуру, что он представляет собой мыслителя, не просто воспринявшего то, что было дано Марксом и Энгельсом, но продвинувшего вперед с большим умением и с большой оригинальностью полученное им философское наследство. Нам надо подойти шире и глубже к систематическому изучению Ленина, чего «деборинская» группа не могла и не хотела сделать.

Тов. Кучеров правильно начинает свой анализ с первой крупной работы Ленина «Что такое «друзья народа», но недостаточно разрабатывает имеющиеся в этой работе указания Ленина, который в своем изложении диалектического метода не только цитирует Маркса, но и привносит целый ряд положений, развивающих марксову диалектику; кроме указанной т. Кучеровым блестящей формулировки теории отражения, Ленин здесь подчеркивает глубоко революционный характер, партийность диалектики. Изложение т. Кучерова должно быть еще дополнено для убедительного показа того, каким образом еще до того момента, когда диалектика из теоретического орудия должна была превратиться в мощное орудие борьбы за пролетарскую партию, еще до этого времени Лениным уже было построено развернутое учение о диалектике.

Следующее основное положение доклада, трактующее о сущности меньшевистской концепции, о меньшевистском понимании опыта и практики, об их антиисторизме, безусловно правильно, но данную характеристику нужно будет развить, показав, каким образом это антиисторическое, неревolutionное отношение к опыту изменялось в связи с развитием меньшевизма, с его превращением из одной из форм организаций рабочей партии в буржуазную партию. Здесь уместно будет привести некоторые выводы приготовленной мною еще два года тому назад работы об отношении большевиков и меньшевиков к диалектике и в частности к Марксу и Энгельсу, выводы, показывающие, что антиисторизм Плеханова по существу был глубочайшим образом связан с систематическим извращением Маркса.

В изложении генеалогии философских взглядов Плеханова, эволюции их, в докладе имеются некоторые неясности, неточности, противоречия — их надо выправить. В частности надо было показать хотя бы на одном примере, как Плеханов и Ленин разрешали одну и ту же проблему, как например в их критике Струве Ленин уже ту пору в философском отношении стоял неизмеримо выше Плеханова.

В одном очень важном пункте доклада — причины непонимания Плехановым диалектики во всей ее полноте — т. Кучеров дает объяснение, склоняющееся к субъективистскому, этот же субъективизм проскальзывает и в объяснении взаимоотношений Плеханова и Фейербаха. Данную в начале доклада хорошую установку надо было продолжать и здесь, надо было показать, что основное положение диалектики не было понято Плехановым, было ему всегда чуждо именно потому, что он становился методологом меньшевизма, для практической политики которого характерен отрыв от настоящего доподлинного революционного рабочего движения.

В вопросе о Фейербахе докладчик правильно критикует ошибочность «деборинского» понимания взаимоотношений Фейербах — Маркс, но вместе с тем в другом месте (см. с. 19 стенограммы) сам докладчик начинает окрашивать Фейербаха под Маркса. Нужно было тщательнее проработать ленинские указания о Фейербахе, и тогда станет совершенно ясно, что наиболее ценное в Фейербахе, что в переработанном виде вошло в систему диалектического материализма, Плехановым взято не было. Такого рода замечание в докладе есть, но его надо было развить, и получилась бы более сложная, чем данная в докладе, картина: не просто «Фейербах ради Плеханова», а «Фейербах недопонятый, Фейербах искаженный ради Плеханова». Ведь то же самое мы имеем и в отношении Плеханова к Гегелю; правильно сделанное вами указание на пристрастие Плеханова к оперированию с общими дефинициями не объясняет причин этого «пристрастия», а они ясны: из Гегеля, но опять-таки недопонятого, неправильно понятого в этом моменте Гегеля вырос Плеханов как философ общих дефиниций. Здесь я ставлю еще один вопрос — в какой степени правильно Плеханов понимал самого Маркса, и этот вопрос важен потому, что мы знаем, что Ленин исходит из Маркса и Энгельса, а Плеханов испытывает на себе влияние Фейербаха, взятого через Чернышевского, затем влияние Гегеля и наконец, влияние Маркса. Есть основание думать, что и тот, и другой и третий взятые были Плехановым недостаточно правильно.

Я считаю нужным отметить еще один ценный момент в докладе т. Кучерова, — момент, ставящий еще одну интересную проблему. Обычно считается, что типичной философией оппортунизма конца XIX — нач. XX вв. является идеализм различного сорта; т. Кучеров же показывает в своем докладе, что уже и в это время материализм мог быть в философии оппортунизма. Интересно выяснить, почему Фейербах был так близок Плеханову, дело здесь конечно не в личной истории Плеханова, письма его в этом отношении мало доказательны, и опираться только на них методологически было бы неправильно. Я выдвигаю другое объяснение, выдвигаю его только как гипотезу, что Фейербах мог быть ближе к Плеханову потому, что в их общих политических установках были элементы большого родства. Позиция Плеханова, его отношение к омередным задачам рабочего движения в России перед и во время революции 1905 г. имеют элементы близкие к позиции, занимаемой Фейербахом перед и в революции 1848 г. Всем хорошо известно, как резко отлична была от плехановской позиция Ленина перед 1905 г., и можно допустить, что в сравнении с ней позиция радикально буржуазного философа-материалиста, как Фейербах, его склад мысли, его метод понимания общественных явлений мог быть ближе Плеханову. Идейное родство Плеханова с Фейербахом есть, по сути дела, идейное сродство русского оппортунизма в его меньшевистской форме с левым крылом героической эпохи буржуазно-демократического движения. Но понятно, что эту проблему надо разработать с тщательным учетом всех особенностей, специфичностей разбираемых исторических эпох.

Остаются замечания меньшего порядка вроде того, что «идея меньшевизма кромсала, извращала все философские взгляды Плеха-

нова» — это положение должно быть уточнено. Далее не слишком ли преувеличивает докладчик влияние Чернышевского на Плеханова, и здесь и к этому вопросу надо было бы подойти диалектично.

В целом, как я сказал и вначале, доклад т. Кучерова, переработанный для печати, отшлифованный, избавленный от ряда мелких неточностей и дополненный в основных пунктах его, безусловно представляет собою большой интерес и ценность в разработке актуальнейшей темы «Ленин и Плеханов».

Бобровников. Я считаю, что т. Дитякин неправильно поставил вопрос о том, что Плеханов идейно и политически ближе стоит к Фейербаху и Чернышевскому, чем к Марксу; Плеханов был марксистом. От Фейербаха и Чернышевского Плеханова отделяет то, что он был последователем Маркса, может быть не совсем последовательным последователем, но так или иначе он был учеником Маркса.

Тов. Дитякин сказал, что он историк. В таком случае он должен знать, что Маркс даже в период своего увлечения Фейербахом все же стоял выше Фейербаха в том отношении, что он связывал философию с живой активной политической действительностью. Тогда как Фейербах был «абстрактным» философом.

Теперь, обращаясь к докладу т. Кучерова, я должен сказать, что основное достоинство этого доклада в его основной установке, а именно: он попытался связать философские ошибки Плеханова в области теории познания с его политическим оппортунизмом. Помоему это та постановка вопроса, которая обеспечивает в общем и целом правильный анализ всех слабых и ошибочных мест у Плеханова. В самом деле, оппортунизм Плеханова — это не отдельный и не случайный эпизод его жизни. Оппортунизм Плеханова — это основная политическая линия у Плеханова. Такой оппортунизм не мог не быть связан с ошибками в области методологии.

Я остаюсь прежде всего на широко известной ошибке Плеханова, на теории иероглифов. Сам Плеханов считал, что здесь у него была ошибка только терминологического характера.

Не раз указывалось, что это не так; указывалось, что существо ошибки Плеханова состоит в неправильном понимании теоретико-познавательной проблемы. Если бы Плеханов даже не употреблял этой терминологии иероглифов, то и тогда его теория в основном страдала бы крупными недостатками. Можно прямо сказать, что и тогда его ошибки не уменьшились бы. В самом деле, если просмотреть те статьи, где он употреблял впервые слово «иероглифы», и те статьи, которые он писал после того, как отказался от этой терминологии, то мы увидим, что понимание вопроса у него не изменилось. Как в статьях против Конрада Шмидта, где он впервые употреблял термин «иероглифы», так и после этого, например в статье «Трусливый идеализм», он развивает теорию «соответствия». Понятия только соответствуют, но не отражают вещей, как они существуют сами по себе. Эта теория соответствия легла также в основание психо-физиологического параллелизма у Плеханова, исходя из которой Плеханов взял под защиту неоламаркизм (см. «Основные вопросы марксизма»).

Теория соответствия между понятием и предметом, теория соответствия между психическим процессом и физиологическим про-

цессом есть крупная уступка идеализму. Только в этом контексте и понятно сочувственное отношение Плеханова к неоламаркизму.

Таким образом теория познания Плеханова не является последовательной марксистской теорией; в ней есть элемент субъективизма. Здесь я должен указать на один момент в докладе т. Кучерова, с которым я не согласен. Тов. Кучеров, очевидно желая оттенить этот субъективизм в теории познания Плеханова, сказал, что теория познания Плеханова является психологизированной теорией, что она отрицает моменты логические, что она стоит на точке зрения алогизма.

Ленин неоднократно указывал, что попытка кантианцев представить процесс познания как процесс логический, не имеющий ничего общего с психологией, с переживаниями или имеющий с ними общее только то, что он находится с ними в связи внешним образом, что это чисто идеологическая установка и против этого нужно решительно возражать. Ленин подчеркивает, что логический процесс познания — это есть психическое переживание, но только особого рода психическое переживание.

Поэтому мне не понравилось употребление не нашей терминологии, которое имело место в докладе т. Кучерова.

Товарищи, если мы констатируем момент субъективности в теории познания Плеханова, то нужно иметь в виду, что это вытекает из основной предпосылки его теории познания. В самом деле Плеханов считает, что основной проблемой теории познания является проблема отношения субъекта к объекту. Спрашивается, как же эта основная предпосылка теории познания Плехановым разрешается. Вы вероятно все помните из его книжки «Основные вопросы марксизма» указание, что разрешение этого вопроса марксизм берет у Фейербаха, делая маленькую, но гениальную поправку об активном отношении субъекта к объекту.

Сам Фейербах охарактеризовал свою точку зрения как «гуманистическую». Плеханов, чувствуя неловкость такой терминологии, доказывал, что когда Фейербах исходным пунктом теории познания берет человека как материальное и чувствующее существо, то здесь дело идет только о методологическом, как бы условном исходном пункте. Эта физиологическая точка зрения на единство субъекта и объекта, воспринятая Плехановым у Фейербаха (и несомненно воспринятая Плехановым не критически), ведет к ошибкам субъективистского и кантианского свойства. Маркс дал блестящую критику «гуманистической» точки зрения Фейербаха и вместо последней выдвинул практику как основу и критерий познания.

Маркс считал, что единство субъекта и объекта достигается в практике. Если объект и субъект есть два фактора познания, то единство их достигается в способе их соединения, в способе их взаимоотношения — есть практика. В практике субъект устанавливает свое единство с объектом. В практике субъект является взаимодействующим с объектом, в практике субъект познает сущность объекта.

Чтобы этот вопрос стал еще более ясным, я зачитаю одну цитату из Маркса: «Ошибки Фейербаха заключаются не в том, что он подчиняет лежащую под носом чувственную видимость чувственной действительности, устанавливаемой благодаря более точному из-

учению чувственных фактов, а в том, что в конечном счете он не может подойти к чувственности без «глаз», т. е. без «очков» философа»²⁷.

Фейербах, который считает, что единство субъекта и объекта достигается посредством чувственности именно благодаря тому, что субъект в то же время является материальным существом, не способен подняться над чувственной «данностью». Субъект и объект рассматриваются им вне их исторического развития. И хотя Фейербах не останавливается только на чувственной видимости, все же он не может понять истинных и единственно объективно реальных предпосылок действительности, коренящихся в историческом прошлом, в реальном развитии действительности, и следовательно вынужден подходить к действительности из предпосылок философа, с «очками» философа.

Иначе говоря, Маркс делает упрек Фейербаху в том, что Фейербах по существу не может перейти от чувственного познания к диалектике.

Плеханов, принимая исходный пункт теории познания Фейербаха, логически приходит к теории соответствия или к теории иероглифов.

Таким образом Плеханов, восприняв учение Фейербаха о физиологическом единстве субъекта и объекта («гуманизм» Фейербаха), тем самым не понял всей глубины марксовой критики Фейербаха, в частности не понял всей глубины замечаний об «абстрактном» человеке Фейербаха и о значении практики в процессе познания. Но тем самым Плеханов не понял сути диалектики и процесса познания. Плеханов, так много написавший о теории познания, не попытался развернуть проблему познания как проблему развития познания на основе исторического развития практики общественного человека. У него получился разрыв между теорией познания и историческим материализмом. Мы видим здесь, как прав был Ленин, когда он сказал, что Плеханов толковал диалектику как сумму примеров, а не закон действительности и познания.

Я возвращаюсь к исходному пункту своего выступления. Вначале я сказал, что ошибки Плеханова в области философии вытекают из его политического оппортунизма. В предыдущем изложении я попытался показать слабые стороны его диалектического метода в трактовке некоторых основных вопросов теории познания. Но еще более слабым диалектиком он был в области политики. Здесь еще ярче сказывается его неумение владеть диалектикой.

Вот эта слабая сторона Плеханова тяготеет и над направлением, возглавляемым т. Дебориным. Неумение самостоятельно пользоваться диалектикой в вопросах, выдвигаемых новым этапом, в котором мы живем, создало то положение, что марксизм в руках т. Деборина превращается в догму; диалектика — в формальную, выхолощенную науку.

Чески с. Тов. Кучеров в своем докладе поставил очень интересную и очень актуальную философскую и политическую проблему, но он подошел к критике Плеханова не совсем критически. Тов. Кучеров не задал себе такого вопроса: является ли Плеханов, начиная с самых

²⁷ „Архив Маркса и Энгельса“, т. I, с. 217, примечание.

первых дней его революционной политической деятельности до самого конца, человеком вылитым из одного куска; иными словами, можно ли говорить о Плеханове как о до конца последовательном философе и революционере? Ведь известно, что Плеханов делал зигзаги в развитии своих взглядов. При изучении Плеханова нужно помнить основное различие, которое существует между Плехановым до 1900—1902 гг., и Плехановым в дальнейшем периоде его политического и философского развития.

У т. Кучерова получилось так, что Плеханов в своих лучших и в своих худших работах является одним и тем же Плехановым. Конечно с точки зрения физиологической это один и тот же Плеханов, но если мы будем говорить о Плеханове-философе и революционере, то здесь будет большое различие. Разве можно сравнивать с точки зрения философской, революционной, с точки зрения диалектики его работу: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» с предисловием к этой книге, написанным во время войны? Каждому, кто читает это предисловие, бросается в глаза внутреннее противоречие между ним и духом самой книги. Разве нет различия между Плехановым 90-х годов и Плехановым периода империалистической войны? Как же т. Кучеров, который специально делает доклад о Плеханове, который желает выявить ошибки Плеханова, оставляет в стороне этот важный вопрос, не останавливается даже на нем. Это метафизический подход к самому философу. Этим т. Кучеров показал на примере, как не нужно поступать, он критиковал Плеханова, а сам поступил в этом отношении хуже Плеханова. У т. Кучерова получилось так, что у нас собственно нет Плеханова в его историческом развитии. По крайней мере в докладе не было сказано ни одного слова о философской эволюции Плеханова. Было указано на политическую эволюцию, но не на философскую. Эта сторона является самой важной и самой интересной. Для того, чтобы понимать, нужно ли нам изучать Плеханова, для того, чтобы понимать сущность проблемы «Ленин и Плеханов», нужно взять, с одной стороны, Ленина в его развитии, в его эволюции, а с другой стороны, Плеханова в его эволюции. Вначале имеются точки соприкосновения между Плехановым и Лениным; сначала они стояли рядом в борьбе, но потом получилось расхождение в разные стороны. Если в отношении Ленина мы имеем дальнейшее развертывание материалистической диалектики, если у Ленина мы видим все большее и большее развертывание революционного марксизма, то у Плеханова мы имеем все большее и большее свертывание революционной стороны и все большее и большее развертывание оппортунизма. Это важно отметить потому, что в политической эволюции Плеханова были зигзаги; известно, что одно время Ленин еще надеялся, что Плеханов пойдет по правильному пути, когда Плеханов был примиренцем, когда он выступал против ликвидаторства; такие же зигзаги были и в его философской эволюции — вот эту сторону упустить совершенно невозможно. Это значило бы не понимать Плеханова.

Возьмем теперь философские вопросы. Плеханову приходилось, начиная с первых годов XX столетия, вести борьбу главным образом против идеализма: такова была тогда конкретная историческая обстановка. И так как в борьбе против идеализма ему приходилось

опираться на крупные материалистические системы предыдущих философов, то, с одной стороны, он выдвигал Фейербаха, а с другой стороны, стал все более и более подчеркивать связь марксизма со Спинозой. Он опирается на материализм Фейербаха и Спинозы, и тут его материализм не является в полной мере диалектическим материализмом. Плеханов боролся весьма успешно против идеализма, хотя не всегда в достаточной степени применял диалектику.

Тов. Кучеров говорил о большом влиянии, оказанном на Плеханова Чернышевским и Фейербахом. По мнению т. Кучерова это идеологическое наследство лежит тяжелым грузом на плечах Плеханова и искажает всю его философскую концепцию. Эта точка зрения по существу неверна. Само собой понятно, что в философском отношении Плеханов преодолел Чернышевского; это для всех очевидно; а если он взял у Чернышевского некоторые положительные стороны, то в этом ничего плохого нет; Ленин тоже высоко ценил Чернышевского. Всякий философ берет кое-что у своих предшественников. Плеханов взял у Чернышевского то, что можно было у него взять.

Нельзя точно так же утверждать, что Фейербах играет в философии Плеханова главную роль. Возьмите «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»: здесь Фейербаха совсем нет. Плеханов изучает генезис исторического материализма, а на Фейербахе не останавливается. Нельзя никак утверждать, что Плеханов выступает в этом сочинении как созерцательный материалист. Ведь это одна из лучших работ по историческому материализму. Прочтите блестящие страницы, где он говорит о революционной борьбе, где он цитирует знаменитые слова Гете: вначале было дело. Там чувствуется революционный дух, там горит революционный огонь. Это чувствуется во многих страницах. Этот факт игнорировать никак нельзя.

Ясно, что если Ленин так ценил Плеханова, то он это делал не потому, что последний был сначала до конца проникнут оппортунизмом, который отразился впоследствии и на его методологии. Нет. Плеханов был не один и тот же в различные периоды своей деятельности. Ленин говорит о Плеханове как о марксисте-революционере, Ленин ценит Плеханова, потому что Плеханов был революционером в определенный период. Этого нельзя забывать.

Мне кажется так же неверной та установка, которой придерживается и т. Бобровников, что коренная ошибка Плеханова, определяющая и его реформизм, его оппортунизм, кроется главным образом в его теории познания. Главный корень его ошибок лежит в его непонимании революционной диалектики. Неверная теория иероглифов Плеханова — результат непонимания им закона единства противоположностей. Теорию иероглифов взять как основу ошибок Плеханова нельзя. Нужно взять глубже эту основу. В самом деле, присмотримся к работам Плеханова. Если бы можно было кратко сформулировать в этом отношении различие между Лениным и Плехановым, то можно было бы сказать так: Ленин изложил во всех 27 томах своих сочинений исторический и диалектический марксизм, хотя непосредственно о диалектическом и историческом материализме у него имеются только десятки листов. Все дело в том, что вся работа Ленина есть диалектический материализм в действии. Когда противники Маркса спрашивали: а где книги, ко-

торые написал Маркс об историческом материализме, Плеханов правильно ответил: Маркс написал «Капитал», это и есть исторический материализм. Писать об историческом материализме—это совершенно не значит написать учебник исторического материализма. Писать об историческом материализме—это значит дать диалектико-материалистический анализ исторических явлений и событий, а вся теоретическая работа Ленина действительно является образцом исторического материализма. Ленин пишет например брошюру: «Шаг вперед, два шага назад». Это по конкретно политическому вопросу; там есть лишь несколько строчек о диалектике, а вся статья—это материалистическая диалектика на практике, это есть действительный диалектический конкретный анализ, образец применения материалистической диалектики. Ленин пишет о профсоюзах, и это есть живой сгусток материалистической диалектики. Возьмем «Государство и революция», разве это не блестящая, классическая работа по историческому материализму? Плеханов писал много по философии марксизма. Он не плохо дрался с кантианцами, с махистами, с народниками. Но возьмите его работу по истории развития движения в России, его статьи в «Дневнике публициста», все те работы, которые он напечатал после революции 1905 г., те статьи, которые он напечатал в «Новой искре», и вы увидите, что они являются образцом неумения пользоваться материалистической диалектикой. Действительные образцы революционной материалистической диалектики можно найти в работах Маркса, Энгельса и Ленина. По-моему главное, чего нехватает Плеханову, это революционного духа материалистической диалектики. Если этот революционный дух материалистической диалектики можно было еще найти в его первых работах, то чем дальше, тем больше этот дух материалистической диалектики улетучивается у Плеханова. Он совершенно не придавал значения, говоря о диалектике, принципу борьбы противоположностей. Конечно Плеханов тоже говорит о диалектике, утверждает вслед за Гегелем, что противоречие двигает вперед. Но революционного значения именно этого принципа единства и борьбы противоположностей как основного закона развития природы и общества—этого он не понимал или по крайней мере недостаточно понимал. Поэтому в его работах вы не чувствуете революционного характера материалистической диалектики. Ведь в том, что Ленин выдвигает этот закон единства и борьбы противоположностей в качестве основного закона, он идет гораздо дальше других. Это объясняется главным образом тем, что Ленин чувствовал революционный смысл этого закона и революционный характер материалистической диалектики. Этот революционный дух материалистической диалектики проходит красной нитью через все работы Ленина. Пишет ли он прямо о диалектике или же ни одним словом даже не упоминает о ней, она сквозит в каждой статье Ленина, во всех его 27 томах. Ленин действительно осуществлял на практике революционную материалистическую диалектику. Эта диалектика была им осуществлена на деле в руководстве пролетарской революции.

Возьмем начало деятельности Ленина и начало деятельности Плеханова. Плеханов начал работать значительно раньше Ленина; он был и в «Черном Переделе», он имел определенное отношение к «На-

родной Воле». Все это имело некоторое влияние на его дальнейшее развитие. Плеханов был одним из основателей группы «Освобождение труда». Плеханов первым развивал принципы марксизма в России. Плеханов с середины 80-х гг. до начала XX столетия развивал свою революционную марксистскую деятельность. Мы здесь видим революционный рост Плеханова, мы видим рост Плеханова как мыслителя-марксиста.

Если же мы возьмем дальнейшую работу Плеханова, начиная с 1902 г., то мы увидим, что все более и более Плеханов уходит от революционного марксизма, все более и более улетучивается у него революционная диалектика. К чему же приходит Плеханов? Он приходит к самому постыдному социал-шовинизму и к самому постыдному социал-империализму. Вот политический путь развития Плеханова. Мы тут имеем и теоретическое падение Плеханова. Даже в его блестящих статьях против Богданова мы не чувствуем настоящего революционного духа.

Возьмите, с другой стороны, Ленина. Возьмите всю его деятельность, начиная с самых первых работ. Вы здесь видите революционный огонь материалистической диалектики, который разгорается все более и более. Искра, которая была заметна в самом начале, разгорается в действительное великое пламя. Вы здесь имеете все больший и больший рост, все большее и большее развертывание революционной материалистической диалектики абсолютно во всех его работах. В каждой работе Ленина и во всем его руководстве, в каждом его политическом акте вы чувствуете животворящий дух материалистической диалектики, и вы видите проявление ее на практике. В конспекте «Науки логики» Гегеля мы находим глубочайшие афоризмы. В 20 строчках вы имеете изложение глубокой сущности диалектики. Дело в том, что, с одной стороны, в смысле формулировок мы находим у Ленина самую высокую сконцентрированность. Поскольку же речь идет о действительном проведении и осуществлении в жизни диалектики, то Ленин писал для масс, для широких рабочих масс, он хотел, чтобы его читали и понимали широкие рабочие массы, и в этом отношении вы имеете осуществление, воплощение этой диалектики в каждой его статье. С точки зрения чисто теоретической каждый афоризм Ленина имеет огромное значение. Но рядом с этим вы имеете большое количество статей, в которых речь не идет специально о диалектике, но которые дышат действительно революционной марксистской диалектикой. Вот, по-моему, на эту сторону нужно было обратить внимание.

Я резюмирую так. Первая основная ошибка доклада т. Кучерова та, что он подошел к Плеханову не исторически, не критически, а просто взял огульно ошибки Плеханова. Мы лишь тогда сможем критиковать действительные ошибки Плеханова и найти источник этих ошибок, когда мы подойдем к Плеханову исторически, когда изучим эволюцию Плеханова, эволюцию его философской мысли в связи с его политическими ошибками, с его оппортунизмом. Если возьмете плехановские работы в период империалистической войны, то там слово диалектика употребляется часто так же, как слово «интернационализм». Но там так же мало диалектики, как мало интернационализма. Тут мы видим, как он по этому пути растерял революционную марксистскую диалектику. Это — первое.

Второе, что я считаю нужным подчеркнуть, это то, что основной недостаток и коренная ошибка Плеханова заключаются в том, что он не понял основного закона революционно-марксистской диалектики, это чувствуется во всех его работах. Вот на чем нужно сделать упор: на непонимании им в достаточной степени значения принципа борьбы противоположностей как самого основного революционного диалектического принципа.

Далее еще одно маленькое замечание. Здесь усматривали своего рода агностицизм в утверждении Плеханова, что познать предмет — значит познать его в его свойствах. Я считаю, что это неверно, потому что Плеханов не противопоставлял свойств сущности, а наоборот подчеркивал единство между сущностью предмета и его свойствами, ибо сущность проявляется в свойствах. Плеханов критикует Гольбаха как раз за то, что последний отрывает сущность предмета от его свойств. Плеханов говорит, что нет различия между свойствами и вещью в себе, и раз познаны свойства, то тем самым познана и сущность.

Я думаю, что т. Кучерову в своем заключительном слове нужно будет ответить на все эти вопросы, так как он специально занимался этой проблемой. Тов. Кучеров должен осветить связь между политической эволюцией Плеханова и эволюцией философской. Он эту связь констатировал, но без достаточных доказательств. Одно дело, когда говоришь мимоходом, и совсем другое дело, когда берешься давать определенную установку по тому или другому вопросу. В таком случае нужно давать конкретные данные и не ограничиваться общими рассуждениями.

Батищев. Сначала несколько слов относительно выступления т. Ческиса. Я думаю, что он начал за здравие, а кончил некоторым образом за упокой. Он начал с того, что рассмотрел недостатки и ошибки Плеханова, а в результате получилось, что он собственно этих ошибок и не видит. Я думаю, что над т. Ческисом известным образом тяготеет кошмар наследия Плеханова.

Доклад т. Кучерова нужно оценивать в связи с тем, что мы только приступаем к разработке проблемы критики философии Плеханова. Это только второй доклад по этому вопросу. Мы только теперь начинаем изучать роль Ленина и роль Плеханова в разработке марксизма. В частности теперь стоит перед нами вопрос о теории познания. Тов. Разумовский, который делал первый доклад, привел обширный материал, но он дал только описание темы, не больше. Тов. Кучеров дал материала меньше в своем докладе, но он поставил новые вопросы и пытался связать отдельные ошибки Плеханова в некоторое целостное единство. В этом — главное достоинство доклада т. Кучерова.

В основном доклад пытался на основе указаний Ленина увязать общие недостатки философии Плеханова (непонимание диалектики как теории познания) с отдельными его положениями, с учением о субъекте и объекте. Тов. Кучеров связывает этот вопрос с натурализмом, антропологизмом в понимании субъекта и объекта и практики. Эти положения имеют известную ценность для понимания деборинской группы. Теоретически наш путь для преодоления ошибок деборинской группы идет отсюда: через критику Плеханова.

через преодоление отрицательных сторон Плеханова, идущих в известной степени от Фейербаха. Тов. Кучеров недостаточно развил основной пункт доклада, что диалектика у Плеханова является как бы суммой примеров. Это основное положение, которое выдвигает Ленин и которое достаточно ясно для него, но недостаточно ясно для всех нас. Это положение нужно было наиболее основательно показать и доказать на работах Плеханова. Нужно было разбирать все остальные вопросы, исходя из этого основного положения. Я хочу привести одно место, по-моему достаточно яркое, которое характеризует то, что для Плеханова диалектика не есть теория познания, что для него диалектика является только внешним орудием познания. В статье к 60-летней годовщине Гегеля он пишет: «Материалистическое объяснение истории предполагает диалектический метод мышления. Диалектика была известна и до Гегеля, но Гегель сумел воспользоваться ею так, как никто из его предшественников. В руках идеалиста она становится могучим орудием познания всего существующего». Для Плеханова диалектика есть что-то законченное, стоящее вне развития самого процесса познания. Гегель не развил диалектику, как всеобщую теорию познания, он нашел ее и сумел использовать надлежащим образом. Диалектика представляется существующей и до Гегеля, вне исторического развития познания. Все дело сводится к тому, что Гегель воспользовался ею более умело. Плеханов разрывает диалектику и теорию познания.

Тов. Кучеров выдвинул общее обвинение Плеханова в том, что тот никогда не понимал теорию отражения. Это не совсем верно. В статье о Гегеле (1891 г.) Плеханов пишет: «Деятельность людей непременно отражается в их головах» и т. д. Об отражении он говорил и позднее (напр., т. VIII, с. 192). Но все дело в том, что он вместе с тем развивал и теорию иероглифов. У него не было ясности в этом вопросе.

Напрасно некоторые обвиняли Кучерова в том, что он взял Плеханова известным образом метафизически. Я согласен с тем, что т. Кучеров не достаточно ясно поставил вопрос относительно эволюции Плеханова, но он говорил здесь о связи меньшевизма с теоретической эволюцией Плеханова.

Кроме того я думаю, что неправильно будет переоценивать влияние Чернышевского на Плеханова и вообще неправильно ставить вопрос относительно эволюции Плеханова через идейную преемственность от Чернышевского, Гегеля и Фейербаха. Я думаю, идейная преемственность от Чернышевского, Гегеля и Фейербаха должна быть понята через определенную социально-классовую позицию Плеханова. Почему Плеханов недопонимал марксизма? Почему он не пришел к тому, к чему пришел Ленин? Вопрос сводится к объективным источникам идейной эволюции Плеханова и Ленина. Тов. Бобровников полагает, что меньшевизм Плеханова вытекает из его неправильного понимания марксизма. Но правильнее будет сказать как раз наоборот.

После Маркса и Энгельса развиваются два основных типа рабочего движения: реформистское и революционное. Если брать за образец тип этих движений, то мы можем взять немецкое рабочее движение как реформистское, которое лежало в основе всего II Интернационала, и наше рабочее движение как тип революционного дви-

жения. Плеханов в основном отражал реформистское рабочее движение. Плеханов покидает реальную, непосредственно живую связь с русским рабочим движением в его зачаточной форме в начале 80-х гг. По-моему отсюда нужно начинать анализ. Плеханов не пережил величайшего размаха русского рабочего движения в 90-х гг. В дальнейшем мы замечаем у Плеханова рост этого его отрыва от революционной практики рабочего движения. Отрываясь от русского рабочего движения, от нарастающего русского революционного рабочего движения, Плеханов связался с западным рабочим реформистским движением. Он отражал его, влиял на него, и сам эволюционировал под его влиянием. Это весьма большой вопрос, я не имею возможности его развить. Для пояснения возьму один пример: оценку Струве в 1895 г. Лениным и Плехановым. Ленин прежде всего схватил классовый смысл выступления Струве как «отражение марксизма в буржуазной литературе». Плеханов берет Струве под свою энергичную защиту, сводя все дело к ошибкам молодости. Он совершенно не видел классового политического смысла, сводя все к психологии (т. VII, с. 288). И только тогда, когда Струве открыто скатился к либерализму, Плеханов выступил против него. Но характерно, что Ленин критикует Струве на конкретной почве русского рабочего движения, тогда как Плеханов совершенно не касается русской исторической действительности, а ведь работа Струве посвящена экономическому развитию России. Он берет лишь общие вопросы, а когда касается рабочего движения, то берет Англию. Можно было бы показать и во всех дальнейших работах Плеханова, что он все более и более опирается на реформистское рабочее движение. Он шел в общей фаланге вождей II Интернационала и эволюционировал вместе с ними. Только опираясь на революционную борьбу большевистской партии и русского рабочего движения, проверяя на нем теорию и учась на его опыте, Ленин мог преодолеть влияние реформизма и подняться выше Плеханова и в теории.

Васильева. Докладчик прав, поставив вопрос о связи теоретических ошибок Плеханова с его политической позицией. В этом единственно правильный исторический подход к проблеме: Ленин и Плеханов. Но докладчик остался в пределах абстрактной постановки вопроса, так как рассмотрение антиисторизма, формализма политической логики меньшевизма не довел до социальных корней, не объяснил эту логику из социальной природы того класса, который меньшевики представляют. Понимание революционной роли пролетариата в современном обществе было той реальной основой, которая давала возможность Ленину и всей большевистской партии каждое политическое событие рассматривать во всем его своеобразии, во всей конкретности как ступень в развитии классовой борьбы пролетариата к его окончательной победе. Этого не было и не могло быть у меньшевиков, одним из идеологов которых был Плеханов.

Марксизм—идеология пролетариата. Маркс создавал, формулировал и развивал свою теорию познания в непосредственной связи с изучением истории классовой борьбы пролетариата и принимал самое активное участие в современной ему борьбе рабочего класса. Эта революционная социальная основа марксизма нашла свое выражение в теории познания, в категории практической революционной деятельности. Тов. Деборин в предисловии к «XI Ленинскому сборнику»,

подводя итоги оценки Лениным «Логики» Гегеля, говорит: «Гегель правильно разрешил, по крайней мере теоретически, вопрос о взаимоотношении теории и практики, что дало возможность Марксу ввести критерий практики в теорию познания». Тов. Деборин не понимает того, что Марксом проделана колоссальная критическая, именно теоретическая работа над Гегелем — это во 1-х, а, во 2-х, того, что Ленин своими перевертываниями показал и доказал в своих «конспектах» всю несостоятельность гегелевского разрешения вопроса. Только материализм, притом материализм, достроенный доверху (Ленин), т. е. доведенный до материалистического понимания истории, до предметной деятельности людей исторически определенного общества и класса, может стать действительной основой как для разрешения вопроса об единстве теории познания, логики и диалектики, так и для вопроса об единстве теории и практики, об их реальной связи.

Плеханов недооценил значения практики в марксистской теории познания (см. особенно ст. «От идеализма к материализму», т. XVIII, с. 176), и в этом нашло свое выражение непонимание Плехановым революционной роли бор-сы рабочего класса, которая неизбежно приводит к диктатуре пролетариата. В недооценке роли практики сказались черты феьербахизма у Плеханова — в этом докладчик прав. Но докладчик преувеличил влияние Фейербаха на Плеханова тем, что он не отметил, как далеко ушел Плеханов от Фейербаха, ставши на точку зрения исторического материализма. Плеханов не достроил материализма до теории научного коммунизма, не довел революционную практику рабочего класса до ее высшей точки — диктатуры пролетариата. В этом источник и ключ к пониманию как политических, так и теоретических ошибок Плеханова.

М и л о н о в. Своим докладом т. Кучеров затронул одну из весьма существенных и до сих пор мало разработанных проблем. Но при всех своих заслугах доклад т. Кучерова имеет все же довольно существенные недостатки и ошибки. Заключительные аккорды доклада были таковы, что они смазывали те важные и в значительной степени правильные замечания, которые давались т. Кучеровым по поводу теории познания Плеханова. Ибо в заключительной части доклада Плеханов был изображен как стопроцентный ортодоксальный марксист. Тов. Кучеров заявил, что меньшевизм «кроме ал философию Плеханова». Я считаю, что поставленная здесь проблема о меньшевизме в философии Плеханова разрешается не таким образом. Я думаю, что мы можем и должны в своем исследовании взглядов Плеханова отыскать даже в самых начальных ступенях его марксистского развития известные зародыши, которые в дальнейшем, при соответствующей исторической обстановке, сделали из Плеханова меньшевика, сипортуниста. По вопросу об этих методологических зародышах я сделаю только одно предварительное замечание. Плеханов дал нам очень много ценного и интересного в теоретическом освещении целого ряда надстроек. Здесь Плеханов несомненно очень крупный теоретик. Но та общая установка, которая создавалась у Плеханова в связи с такого рода устремлениями, установка не столько на методологию классовой борьбы и революции, сколько на вопросы, для революционной эпохи относительно абстрактные (вопросы искусства и т. п.), — эта установка, как мне кажется, и обозначила в конце кон-

цов Плеханова как человека, который весьма сильно ошибался по вопросам классовой борьбы, государства и т. д., что и привело его к оппортунизму и меньшевизму.

Перехожу к некоторым другим вопросам. Тов. Кучеров несколько раз на протяжении своего доклада отождествлял вопрос об отношении мышления к бытию с вопросом об отношении субъекта и объекта. Такое отождествление «вурцелирует» (употребляя термин Бухарина) от самого Плеханова, но с точки зрения марксизма оно неприемлемо. Как известно, Энгельс говорит о соотношении между бытием и мышлением, между природой и духом как о «возвышеннейшем вопросе всякой философии». То же самое у Ленина. Постановка вопроса, данная т. Кучеровым, есть дача пальца (а может быть и больше) идеализму. Именно идеализм ставит вопрос о соотношении между субъектом и объектом. Особенно это характерно для Канта, у которого основным вопросом всей философии является проблема теории познания (этим отчасти грешит и Плеханов). С нашей же точки зрения (как это обосновали Энгельс и Ленин) определяющая проблема — это есть проблема первичности природы, материи по сравнению с духом, сознанием, мышлением.

Отождествление проблемы субъекта-объекта с проблемой мышления и бытия затушевывает коренной вопрос борьбы материализма с идеализмом. Если вопрос о субъекте и объекте поставлен как основной вопрос философии, решение которого определяет принадлежность к материализму или идеализму, то это означает, что субъект («я») берется так, как это обычно делает идеализм, т. е. только как идея, дух, мышление. При этом не видят, что внутри самого субъекта как конкретного человека существует тоже проблема соотношения между мышлением и бытием. С другой стороны, это отождествление неправильно еще и потому, что материальный мир рассматривается здесь только как объект, тогда как с точки зрения марксизма материальный мир является не только объектом нашего созерцания и нашей активности, но и сам является субъектом действия.

Следующий вопрос, который я хочу затронуть, это вопрос о соотношении формальной логики и диалектики. Тов. Кучеров правильно отмечал в своем докладе, что Плеханов недостаточно критиковал формальную логику. Однако мне кажется, что и Кучеров сам недостаточно критиковал в этом вопросе Плеханова. Вследствие целого ряда ошибок так называемого философского руководства кое-где повелась манера считать, что диалектический материализм будто бы только тем и занимается, что примиряет всякие противоположности. Так, т. Деборин говорит, что диалектический материализм примиряет субъективизм и объективизм (чего, на самом деле, конечно, нет). Тот же т. Деборин рассматривает диалектический материализм как примирение односторонностей эмпиризма и рационализма. Это же самое утверждает и т. Маньковский в своей брошюре «Спиноза и материализм». Получается, что диалектический материализм — это какая-то коробка или какая-то яма, в которую сваливается всякий исторический философский мусор, и вот он «примиряет» все эти вещи. Для каждого марксиста, большевика несомненно, что диалектический материализм ничего не примиряет, что он проводит свою собственную линию, непримиримую с эмпиризмом, рационализмом и всяким прочим «измами», против которых, как против неправильных точек зрения, он

борется. Именно по этой линии и надо идти при рассмотрении вопроса о соотношении между формальной логикой и диалектикой.

В докладе приводились высказывания Плеханова по этому вопросу, из которых получается, что диалектика, собственно говоря, не уничтожает формальную логику, что диалектика согласна мирно сосуществовать с формальной логикой.

Таково ли положение на самом деле? Уже Гегель говорил, что формальная логика приводит к пустой тавтологии, что это есть убожество мысли, что диалектика представляет собою универсальный метод, исключающий формальную логику. Ленин в брошюре «Еще раз о профсоюзах и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» указывал на то, что «формальной логикой ограничиваются и должны ограничиваться для низших классов школы» и то лишь с «поправками». Из этих слов Ленина отнюдь нельзя сделать того вывода, будто по Ленину марксизм включает в себя формальную логику как свою подсобную часть. Ведь для нас несомненным является то положение, что диалектика представляет собою универсальный метод познания действительности и универсальный метод действия. А это значит, что диалектика не мирится ни с какими иными методами и точками зрения и что формальная логика не есть часть диалектики. Это значит, что формальная логика как метод (а Энгельс в «Анти-Дюринге» называл формальную логику методом перехода от известного к неизвестному) исключается универсальным методом, методом диалектическим. Правда, тут сейчас же встает вопрос о тех случаях, когда нам нужно решительно говорить либо да либо нет. Очень интересное замечание сделал г. Кучеров, сказавши, что стремление сохранить формальную логику опирается на необходимость признания известной устойчивости, но что для этого формальная логика вовсе не нужна, так как диалектика и есть такой метод, который научно обосновывает момент устойчивости, рассматривая эту устойчивость диалектически, с точки зрения ее возникновения, развития и гибели. Вот эта мысль, правда в ином виде, и должна быть положена в основу решения вопроса о соотношении между формальной логикой и диалектикой.

Все знают, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не избегали решительного ответа на вопрос, если условия к тому обязывали. Они говорили в этих случаях либо да, либо нет. Это конечно не значит, что они вставали в этих случаях на точку зрения формальной логики, как будто диалектика нужна была им лишь как теория, которую при решении конкретных практических вопросов рабочего движения они клали в карман, а из другого кармана вынимали формальную логику. Как раз диалектика и приводит к определенному конкретному решению, обосновывая необходимость решения по принципу: либо да, либо нет. Но она требует решения по этому принципу не всегда, как это делает формальная логика, а на определенной стадии развития данного процесса. Напр. Ленин решил вопрос об Октябрьском восстании по принципу: «либо да, либо нет». В этом случае, так же как и в тысяче других, мы имеем гениальное использование Лениным диалектики, а вовсе не формальной логики. Именно диалектика дала Ленину возможность познать весь процесс развития и обосновать твердое решение в тот момент, когда этот процесс стал обнаруживать известный поворот, известный внутренний перелом,

По своей форме это похоже на принципы формальной логики, но по существу мы имеем здесь полное ее отрицание.

Та мысль Плеханова, что «мышление по правилам формальной логики есть частный случай диалектического мышления, как покой есть частный случай движения», в основном совершенно правильна. Но выражена она так, что из нее можно сделать (и делаются самим Плехановым) совершенно неправильные выводы о том, будто диалектика не отменяет формальной логики, а включает ее в себя.

Последний вопрос. Мне кажется, что т. Кучеров не выяснил целиком и полностью, почему именно Ленин говорит, что не надо трех слов: гносеология, логика, диалектика. К сожалению, в настоящий момент мы все еще находимся в таком периоде, когда обязательные для каждого марксиста положения Ленина о диалектике далеко еще не подвергнуты сколько-нибудь расширенному теоретическому исследованию. Поэтому здесь, к сожалению, неизбежен некоторый разнобой. Но мне кажется, что тот путь, по которому пошел т. Кучеров, не является вполне правильным.

Всем известно положение Ленина: «Итог и резюме — последнее слово и суть логики Гегеля есть диалектический метод — это крайне замечательно». Почему это крайне замечательно с точки зрения Ленина? Да потому, что Ленин еще до своей работы над «Логикой» Гегеля в одном из своих писем писал: вот мол он (Ленин) в одном своем докладе говорил о «марксизме как методе», а из «прекрасного далека» ему начали сыпаться упреки в том, что он-де не понимает марксизма; а вот мол смотрите, у такого человека, как Каутский, в брошюре «Историческое значение К. Маркса» тоже написано о марксизме как о методе. Это действительно крайне замечательно. И эту крайне замечательную мысль Ленина у нас не хотят положить в основу своих исследований.

По Ленину не надо трех слов (логика, диалектика и теория познания) по той причине, что «диалектика и есть теория познания (Гегеля) и марксизма». Для нас нет никакой теории познания как таковой. Для нас есть диалектика, и эта диалектика (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности, борьба противоречий и т. д.) и есть наша логика и наша теория познания. Это есть метод, как высшая форма развития всякого теоретического знания.

В этом вопросе у т. Кучерова были допущены крайне небрежные формы выражения. Он приравнивал диалектику исключительно логике, не понимая того, что диалектика есть метод и что именно как метод одновременно познания и действия материалистическая диалектика имеет наиболее богатое содержание. Борясь против взглядов Плеханова и Деборина, т. Кучеров в этом вопросе остался на их точке зрения. Ведь именно для них диалектика есть одна только логика и лишь постольку теория познания. Для них диалектика не является методом познания и действия, методом перехода от известного к неизвестному, методом нахождения новых результатов.

Ленин говорит, что условие познания всех процессов мира в их самодвижении есть познание их как единства противоположностей. Этим самым Ленин конкретно и точно указывает на тот смысл, в каком следует понимать диалектику как теорию познания. В теории познания нет особых категорий, которых бы не было в диалектике. Все категории диалектики (противоположность, противоречие, коли-

чество, качество, форма, содержание и т. д.) суть категории, с помощью которых мы познаем окружающую нас действительность, ибо для нас нет никакой особой теории познания.

Тов. Кучерову следовало бы положить в основу своего доклада мысль Ленина о диалектике как методе и сосредоточить свое внимание на том, как Ленин пользуется этим методом. Нужно было бы именно на этом фоне показать всю тщетность утверждений Плеханова насчет особой теории познания. Это тем более необходимо, что все то новое, что внес в диалектику Ленин, является до сих пор еще не вполне выясненным для философов.

Мильков. Наша задача — подойти к Плеханову исторически, т. е. понять Плеханова в развитии, исходя из условий развития классовой борьбы, а затем взять Плеханова в целом и дать соответствующую оценку его методологии.

В докладе говорилось о том историческом грузе (довольно неважном), который тяготел над Плехановым, когда последний стал марксистом. Но мне кажется, что докладчик не дал достаточного исторического обоснования той «логической структуре ошибки» Плеханова, которую он выводил в порядке последовательности. В этом отношении доклад проникнут своеобразным духом «саморазвивающихся категорий» с печатью «вне времени и пространства».

Особого внимания заслуживает вопрос о преемственности: Плеханов-народник — Плеханов-марксист. В своей первой марксистской работе «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) Плеханов подвергает решительному пересмотру свои прежние народнические взгляды. Однако, объявив себя марксистом, Плеханов еще не преодолел своих прошлых ошибок. Разбирая отношение между экономикой и политикой, Плеханов в ряде положений пребывает в плену концепции метафизического «взаимодействия».

Характерно и то, что Плеханов впоследствии не обнаружил полного освобождения от того идейного груза, который над ним тяготел. Так, в 1905 г. в предисловии к первому тому первого издания собрания своих сочинений Плеханов писал, что его «нынешнее мирозерцание» (т. е. марксизм) «представляет собой не более, как логическое развитие основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работал в органах революционного народничества». В этих словах и в последующих рассуждениях о Бакуanine, который-де тоже стоял на точке зрения исторического материализма, хотя и плохо понимал его, сквозит недостаточная радикальность той критики, которой Плеханов подверг свои прежние народнические воззрения.

В 90-е и 900-е годы Плеханов был бесспорно одним из лучших теоретиков марксизма той эпохи. Однако даже в своих лучших работах он все же допускал ряд ошибок и неточностей метафизического характера. Напр. в «Очерках по истории материализма», в статье «Маркс» Плеханов, излагая основы исторического материализма, дает схему из пяти-шести этажей (географическая среда, производительные силы и т. д.), где один из другого выводится, один от другого зависит, но где нет и речи об их диалектическом проникновении и диалектическом развитии во взаимодействии, нет речи о том, что роль каждого элемента в различные этапы общественного развития качественно различна, что соотношение этих элементов меняется и что меняется в целом качество общественной формации.

Печать вулгарного материализма и непонимание основного закона диалектики (единства противоположностей) характерны для меньшевистской трактовки всех этих проблем.

Если мы возьмем такой широкоизвестный труд Плеханова, как «Основные вопросы марксизма», то мы увидим, что и в этом труде, вышедшем в 1908 г. вскоре после бурных исторических событий 1905 г., Плеханов продолжает выведение одного «этажа» из другого, упуская из внимания диалектическое единство причины и следствия, диалектические изменения в роли тех или иных моментов целого и в их соотношении между собою и диалектическое преобразование данного качества в его развитии. Между тем исторические условия, в которых писалась эта работа, обязывали Плеханова применять диалектику Маркса и Энгельса к новому историческому материалу вместо того, чтобы обосновывать свою аргументацию примерами из жизни дикарей, у которых-де тоже экономические условия определяют их цели и т. д.

Жизнь уходила дальше, качество разбираемых Плехановым категорий и их взаимоотношение видоизменялись, а Плеханов продолжал этого не замечать. Происходил процесс отрыва теории от действительности; недостаточно глубоко понятая диалектика становилась суммой примеров, а не орудием познания и борьбы.

Эклектизм Плеханова со всей яркостью выразился в его рассуждениях о соотношении формальной логики и диалектики. Плеханов метафизически разрывает непрерывный процесс развития, утверждая, что формальная логика господствует в том случае и в тот момент, когда налицо определенные свойства предмета; когда же эти свойства изменяются, тогда господствует диалектика. Ленин подходил к этому вопросу иначе. Он указывал (в брошюре «Еще раз о профсоюзах...»), что формальная логика только в том смысле не отрицается диалектикой, что ею приходится ограничиваться «для низших классов школы» и то лишь «с поправками». Следовательно формальную логику надо понимать не как равноправно сосуществующую с диалектикой, а как низшую, ограниченную и подготовительную ступень познания. Диалектика же господствует не только в случаях перехода от одного свойства к другому, а во всех без исключения случаях, на всех без исключения этапах развития.

Далее, можно было бы указать на ошибки Плеханова в оценке Спинозы, Гегеля и французских материалистов. Развивая дальше эти ошибки Плеханова, Деборин стришет Спинозу под диалектического материалиста и совершенно некритически относится к Гегелю.

Вообще представители современного формалистического уклона воспроизводят самые худшие стороны Плеханова. У них отсутствует понимание классового содержания тех или иных идеологий, диалектического развития их, преодоления одной системы другою. Современный формалистический уклон и механистическая ревизия марксизма имеют между собою то общее, что, извращая материалистическую диалектику, они объективно способствуют врагам рабочего класса и тормозят социалистическое строительство, выражая (в различной форме) сопротивление и колебания мелкой буржуазии.

Оценивая Плеханова в свете новейшего этапа развития нашей борьбы, мы должны сказать, что даже в своих лучших работах Плеханов допускал ошибки и недопонимание всей глубины револю-

ционной диалектики. Эти ошибки получили дальнейшее развитие после того, как Плеханов не понял новых исторических закономерностей, не понял революции 1905 г. и отрекся от диктатуры пролетариата. Логика классовый борьбы привела к тому, что Плеханов применил марксизм буржуазным либерализмом.

У докладчика имеется ряд формулировок, которые требуют уточнения и исправления. Напр., что значит, что «практика кромсала философию»? Тов. Кучеров разрывает здесь теорию и практику (политику) и берет Плеханова «вообще», а не исторически. Абстрактный подход т. Кучерова не позволил ему дать достаточно четкую оценку Плеханова и сделать достаточно ясные выводы, как этого от нас требуют современные задачи.

Гейликман. Прежде чем взять слово, я считаю своим долгом признать свои прежние философские ошибки механистического направления, а также примиренчество к нему. Если механистический материализм был семижды бит идеалистической диалектикой, то он был и будет бит семижды семь раз материалистической диалектикой.

Мое заявление я считаю тем более необходимым сделать, что критика теории познания Плеханова тесно связана с критикой ошибок бывшего философского руководства, имеющего заслуги в борьбе с механистическим материализмом.

Теперь по существу доклада. Интересно отметить, что по вопросу об оценке Плеханова замечается трогательная солидарность между механистами и представителями деборинской школы. Как те, так и другие одинаково некритично относятся к теории познания Плеханова. Можно сказать, что эта проблема впервые ставится лишь теперь, в условиях философского поворота.

В теории познания Плеханова имеется не один, а два уклона от диалектического материализма. Оба они вырастают из одного общего гносеологического корня. Но о каждом из них надо говорить особо. С одной стороны, мы имеем феербахизм у Плеханова, его переоценку, идеализацию антропологического материализма. С другой стороны, кантианский уклон, связанный с теорией иероглифов. Не все элементы кантианства были здесь достаточно отмечены. В связи с теорией иероглифов необходимо остановиться на субъективистическом толковании ощущений у Плеханова. Этот субъективизм представляет собою уже шаг назад даже от феербаховского материализма. Это вовсе не исключает того обстоятельства, что в основном Плеханов, как отмечалось, здесь, представляет собой завершение феербаховского материализма.

Надлежащую критику взглядов Плеханова на Фейербаха можно дать лишь в свете ленинской оценки Фейербаха. Для Ленина с полной очевидностью были выявлены две стороны Фейербаха: одна сторона — недостаточно развернутый материализм, уступки идеализму, в особенности в вопросах общественных, другая сторона — последовательный материализм в его оценке роли ощущений в процессе познания. Так, в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин пишет: «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными философами, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях... Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца, за то, что он отрекался от материализма

из-за ошибок отдельных материалистов, за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии, за то, что он не умен в социологии отделаться от идеалистической фразы» *.

В «Конспекте» Фейербаха Ленин еще резче подчеркивает его слабые места. Ленин берет в иронические ковычки феербаховский социализм, цель которого заключается не в уничтожении собственности, а в том, чтобы «собственность была у всех». Ленин отмечает по этому поводу, как сильно уже в это время отстал Фейербах от Маркса и Энгельса²⁸. Ленин видит в Фейербахе предшественника субъективной школы Михайловского, когда тот возводит в идеал «цельного, действительного, всестороннего, совершенного, развитого человека». «Идеал Михайловского — прибавляет Ленин — представляет лишь вульгаризованное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» (с. 111). Как это далеко от плехановских взглядов на Фейербаха, который якобы предвосхитил человеческую практику в марксовом значении этого слова.

С другой стороны, эти слабые стороны Фейербаха не заслоняли в глазах Ленина его заслуг перед материалистической философией, которая даже в этой ограниченной форме представляет собою гигантский шаг вперед по отношению к идеализму. Замечательнее всего то, что Плеханов, неизменно идеализирующий Фейербаха, не всегда удерживался даже на позициях феербаховского материализма и отступал как раз от того, что по мнению Ленина составляет самую сильную сторону теории познания Фейербаха, именно от правильного понимания чувственного опыта.

В рецензии на книгу Рихтера «Скептицизм в философии» Плеханов полемизирует против субъективистического понимания истины у Рихтера. «Истина, — настаивает Плеханов, — есть именно согласие между суждением и его объектом». Плеханов правильно возражает против субъективизма в понимании истины и требует согласия суждения с действительностью, а не субъектом. Но он сам же скатывается к субъективистическому толкованию истины, когда видит это согласие с действительностью только в суждении, а не в чувственном опыте.

«Данный человек, — пишет Плеханов, — кажется мне бледным. Верно ли это? Не в этом вопрос. Раз данный человек кажется мне бледным, то тут и спорить нечего. Он неоспоримо кажется мне таким. Иное дело, когда я на этом основании высказываю суждение: «Этот человек болен». Оно может быть истинным, а может быть и ложным. В каком случае оно истинно? В том случае, когда мое суждение соответствует действительному состоянию данного человека. В каком случае оно ложно? Это ясно само собой: в том случае, когда нет согласия между действительным состоянием этого человека и моим суждением о нем»²⁹. Здесь без сомнения Плеханов платит дань субъективизму, ибо он игнорирует роль ощущений в познании. Откуда идет этот разрыв между ощущением и мыслью? Он идет от Канта и Гегеля, который в оценке чувственного опыта шел за Кантом.

* Ленин, т. XI, гл. VI, § IV.

²⁸ XII Ленинский сборник*, с. 115.

²⁹ Плеханов, Собр. соч., т. XVII, с. 161.

«Сторонник диалектики Гегель, — пишет Ленин, — не сумел понять диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно». «Диалектичен, — продолжает Ленин, — не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли»⁸⁰.

Последние слова не в бровь, а в глаз попадают также и Плеханову. Сторонник диалектического материализма, Плеханов также не сумел понять в данном случае диалектического перехода от ощущения к мысли.

Как же Ленин относится к роли чувственного опыта? Если он Гегеля старался читать материалистически, то Фейербаха он старается читать диалектически. Только материалистическое понимание дает возможность видеть диалектический переход от ощущения к мысли. Ленин поэтому одобрительно подчеркивает те места у Фейербаха, где последний говорит об истинности чувственного опыта. «Чувственность — первое, — замечает Ленин, — само по себе существующее и истинное»⁸¹. Он считает правильным взгляд Фейербаха («прелестно сказано»), что лишь в голове имеется разрыв и противоречие между бытием и мышлением, тогда как в действительности это противоречие давно уже разрешено⁸².

В этой аудитории конечно нечего распространяться о том, какое громадное значение Ленин придавал же только ощущениям, но и понятиям и научным абстракциям, которые по его мнению «отражают природу глубже, вернее, полнее»⁸³. Тем не менее, чтобы прийти к ним, нужно исходить из чувственного опыта, ибо в нем уже заложены основания для мышления, в самом ощущении имеются зачатки формирования понятий. Имеются чувства тождественности, одинаковости и различия, и следовательно закон тождества как закон мышления уже опирается на истинность чувственного созерцания⁸⁴. Отдельные ощущения могут быть конечно обманчивы, иллюзорны, но чувственный опыт в целом не может обмануть. Такова твердая, последовательно материалистическая ленинская позиция.

Если сопоставить с этими высказываниями Ленина идеалистические шатания Плеханова по вопросу о роли ощущений в познании, то сразу бросается в глаза яркое различие между теорией познания Ленина и Плеханова вообще и различие в их взглядах на Фейербаха в частности.

С идеализацией фейербаховского материализма связан и антиисторизм в теории познания Плеханова. Возьмем хотя бы проблему единства субъекта и объекта. Для него эта проблема одинаково разрешается у Спинозы, у Фейербаха и в современном диалектическом материализме. Прошлая дискуссия о Спинозе, благодаря ошибкам механистов, сводивших субстанцию Спинозы к причинности и тем самым тащивших его в лагерь идеализма, смазывала вопрос о метафизическом характере спинозовского материализма. Нужно было руководствоваться указаниями Маркса, что спинозовская субстанция есть метафизически переодетая природа. Идеализация Плехановым,

⁸⁰ „XII Ленинский сборник“ с. 235.

⁸¹ Там же, с. 98.

⁸² Там же, с. 117.

⁸³ „IX Ленинский сборник“, с. 183.

⁸⁴ „XII Ленинский сборник“ с. 139.

а за ним и деборинской группой Спинозы, как и Фейербаха, обнаруживает кроме щедрости в раздаче патентов на диалектический материализм антиисторизм в понимании основных вопросов теории познания. Доклад т. Кучерова поднял новую важную проблему, которая упирается в ряд основных для философского поворота вопросов. Но я считаю, что критика Плеханова со стороны отдельных товарищей была «суздальской» критикой. Она не поможет, а скорее повредит нужной и необходимой критике Плеханова. Суть дела не в том, чтобы огульно обвинить Плеханова. Для нас без сомнения обязательно считаться со словами Ленина, дающего высокую оценку произведениям Плеханова, несмотря на целый ряд допущенных последним грубых ошибок. Но это именно означает, что мы должны брать Плеханова не в идеализированной редакции философского руководства, а в исправленном виде, исходя из ленинских указаний. Нужно сказать, что критика Плеханова, с другой стороны, неправильно воспринимается некоторыми обывателями от философии, будто бы задуман какой-то «поход» против Плеханова и его третьируют как «мертвую собаку». Я думаю, что этим смазывается объективный смысл критики Плеханова. Если некоторые думают, что высокая оценка Ленина как философа требует умаления Плеханова, то это сущие пустяки. С точки зрения теории относительности, идеалистически понятой, это может так показаться. Но все дело в том, что мы должны изучать философию Плеханова в критическом освещении Ленина и ленинизма, который поднимает материалистическую диалектику в ее конкретизации на высшую историческую ступень развития.

Заключительное слово т. Кучерова

Подытоживая прения, можно сказать, что основные точки зрения доклада большинством выступавших были признаны правильными. Объясняя ошибки Плеханова характерными особенностями меньшевистской политики, я пытался показать, что имеющие место в его философских работах антиисторизм, формализм и субъективистические ошибки отражают меньшевистскую тактику и меньшевистскую политическую методологию.

В этой связи необходимо рассматривать вопрос, которому здесь уделяли много внимания — об отношении Плеханова к Фейербаху. Апологетическое отношение Плеханова к Фейербаху не является результатом простой преемственности определенной совокупности идей от Чернышевского. Тов. Дитякин был совершенно прав, подчеркивая это. Наличие натурализма в философских воззрениях Плеханова является отражением антиисторизма политической методологии меньшевизма. Плеханов-меньшевик, пересматривая свои философские взгляды, изложенные в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», обращается к антиисторизму Фейербаха, а не к антиисторизму какой-либо иной философской школы, по той причине, что философия Фейербаха была близка еще Плеханову-народнику (главным образом через Чернышевского). Фейербахианство, отсутствующее в работах Плеханова-революционного марксиста, реставрируется Плехановым-меньшевиком. Тов. Ческис глубоко ошибается, полагая, что раз элементы феьербахианства не проявились в таких работах Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического

взгляда на историю», то вообще нельзя говорить о феербахианстве Плеханова. Точка зрения т. Ческиса игнорирует социально-исторический подход к Плеханову-политику и философу. Вместо того, чтобы объяснять воззрения Плеханова, исходя из общественно-политической борьбы, т. Ческис предпочитает ограничиваться рассмотрением философских текстов Плеханова. Между тем марксизм отвергает абстрактную, оторванную от социально-исторического процесса логическую филиацию идей.

Здесь много говорили о преимуществах Плеханова над Фейербахом. Но доказывать это — значит ломиться в открытую дверь. К тому же не следует обосновывать эти преимущества Плеханова так, как это пытался делать т. Бобровников, по мнению которого Плеханов выгодно отличается от Фейербаха тем, что он применяет свои философские взгляды к политике. Ведь существо дела заключается в том, какие философские взгляды применяются в какой политике. Разве Фейербах по-своему не применял своих взглядов к определенной политике, разве взгляды этого мелкобуржуазного радикала не становились определенным политическим лозунгом? Меньшевизм последних философских работ Плеханова вскрывает перед нами вместе с определенной политикой и определенную философию.

Вместо общих рассуждений о преимуществах Плеханова над Фейербахом следовало бы разобрать, как проявляется апологетическое отношение Плеханова к Фейербаху в ряде его работ по историческому материализму. Плеханов дает неправильное разрешение вопроса о влиянии географической среды на процесс развития общества, принося определенную антиисторическую точку зрения в исторический материализм, игнорирующую внутренние противоречия общественного развития. Примат географической среды над общественно-историческим процессом непосредственно связан с антропологическим пониманием проблемы субъекта и объекта. Именно для Фейербаха единственно существующей формой объекта была географическая естественная среда.

В докладе указывалось, что антиисторическая точка зрения Плеханова в теории познания не могла предохранить его от субъективно-идеалистических ошибок иероглифической теории. Однако совершенно неправ т. Бобровников, пытавшийся непосредственно вывести из феербахианских и вульгарно материалистических уклонов Плеханова кантианскую теорию иероглифов. Материализм Фейербаха и французских материалистов остается материализмом, несмотря на свою ограниченность. Нельзя в одну кучу смешивать метафизический материализм с его попыткой антиисторического решения вопросов теории познания, агностицизм и кантианство. Ленин в замечаниях на книгу Деборина «Введение в философию диалектического материализма» отмечает вздорность такого рода теоретических экскурсов.

У некоторых товарищей наметилась тенденция огульного отрицания философских заслуг Плеханова. Этой опасности (выраженной в частности т. Новиковым в его геростратовски знаменитой статье в № 7—8 «Под знаменем марксизма») нужно дать решительный отпор. Другую опасность представляет собой попытка во что бы то ни стало оправдать Плеханова. Известно, что философское руководство смазывало ошибки Плеханова, тормозило их критику. В своем выступ-

лении т. Ческис пытался оправдать ряд ошибок Плеханова, прикрываясь общими критическими замечаниями о Плеханове. Тов. Ческис упрекнул меня в «не эволюционном» подходе к Плеханову. В чем же по его мнению заключается эволюционный подход? Плеханову, говорит т. Ческис, приходилось бороться с идеализмом: поэтому он противопоставлял идеалистам Фейербаха и Спинозу. Исходя из отвлеченно понятой эволюции Плеханова, т. Ческис пытается оправдать апологетическое отношение Плеханова к метафизическому материализму. Такой же подход к Плеханову имеет место у т. Карева. В своей рецензии на «IX Ленинский сборник» Карев объяснял отсутствие у Плеханова методологического понимания диалектики необходимостью борьбы Плеханова с идеализмом. Такое объяснение в корне неправильно. Маркс, Энгельс и Ленин боролись с идеализмом лучше и успешнее, чем Плеханов. Тт. Ческис и Карев подходят к Плеханову формально, с точки зрения одной лишь философской эволюции. Между тем некритическое отношение Плеханова к Фейербаху и другим буржуазным мыслителям коренится в меньшевистской политической тактике, в особенностях оппортунистического мышления.

Меньшевистская идеология стушевляет коренное различие между буржуазной и пролетарской идеологией. В либерально-меньшевистской оценке истории философии исчезают грани между марксистской диалектикой и диалектикой Гегеля, между Марксом и Фейербахом, между марксизмом и спинозизмом. Обусловленные меньшевистской тактикой философские ошибки Плеханова воспроизводятся формалистско-идеалистической и механистической ревизией марксизма. Конечно нельзя рассматривать в целом Плеханова как механиста или формалиста. Механицизм и формализм берут у Плеханова его худшие стороны.

Либерально-меньшевистский подход к буржуазным мыслителям составляет характерную особенность деборинской школы. Систематические попытки смазать различие между марксизмом и буржуазной философией перешли к деборинской школе от Плеханова-меньшевика. Плеханов полагал, что «на точку зрения спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс» (т. XVIII, с. 189). Следуя Плеханову, Деборин полагает, что «марксизм — продолжение феербахианства», что «время Фейербаха еще придет». Стирая грани между буржуазной и пролетарской идеологией, реставрируя Гегеля под покровом марксистской фразы, Деборин утверждает, что Гегель дал «всисчерпывающую, реальную картину всех форм движения». Мы знаем, что меньшевизм эпохи Плеханова характеризуется либеральным отношением к буржуазным партиям, стремлением сгладить противоречие между буржуазией и пролетариатом в политике и идеологии. Это стремление проявилось также и в вопросах философии.

Отрыв философии от политики у Деборина и его сторонников нельзя объяснять просто тем, что вот мол сидели люди в кабинете и затеоретизировались. Отрыв этот коренится в самом понимании как философии, так и политики. Возьмите тот ящик категорий, который вырабатывался так называемым философским руководством. Категории эти брались безжизненно, схематично, формально, от случая к случаю иллюстрировались тем или иным примером, а если пример не

подходил, то тем хуже для примера. Ясно, что с таким пониманием диалектики поворачиваться к конкретной действительности невозможно.

Можно ли с антропологическим пониманием субъекта и объекта повернуться к изучению конкретных форм практики труда в период строительства социализма? Конечно нет. У Плеханова и у Деборина получается разрыв между логическим и историческим. Логика рассматривается Дебориным вне конкретных процессов социальной истории, а практика понимается главным образом по Фейербаху, а не по Марксу. Поэтому логика превращается в пустую схему, а теория познания становится отвлеченной догмой. Между тем вопрос о связи между логикой и практикой имеет решающее значение для диалектического материализма.

Вспомните, что говорил Ленин, когда ставил основную проблему в диалектической логике — проблему мышления и бытия. «Если рассматривать,— писал Ленин,— отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия конкретного субъекта (жизнь человека) в объективной обстановке»³⁵.

Тов. Милонов говорил здесь о том, что имеется различие между соотношением мышления и бытия и отношением субъекта к объекту. Различие конечно имеется, потому что субъект не есть только мышление, но представляет собою определенное социально-историческое существо, наделенное целым рядом достоинств физического порядка. Но разве в этом суть вопроса? Суть дела в установлении связи между теорией познания и конкретным субъектом, находящимся в живой действительности. Критика всякого идеализма Марксом, Энгельсом и Лениным велась на почве правильного разрешения вопроса об отношении мышления к бытию, основного вопроса философии. В этом был прав т. Милонов. Но он не учел того, что перед тем, как подойти к проблеме мышления и бытия в логике, мы должны вскрыть соотношение мышления и бытия в практике.

В практике устанавливается конкретное единство субъекта и объекта. Только на почве практики и возможно теоретико-познавательное разрешение проблемы субъекта и объекта. При этом практика всегда есть практика той или другой определенной общественной формации: практика античного мира, практика феодального общества, капиталистическая практика, практика переходного периода, периода строительства социализма и социалистического общества.

Особенное значение при разработке проблемы теории познания приобретает проблема практики в эпоху строительства социализма. Здесь впервые отношение субъекта к объекту в практике выступает в неизвращенной форме. Здесь впервые складывается возможность непосредственного отношения субъекта к объекту, устраняется вся совокупность социальных извращений, имевших место при капитализме в самом процессе труда. Устраняется весь объективный фетишизм предшествующих эпох. Тот труд, который растет у нас в различных формах социалистического соревнования, в ударных бригадах, в бригадах-коммунах, является, употребляя характеристику Маркса, «подлинным трудом». Коммунистическому труду Маркс дает

теоретико-познавательную характеристику «истинный труд». Это чрезвычайно интересно и чрезвычайно важно. Необходимо всесторонне разработать это учение Маркса о «подлинном труде».

В нашей теории познания, в диалектической методологии, отношение мышления к бытию свободно от всякого извращения. Диалектикой устраняется извращенная фетишистская форма предшествующих теорий познания, которые имели место в буржуазном обществе. В нашей методологии проблема субъекта и объекта впервые выступает в ее истинном виде. Это истинное отношение мышления к бытию связано с той истинной формой, какую получает субъект, общественный человек, в социалистическом соревновании, в коммунистическом труде. Здесь устраняются все препятствия к тому, чтобы переход «деятельности в предмет» (Маркс) был в то же время переходом «предмета в деятельность» (Маркс); устраняются препятствия к тому чтобы «опредмечивание» (Маркс) становилось «распредмечиванием» (Маркс). Для диалектической логики это имеет чрезвычайно важное значение.

Меньшевистствующий идеализм игнорирует тот факт, что Маркс, прежде чем фазвернуть свой метод в «Капитале» и целом ряде других произведений, ставил перед собою задачу рассмотреть существо коммунистического труда, который он уже тогда мог предвидеть и свидетелями которого мы являемся в настоящее время.

Единство между практикой и диалектической логикой на конкретной почве социалистического строительства — вот что должно быть нашим руководящим принципом. Необходимо разработать все сказанное по этому вопросу Лениным и Сталиным. Для меньшевистствующего идеализма разработка материалистической диалектики — это одно дело, а социалистическая практика — это дело другое. Мы же считаем, что нельзя разрешить проблему мышления и бытия в диалектической логике, не изучая соотношения субъекта и объекта в конкретных формах социалистической практики. Это должно быть исходным пунктом в нашей работе, и именно такая постановка вырастает как результат преодоления философских ошибок Плеханова и как результат борьбы с меньшевистствующим идеализмом. Тот, кто ограничивает поворот одним только историческим материализмом, в корне неправ. Поворот должен быть сделан также и в области теории познания, в области методологии, в области диалектической логики в целом. Теория познания должна быть обращена лицом к социалистическому строительству. Из новых форм, складывающихся в нашем обществе, мы должны суметь внести нечто новое и в теорию познания диалектического материализма.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД¹

Каково будет жилище при окончательно развернутом социализме, при полной победе коммунизма. Теперь очень трудно строить даже предположения на этот счет. С уверенностью можно сказать только две вещи. Во-первых, во всяком случае жилище не будет таким, как оно рекомендуется нам для ближайших лет в СССР даже самыми передовыми проектами, не исключая проекта президиума Комкадемии, где проектируется постройка по одной отдельной комнате на каждого жителя размером в 7 кв. метров и по одному умывальнику на пятнадцать человек.

Это помещение в 7 кв. метров на душу, объединенное с четырех сторон стенами, проект президиума Комкадемии весьма удачно — хотя непредумышленно — называет не комнатой, а ячейкой. Если принять во внимание размер человека, это конечно напоминает пчелиные соты и те ячейки, которые создают пчелы. А на одном умывальном кране для 15 душ лежит явная печать сдержанного отношения к воде, традиционного для нашей страны, уходящего корнями сразу и в глубь истории и в современное оборудование наших поселений водоснабжением.

Вообще — и в этом второе беглое замечание о жилищах будущего — фантазия не только нашей Комкадемии, но и мировых беллетристов — фантазеров по профессии — и других людей, которые пытались рисовать картину жилища при социалистическом строе, оказалась очень бедной. Их мечтания и предположения показывают, насколько фантазия людей обусловлена и привязана к той технике, которая в данное время существует. Возьмите даже таких утопистов-романистов с социальным налетом, как Уэллс и Бернар Шоу. Когда они рисуют картину будущего социализма, самое большее, до чего они доходят, это какой-нибудь громадный роскошно обставленный дворец, прочно стоящий на земле, из тяжелого солидного материала. Теперь мы живем в малых домах, будут большие дома. Теперь дома бедно обставленные — будут богато обставленные дворцы. Теперь дома с индивидуальными кухнями — будут дворцы, где все подается готовым на стол, приготовленным на общей кухне. Дальше такой фантазии, которая представляет собой просто увеличенную, улучшенную копию существующего дома, дальше этого не идет фантазия и утопистов, авторов всевозможных романов из жизни будущего. Между тем само собой понятно, что новым условиям производства, новой технике, новым отношениям, какие сложатся тогда, несомненно будет соответствовать и новый тип жилья.

Дом будущего во всяком случае не будет таким домом, как он есть сейчас, и не будет простым увеличенным в масштабе повторением, вроде большого дворца Уэллса, он будет тем, чего мы еще не знаем, о чем рано судить. Может быть в соответствии с новой техникой дом

¹ Доклад Ю. Ларина в Комкадемии 3 декабря 1930 г.

будет передвижным. При коммунизме будет единство физического и умственного труда, исчезает противоположность города и деревни, одни и те же люди будут по очереди работать в сельском хозяйстве и в промышленных предприятиях, расположенных может быть даже далеко от тех полей, где они будут работать, когда будут заняты в сельском хозяйстве. В технике передвижений, когда массовое распространение получают аэропланы, аэровелосипеды и т. п. вещи, произойдут перемены, последствия которых полностью еще не учтены и даже не выявлены. Уже сейчас создаются в странах передовой техники попытки создания новых самых оригинальных домов, которые может быть являться некоторым прообразом одного из типов будущего. Имея в виду например проекты летучих домов в Соединенных штатах Северной Америки, которые сейчас конечно доступны только для очень богатых людей. В журнале «Наука и техника» опубликованы проекты и чертежи американского летучего дома, снабженного чем-то вроде небольшого дирижабля, к которому он подвешен, построенного из очень легкого материала и притыкающегося (пришвартовывающегося) к земле в любом месте. Хочу.— живу в деревне для работы в сельском хозяйстве, завтра перелечу за сто верст на фабрику и т. д., завожу мотор летучего дома и улетаю, куда нужно. В этом проекте можно видеть в нынешних условиях крайнее выражение индивидуалистической установки: человек, как улитка, носящая свою ракушку, также хочет таскать свое жилище всюду с собой. Может быть это широко и не разовьется, а может быть в условиях общего коллективного строя жизни и ее коллективного бытового обслуживания потеряет свой одиозный характер и станет добавлением к стабильному жилищу, или даже его заменой. Если можно с удобством жить в больших океанских пароходах, то нет причин, почему бы даже целому коллективу не жить на большом воздушном корабле.

Или возьмите другой тип жилища уже не только в проектах, а и в практике широко развивающийся на основе новой техники. В той же самой Америке, отчасти и в других более богатых странах, довольно широко распространено уже проведение летнего отпуска в крупных автомобилях, приспособленных для жилья. В Соединенных штатах Северной Америки нередко целая семья (даже квалифицированного рабочего, не только буржуазной интеллигенции) садится в большой автомобиль, где есть спальные принадлежности и кухонные приспособления, и путешествует по стране, живет где угодно². Может быть такая система передвижных домов тоже получит большое распространение повсюду. Одним словом сейчас можно сказать только одно: поскольку вся техника будет не такая, как теперь, трудно думать, что дома навеки останутся такими неподвижными, стабильными созданиями, какими являются сейчас.

Несомненно также, что дома будущего будут не из такого материала, из какого мы сейчас их строим. Ведь это почти первобытное варварство строить дома из дерева, которое годится людям на

² Журнал Автотора „За рулем“ сообщил недавно, что через Сахару установлены правильные постоянные пассажирские рейсы в автобусах, продолжающиеся несколько дней. В каждом автобусе 3 служащих и 8 пассажиров, причем каждый обеспечен удобной кроватью (все кровати в один ярус), автобус снабжен умывальниками и т. д.

более разумное употребление, как основа широкого развития химической промышленности в срубленном виде, как незаменимый источник здоровья в живом виде. Теперь дерево беспощадно истребляется для сжигания в качестве топлива и для постройки домов. Несомненно техника людей, человеческая мысль найдет гораздо более пригодный, более дешевый и более отвечающий своему назначению материал. То же самое в еще большей мере относится к такой неуклюжей вещи, как подражание древним пещерам каменного века. В конце концов нынешние каменные дома — это не что иное, как улучшенное издание той пещеры в каких-нибудь скалистых горах, где некогда жил человек и скрывался от диких зверей. Это тот же или подобный камень, но лучше обтесанный и прилаженный, приведенный в некоторый порядок. Когда мы перейдем от использования тех естественных материалов, какие сейчас применяются для строительства, к созданию более целесообразного материала, к некоторой рационализации, несомненно и каменные дома будут заменены какими-то более разумными. Поиски в этом отношении уже идут и теперь во всевозможных направлениях и дают частичное разрешение основной задачи. В будущем этот успех будет достигнут вполне.

Следовательно об этой задаче в жилищном строительстве при социализме теперь говорить не приходится, потому что для решения этого вопроса еще недостаточно созрели производственные условия¹. Но они уже достаточно созрели для того, чтобы заранее отвергнуть, как несостоятельные, те предложения, те проектировки домов при социализме, которые мы знаем как из мечтаний современных авторов, так и из утопий романистов. Не отрываясь от наших условий производства, сейчас можно очевидно реально говорить лишь о том втором этапе развития, какой СССР переживает после окончания гражданской войны.

Первый период после войны был, как известно, периодом преимущественно восстановления хозяйства в условиях пролетарской диктатуры. Второй период, так называемый период реконструктивный, это период преобразования, период начинающегося социализма. Этот второй период имеет ряд таких особенностей, которые дают полное право поставить на очередь пересмотр, переоценку некоторых существенных сторон понимания жилищного вопроса, вопроса и о жилищном строительстве и о назначении и функциях самого жилища.

Каковы в этом отношении основные отличия второго периода, нынешнего реконструктивного периода от восстановительного? В период восстановительный вопросы, которые стояли перед жилищным хозяйством, были очень просты. В основном это были вопросы, связанные с жилплощадью: как ее распределять, как сохранять существующую жилплощадь и по возможности ее увеличить. Вся работа, весь подход к жилищному делу обычно исчерпывались этими вопросами. Отсюда вытекали определенные особенности восстано-

¹ Уже теперь можно предвидеть высокую степень механизации коллективного домашнего хозяйства. Кухонные изобретения Гогоберидзе в Тифлисе, сконструированный в Харькове конвейер для автоматической подачи пищи из кухни на все столы столовой и автоматической доставки посуды обратно в кухню и т. п. — все это только первые начальные ответы техники на растущую потребность коллективного бытового хозяйства в механизации.

вительного периода в жилищном деле, например почти полное невнимание к вопросам быта и к его коллективному обслуживанию. Как ни было у нас организовано жилищное хозяйство в восстановительный период, в форме ли кооперации, в форме ли управления органами совета, или в какой-нибудь промежуточной форме, всегда оно сводилось к тому, чтобы заботиться почти только о распределении жилплощади, об ее сохранении и увеличении, а не о новой коллективной организации быта живущих в этих жилищах людей. Строительная кооперация обычно объективно выполняла в основном только роль подрядчика по отношению к своему пайщику: тот вносил деньги, она строила квартиру. Арендная кооперация в свою очередь обычно ограничивалась ролью домовладельца, который собирает квартирную плату и затем следит, чтобы на лестнице горел фонарь и чтобы был во дворе дворник, убирающий его. Таков же был фактически подход и при других системах управления домовым хозяйством — никакой массовой организации социалистического быта не было. Такова была практика восстановительного периода. Классовая линия пролетариата сказывалась лишь в перераспределении площади и в системе квартиры, да в социальном составе лиц, управлявших домами.

Такой же особенностью восстановительного периода было отношение к частному предпринимательскому строительству, льготы частному строительству, всемерное заманивание частных, чтобы они возможно более строили, даже предоставление им права брать произвольного размера квартирную плату, не стесняться нормами площади и других прав, которые теперь кажутся смешными в применении к нэпману. Теперь даже такие формы, как общегражданская строительная кооперация, фактически сняты практикой с очереди, отжили, а еще несколько лет назад мы издали специальный закон о вовлечении частного буржуазного капитала в строительство, как бы говоря нэпману: мы тебя вытеснили из крупной и средней торговли, строй дома, от их сдачи внаймы разрешаем получать нетрудовой доход, лишь бы были еще дома. В условиях восстановительного периода этот расчет имел смысл. В условиях реконструктивного периода, когда буржуазный капитал осужден на полное уничтожение, расчеты на вложения частного капитала в строительство были бы смешны.

Теперь в частном порядке имеет место только постройка некоторыми рабочими и мелким трудовым людом небольших хибарок чисто потребительского характера на окраинах городов. Да и она все больше уступает место кооперативной.

Из тех же особенностей восстановительного периода, из того, что задача сводилась в основном только к распределению, сохранению и некоторому увеличению площади, из этого вытекало также фактическое отсутствие центрального государственного руководства в управлении жилищным делом. Формально у нас разумеется существовал Наркомвнудел. В составе Наркомвнудела формально существовало Главное управление коммунальным хозяйством. Но всякому известно, что действительного инициативного государственного творческого руководства жилищным делом в восстановительный период у нас не было. Все дело сводилось почти только к вопросам площади. Отсюда вытекал целый ряд других особенностей, более

мелкого характера, на которых специально останавливаться не стоит.

Что новое во всех этих отношениях вносит второй реконструктивный период и что вытекает из этого нового? В дополнение к задачам восстановительного периода, т. е. к задаче распределения, сохранения и увеличения площади, он вносит еще два момента. Во-первых, жилищное дело и жилищное хозяйство должны в плановом порядке служить интересам индустриализации страны и социалистической перестройки сельского хозяйства. Второй момент — социалистическая перестройка быта стала необходимым элементом для выполнения промфинпланов, для обеспечения более быстрых темпов развертывания хозяйства в дальнейшем. Вот то усложнение задач, которое принесено в жилищное дело реконструктивным периодом. Об этом усложнении я говорил уже в февральском 1930 г. докладе в Комакадемии, который издан под названием «Социалистическое строительство и коллективизация быта» (изд. «Прибой», 1930). Установки, дававшиеся тогда жизнью, в полной мере оправданы. Тогда, в феврале 1930 г., в этом докладе было указано, что фактически в ближайшие два года, в 1931 и 1932, понадобится вовлечь в производство, транспорт, торговлю, учреждения и другие отрасли хозяйства еще около 4 млн. наемных рабочих и служащих. Тогда это казалось сильным преувеличением, и были даже возражения, ибо в то время существовала еще намет., устанавливавшая рост наемной силы примерно только в полмиллиона человек на 1931 г. Но с тех пор прошло около 10 месяцев, и положение стало ясным для всех. Опубликовано уже не так давно постановление ЦК о том, что в 1931 г. должно прибавиться 1 300 тыс. квалифицированных рабочих, и по данным Наркомтруда еще должно прибавиться около 700 тыс. неквалифицированных рабочих. Итого около двух миллионов человек за один 1931 г. Значит за два предстоящих года прирост составит не менее тех 4 млн., которые намечал февральский доклад. Далее доклад указывал, что если размер вовлечения новой рабочей силы достигнет таких пределов, то обязательным станет такое широкое вовлечение неработающих сейчас женщин, которое неизбежно поставит на очередь задачу коллективного обслуживания быта. Тогда в ответ говорили опять-таки, что это преувеличенный расчет, фантазия, что мы конечно дойдем до сплошного вовлечения женщин и до коллективного обслуживания быта, но лишь в течение длинного ряда лет, чуть не в следующем поколении победит коллективная кухня. А теперь прошло 9 месяцев, и уже есть разверстка, данная Наркомтрудом, на вовлечение в один только 1931 г. примерно 900 тыс. женщин по СССР в наемный труд. На днях я читал в «Ленинградской бытовой газете», что на один Ленинград с Ленинградской областью дана «разверстка на 200 тыс. жен рабочих и служащих», таких жен рабочих и служащих, которые раньше не занимались работой по найму и которые в течение предстоящего года должны ею заняться, чтобы хозяйство Ленинградской области смогло выполнить те задания, которые на него ложатся в 1931 г. Вот это увеличение рабочей силы и в частности крупное добавочное вовлечение женщин в производство и службу делает совершенно неизбежной социалистическую перестройку быта.

Что вытекает из перехода к реконструктивному периоду? Что вытекает из того, что прежняя задача распределения, сохранения и увеличения площади дополнилась еще двумя новыми задачами — задачей служения индустриализации и задачей перестройки быта на коллективных началах? Из этого вытекают по меньшей мере 6 вещей:

1. Организация нашего жилища как звена производственного процесса, новый подход к жилищу, поворот жилища лицом к производству со всеми вытекающими из этого последствиями.

2. Приведение жилищного дела в непосредственную связь с интересами индустриализации и социалистической перестройки деревни.

3. Связанное со всем этим устранение из жилищного законодательства пережитков досоветских форм и ставших помехой положений, которые были полезны в восстановительный период, но в настоящее время являются ненужными.

4. Из новых задач вытекает другой подход к новому строительству сравнительно с тем, какой у нас был до настоящего времени, притом не только в смысле новых материалов или в смысле удешевления.

5. Новая организация государственного руководства жилищным делом и его финансирования, вытекающая из новых задач, из новых изменившихся условий.

6. Использование скрытых ресурсов жилищного дела, которые могут быть обнаружены и выявлены в связи с новыми задачами и условиями и в связи с другой организацией жилищного дела.

К первому вопросу — о повороте жилища лицом к производству — мы наиболее подготовлены, ибо он стоит в связи с довольно широко обсуждавшимся в печати и на собраниях вопросом о коллективном обслуживании быта в связи с необходимостью вовлечения женщин в производство. Известно, как вообще отражается на нашем плане например такой вопрос, как правильная организация общественного питания. Есть уже решение правительственных органов, опубликованное в газетах, о вовлечении не менее 50% рабочего населения крупных центров (а затем и больше) в общественное питание уже за ближайший год. Есть решение о широком вовлечении женщин в производство, откуда вытекает чрезвычайно широкое развертывание ясельного дела. Сейчас например по всей РСФСР имеется детских яслей только на 59 тыс. коек. Уже на 1931 г. органами правительства проектируется довести это количество почти до 200 тыс., а в тех проектах, которые разработаны Госпланом и Комкадемией и вносятся на рассмотрение правительства, предвидится обеспечение яслями 100%-ной потребности того женского населения, которое будет втянуто в работу по найму. Параллельно поставлены вопросы о широкой организации в домах ликбеза силами культурармейцев, чтобы дать производству более культурных трудящихся; о сплошной радиодиффузии за остаток пятилетки рабочих жилищ, что повысит общественную и техническую подготовку рабочих; о развитии при домах спортивных площадок, облегчающих повышение трудоспособности укреплением здоровья; о создании при домах закрытых распределителей, устраняющих растрату трудящимися энергии и времени, нужных для производства, и т. д.

Превращение жилища из такого места, которое находилось всецело в частном управлении живущего в нем человека и не имело отношения к производству, превращение жилища в своего рода дополнение к производству (в «жилищный цех») делается неизбежным в силу тех требований, какие новая организация производства предъявляет к организации жилища. Прежняя организация производства была основана, во-первых, на чрезвычайно неполном использовании работоспособного населения. В дореволюционный период, если взять всю сумму рабочих и служащих вместе, то по меньшей мере на три четверти, а вероятно даже больше господствовала такая система, при которой муж работал, а жена была домашней хозяйкой, т. е. использование работоспособной силы было, примерно, только наполовину. Во-вторых, если взять всю совокупность дореволюционных учреждений и предприятий, то в подавляющем большинстве случаев работа производилась в одну смену. Это было системой для четырех пятых или более всех учреждений и предприятий. Это означало, что в большую часть суток, во вторую половину дня люди могли устраивать свою домашнюю жизнь вне всякого учета того, что требует производство. Потому что производство, учеба и служба требовали обычно всех людей одновременно только на определенный промежуток дня, на первую его половину, а затем в них больше не нуждались. Из этого вытекала несвязанность жилища с условиями производства, и это было основой того индивидуалистического типа жилищ и быта, который тогда господствовал.

При диктатуре пролетариата, при внесении ею целого ряда изменений в структуру общественных отношений, происходит изменение и самого типа организации производственного и служебного процесса. Во-первых, мы выдвигаем лозунг о полном использовании работоспособных сил страны. Для того, чтобы догнать и перегнать буржуазные страны, прежде всего мы должны дать большее количество труда, большее количество работников. Для этого нужно мобилизовать на работу не работавшую до сих пор в производстве часть взрослого населения, т. е. гораздо шире вовлечь женщин. Во-вторых, чтобы догнать и обогнать ушедшие дальше буржуазные страны, мы должны наиболее полно использовать оборудование, помещения и т. п. Из этого вытекает перевод всех занятий и промышленных и учебных и служебных на многосменность и непрерывность.

Но раз мы переходим к такому порядку, когда все работоспособное население будет работать и работа будет строиться так, что один будет работать утром, другой вечером, третий ночью, то эта разновременность делает невозможной прежнюю индивидуальную организацию домашнего хозяйства. Новый производственный, служебный и учебный распорядок требует такой организации домашнего хозяйства, чтобы люди могли ходить на фабрику, в школу, на службу в то время, когда это необходимо по условиям фабрики или школы или службы, хотя у отдельных членов семьи эти промежутки времени могут не совпадать. Следовательно, условия быта и жилищ должны быть приурочены к требованиям производства и службы, к тому, чтобы люди одной

семьи могли являться в разные промежутки времени для работы, для службы, для учобы в определенную смену. Это значит, что для семьи упраздняется возможность одновременного обеда всех членов, возможность ухода за детьми силами самой семьи в те промежутки дня, когда это для детей требуется, и т. п. Если не создать иную возможность удовлетворения этих потребностей, то нельзя организовать производства на началах использования всех работоспособных, притом в порядке разномысленности и непрерывки. Потому вопрос о наших жилищах, общественных столовых, яслях и т. п. перестает быть одним только вопросом улучшения быта живущего там населения, а превращается еще в основное условие производственной работы на фабриках и заводах, учобы на рабфаках и службы в учреждениях.

Вот почему организация коллективного обслуживания основных сторон быта в наших жилищах (питание, уход за детьми) является теперь неизбежным требованием производства. А это означает превращение старого жилища в такую совокупность условий с созданием такой формы жилищного быта, где имеет значение не только наличие жилищной площади, но и организация на этой жилплощади такой жизни, которая давала бы возможность выполнять наши промфинпланы, учебные и служебные планы. Управление домами должно превратиться из управления площадью в управление бытом, в обеспечение жителям этих домов таких условий, чтобы они могли спокойно и правильно выполнять свою производственную, учебную и служебную работу в той очередности и разновременности, каких эта работа теперь требует.

Из этого изменения типа жилищного хозяйства вытекает необходимость объединения различных форм жилищного заведывания, которые у нас были до сих пор. Возьмите например жилищную кооперацию. Она раньше резко распадалась на две отрасли: жилищно-строительную и жилищно-арендную. Жилищно-арендная заведывала существующей площадью, жилищно-строительная строила новую площадь. Такое разделение никого не удивляло и было правильным, потому что основным моментом, который лежал до сих пор в основе деятельности кооперации как традиция и наследие восстановительного периода, была площадь. По признаку отношения к этой площади кооперация делилась на две части: одна строила новую, другая эксплуатировала существующую, получая ее у горсоветов и хозорганов. Совершенно другое получается, когда главной задачей кооперации во все большей мере будет делаться приспособление быта живущих в домах людей к требованиям производства, учобы и службы. При этих условиях центральной в деятельности кооперации будет забота о коллективном обслуживании быта, о приспособлении к требованиям производства, службы и учобы. А забота о сохранении площади и ее увеличении войдет как одна из составных частей в эту основную работу. Это значит, что в основном деятельность и строительной и арендной кооперации будет заполнена одним и тем же — заботами об организации быта. Вот объективная почва для того, чтобы из двух ветвей кооперации, из строительной и арендной, сложился один тип кооперации — кооперация как орган, ведающий поворотом жилища лицом к производству.

Моменты разделяющие отступают на задний план, создается и бу-

дет все более господствовать момент объединяющий. Такое изменение выросло и из других условий. Ведь у строительной кооперации все больше оказывается домов уже построенных, которыми она должна управлять. Уже сейчас в домах строительной кооперации живет несколько сот тысяч человек рабочего и служащего населения, и с каждым годом это количество все более увеличивается. Значит, строительная кооперация все в большей мере становится перед задачами эксплуатации существующих домов. С другой стороны, арендная кооперация стоит перед задачей надстройки этажей, перепланировки квартир для того, чтобы лучше использовать жилищную площадь имеющихся домов. Перепланировка, внутренние переделки бывают необходимы, чтобы можно было там организовать общие столовые, ясли и всякие другие домашние коллективные учреждения без дорогой постройки для этого специальных зданий. Арендная кооперация стоит таким образом также перед целым рядом строительных задач. Таким образом постановка перед кооперацией в целом задачи приспособления быта в жилищах к требованиям производства, службы и учобы дополняется тем, что перед строительной кооперацией вырастают задачи эксплуатационные, а перед эксплуатационной (арендной) кооперацией вырастают задачи строительные. От функций подрядчика, банковского агента по сбору платежей и домовладельца к функциям организатора коллективного быта для приспособления домашнего жилищного хозяйства к требованиям производства — вот путь жилищной кооперации, предопределяющий единство ее типа. Из поворота жилища лицом к производству прежде всего и вытекает необходимость поставить на очередь сведение всех кооперативов к единому типу. Это — предпосылка слияния строительной и арендной кооперации в единую жилищную кооперацию. А из объединения типов кооперации в один (далее коснусь еще и домов некооперативных), из этого объединения типов заведывания домами в один, из этого слияния строительной и арендной кооперации вытекает минимум 9 практических следствий. Каковы эти следствия?

Во-первых, очевидно должно сделать фактом единство кооперативного билета для всех членов кооперации. Все равно как в потребительской кооперации члены ее от того, что он переселится с одной улицы на другую, из одного дома в другой, не выбывает из кооперации, а только переходит в кооператив своего района, точно так же и в жилкооперации сведение ее к единому типу делает возможным введение единого кооперативного билета, который был невозможен до тех пор, пока одни кооперативы были строительные, другие — арендные, и пока условия квартирной аренды, жилищные нормы и т. д. были одни в старых домах, другие в новых и т. д. Теперь каждый член кооператива, переселившийся в другой город, в другой район, автоматически будет иметь право переходить в соответствующий кооператив данного района или данного города с сохранением своей очереди и со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-вторых, сведение кооперации к единому типу неизбежно должно повлечь и единство всей кооперативной системы, построение единого центрального союза жилищной кооперации для всего СССР. Ни для кого не секрет, что в первые годы существования жилищной кооперации по различным союзным республикам имелись

совершенно различные установки. В одних она была преимущественно кооперацией чисто арендной, почти ничего не строила. Таковы например закавказские республики, республики Средней Азии, в значительной степени Белоруссия, где только в последнее время кооперативное строительство начинает развиваться. В других республиках, как Украина и РСФСР, одно время подчеркивалась более сторона строительная, в другое время в некоторых районах арендная сторона и т. д. Теперь наличие единой системы жилищкооперации на протяжении всего СССР необходимо будет и в силу единства кооперативного билета, в силу единства нормирования жилищного дела, которое тем самым ставится на очередь, и в силу единства кооперации по приспособлению быта к производству. Отсутствие этого единства кооперативной системы связано было до сих пор с целым рядом неудобств, с целым рядом разнбоев, которые меньше давали себя чувствовать, когда жилище было оторвано от производства, и которые гораздо больше будет давать себя чувствовать, когда жилище превратится в своего рода дополнение к производству, в жилищный цех производства, хотя расположенный территориально отдельно от него.

Третье следствие единства типа кооперативов — необходимость введения системы одинаковых паевых взносов. Сейчас фактически в арендных кооперативах уплачено паевых взносов только несколько более 10 руб., а в строительных кооперативах более 200 руб. на члена (кроме добавочных целевых взносов на оплату банковских ссуд и процентов по ним). Это неравенство пая (кроме целевых взносов) непонятно рабочему населению и ничем не может быть мотивировано. Между тем оно является одним из существенных моментов, удорожающих жизнь в новых домах, делающих их недостаточно доступными среднему рабочему. Пай должен быть ограничен вступительным взносом (равным примерно месячной квартплате). Соответственно уменьшится бремя для нынешних строительных кооперативов.

Само собой, что полноправными членами кооперации с решающим голосом должны будут при этом считаться все совершеннолетние члены семьи, а не один только «глава семьи», как сейчас. Ведь квартира ложится на совокупность семейного заработка за совокупность семейной жилплощади. Не к чему и сохранять у нас буржуазный институт «главы семьи», отстраняя этим от активного участия в заведении жизнью кооперативного дома всех жен рабочих и работающую совершеннолетнюю молодежь без всяких для этого оснований.

Вступительный взнос этот должен быть сделан одинаковым для всех прежних видов жилищкооперации.

Далее из нового типа организации жилищного хозяйства (с подчеркнутыми бытовыми задачами) вытекает четвертый практический результат — разукрупнение чрезмерных по величине кооперативов. В свое время укрупнение кооперативов было необходимым этапом на нашей дороге. Тут произошло нечто вроде того, что было с сельсоветами. Одно время был лозунг — укрупнение сельсоветов. Тогда режим экономии и необходимость обеспечить сельсоветы руководящими кадрами при недостатке подготовленных элементов для этого диктовали нам: лучше некоторое временное неудобство для населения, лучше сельсовет, дальше отстоящий от части деревень, но зато на содержание которого государство хоть что-нибудь может дать, чтобы он не принужден был существовать взятками. Лучше меньше

сельсоветов, но чтобы можно было обеспечить их мало-мальски приличными работниками. Тогда был правильным лозунг об укрупнении сельсоветов. Так продолжалось ряд лет, за время которых, с одной стороны, укрепились материальные возможности и государства и местного бюджета, а с другой — подросли кадры. Мы прекратили политику укрупнения сельсоветов и провели некоторое их разукрупнение.

Для жилищной кооперации в связи с тем новым, что внесено реконструктивным периодом, выпячивание поворота жилища лицом к производству и с этой целью сосредоточение внимания на бытовых задачах делает невозможным укрупнение кооперации до тех пределов, как это до сих пор осуществлялось во многих местах. Дело дошло до организации кооперативов с десятками тысяч населения. Мы не можем сейчас создать для каждого кооператива такие столовые, где одновременно или в несколько смен обедало бы несколько десятков тысяч человек, не можем построить такие ясли, где несколько тысяч маленьких ребят орали бы одновременно, не говоря о том, что тогда нельзя было бы мимо проходить по улице. Чтобы справиться со встающими бытовыми задачами, неизбежно разукрупнить чрезмерно большие кооперативы, создать такие наиболее выгодные размеры кооперативов, при которых обслуживание быта при возможностях теперешней техники было бы осуществимо без громадных затрат на новое капитальное строительство. Пределы этих наиболее выгодных размеров кооператива будут конечно различны для разной техники обслуживания, которая в одном месте у нас может быть организована лучше и там могут быть кооперативы несколько более крупные (например большая фабрика-кухня, крупная коммунальная прачечная и т. д.), в другом месте эти кооперативы должны быть меньше.

Вообще если говорить об организации коллективного обслуживания быта в домах, об организации домовых яслей, домовых столовых и т. п. без затрат на капитальное строительство особых зданий, то необходимо опираться на самостоятельность населения каждой группы нескольких соседних мелких и средних домов. Если в кооперативе десятки тысяч человек, то происходит отрыв жителей каждого дома от бытового управления им, происходит бюрократизация управления. При таких условиях вообще затрудняется организация в домах «самодельных» столовых, «самодельных» яслей и т. п., и наносится вред повороту жилища лицом к производству. Тысяча-две тысячи жителей — вот примерно нормальный высший размер жилищного кооператива с бытовыми функциями при нынешней технике.

Пятое практическое следствие, которое вытекает из поворота кооперации лицом к производству, необходимость гораздо больших средств из квартирной платы и из затрат для постройки новых жилищ выделять на коллективное обслуживание быта, чем было до сих пор. По нынешнему закону только до 5% затрат на жилищное строительство разрешалось обращать на постройку учреждений по коллективному обслуживанию быта, и те не использовались полностью. В результате настроен целый ряд рабочих поселков даже в самой Москве около крупных предприятий, которые очень хорошо приспособлены к производственным условиям досюветского времени, а к производственным условиям нового периода с многосменностью,

с непрерывкою, с вовлечением женщин в производство, с одновременностью работы членов одной семьи — к этому они не приспособлены. В одном таком московском поселке построен ряд громаднейших корпусов, можно прямо иностранцев возить и показывать, и на все живущие в них тысячи людей одни только ясли на 40 детей, да и те в подвале. Необходимо, чтобы при новом строительстве не менее 10% суммы, отпущенной на строительство, было оставлено на постройку помещений для коллективного обслуживания быта и кроме того при отказе от индивидуальных кухонь еще вся сумма экономии от замены индивидуальных кухонь общео. Тогда возможно будет обеспечить новые дома в полной мере основными необходимыми устройствами, как закрытый распределитель, общая кухня, ясли, детский сад и прачечная. Создавшиеся условия снимают спор о том, строить новые дома с индивидуальными или с общими кухнями. В феврале 1930 г. в Комакадемии меня, как докладчика, обвиняли в максимализме, когда я рекомендовал строить новые дома с общими столовыми и общими кухнями. Тогда доказывали, что хорошо, если наши дети научатся пользоваться общими кухнями и общими столовыми, а для современности возможны лишь осторожные опыты, но не массовое продвижение коллективизации быта хотя бы в основных его сторонах, наиболее обременительных (кухня, стирка, уход за маленькими детьми). Но оказалось ненужным ожидать нового поколения и откладывать коллективизацию быта до взрослого состояния тех детей, которые только что родились. Почему? Потому что за прошедший год развитие хозяйства привело к новым контрольным цифрам, к новым наметкам — уже за предстоящие два года решено перевести 50% рабочего населения крупных центров на общественное питание, а так как мы живем в стране, в которой снижения темпов не бывает и гарантировано всем строительством нашего хозяйства, что его не будет, то значит можно рассчитывать, что очень скоро и вторая половина рабочего населения этих районов будет переведена на общественное питание. Между тем новое жилищное строительство мы осуществляем как раз в крупных рабочих центрах как существующих, так и вновь возникающих. Потому по существу, вообще, отпадает спорный еще год назад вопрос, надо ли строить индивидуальные кухни в новых домах или нет. Раз все рабочее население промышленных центров будет питаться в общественных столовых (обед, завтрак и ужин); раз мы строим новые дома почти только для рабочего населения (на 80%, а на 20% для учащихся и для служащих, также переводимых на коллективное питание) и раз мы строим дома в районах промышленных центров, где расположены крупные предприятия и высшие учебные заведения, то зачем дальше строить в домах индивидуальные кухни? Только затем, чтобы потом по ненужности переделывать их в жилые помещения, затрачивая на это добавочно снова крупные средства, как происходит уже например с квартирами прохоровских рабочих в недавно выстроенных домах. Чтобы достичь сплошного вовлечения женщин в производство, которое стоит на очереди, необходимо обеспечить дома не только общими кухнями (и закрытыми распределителями для устранения потери времени на стояние в очередях), но еще и яслями и детскими садами, рассчитанными на полный охват детей дошкольного возраста, а также прачечными. Это означает, что при постройке домов без ин-

индивидуальных кухонь около 20—25% стоимости должно идти на создание учреждений коллективного обслуживания быта.

Необходимо установить законом, что при постройке новых домов с индивидуальными кухнями 12% суммы строительства идет на постройку и оборудование учреждений по коллективному обслуживанию быта (ясли, детские сады, прачечные), а при отказе от сооружения индивидуальных кухонь еще и получающаяся от этого экономия (на постройку и оборудование закрытого распределителя, общих кухонь и столовых). При этом общая площадь жилой площади должна быть не меньше жилой площади в домах с индивидуальными кухнями такой же стоимости строительства. Опыт и проверка расчетов показывают, что в эти суммы могут уложиться учреждения по коллективному обслуживанию тех сторон быта, которые наиболее мешают вовлечению женщин в производство (заготовка и приготовление пищи, уход за маленькими детьми и стирка). Но смешно думать, что уже сейчас можно освободить семью решительно от всех забот, чтобы все жили на всем готовом, как в первоклассных зарубежных отелях и пансионах — позвонишь и все готово. Сюда относятся многочисленные проектировки всяких «домов-коммун», где предвидятся в доме гимнастический зал, ремонтная мастерская по обуви и одежде, клуб детей школьного возраста, библиотека, зал для докладов и общих собраний, амбулатория и разные другие приятные и полезные учреждения. К сожалению, строить такие дома в массовом масштабе нам пока не по карману, а делать изъятия для немногих избранных за счет сокращения жилищного строительства для основной массы рабочих — нет оснований. Потому еще раз повторяю то, что говорил в феврале 1930 г.: в нынешний период нашего строительства надо и можно ставить себе задачей не постройку домов-коммун с гимнастическими залами и т. п., а только домов коллективного быта с обслуживанием тех трех его сторон, которые имеют решающее значение с точки зрения высвобождения рабочей силы для работы на производстве, на службе и для учобы и общественной жизни (кухня, дети, стирка). Что же касается домов уже существующих, то там достаточно ввести правило, что не менее 10% валовой квартирной платы должно идти на организацию учреждений коллективного обслуживания быта, потому что, в этих домах речь будет идти уже не о постройке новых, а только о переоборудовании (и иногда частичной перестройке) уже наличных помещений. Некоторые более крупные индивидуальные кухни передать под общие кухни на 50 или на 100 человек, поставив в них большие котлы, закупив большие кастрюли и т. п.; другие индивидуальные кухни переделать под жилье, взяв вместо того равную площадь из числа светлых комнат под ясли и детские сады; приспособить помещение под прачечную — вот задачи в старых домах. Если в домах кооперации живет свыше шести миллионов человек, то при условии введения обязательного десятипроцентного отчисления от квартирной платы на цели организации коллективного обслуживания быта кооперация могла бы взять на себя обязательство вовлечь в производство из своих жителей года в два дополнительно еще не менее трехсот тысяч работоспособных женщин при сравнительно незначительном государственном кредите (из числа нынешних «домашних хозяек», т. е. жен рабочих и служащих). Для домов, находящихся в управлении трестов, должно быть закреплено, что из

квартирной платы не менее 10% домовые тресты возвращают коллективу жителей этого дома на организацию коллективного обслуживания быта, чтобы таким образом можно было повернуть лицом к производству условия жизни и в домах домовых трестов.

Само собой разумеется, что в переходный период может иметь место также система жилищно-бытовых коллективов, охватывающих лишь часть жителей внутри отдельного кооператива или отдельного дома. Если жилищный кооператив охватывает крупный дом или группу домов с одной — двумя тысячами жителей, то может случиться, что сразу не все пожелают пользоваться общими столовыми и детскими яслями и прачечными. Всякая группа в несколько десятков человек должна иметь право перейти на коллективное обслуживание наиболее отвлекающих от производства сторон своего быта, не дожидаясь отставших. Тогда необходимо будет закреплять использование 10% отчисления от валовой квартплаты дома в первую очередь за теми, кто к коллективному обслуживанию быта перейти согласен. Ибо это отчисление будет введено для возможности вовлечения в производство тех, кто занят сейчас домашним хозяйством, а вовсе не для устройства зал для общих собраний и т. п. при сохранении закрепощения женщины домашним рабством. Кооператив обязан десятипроцентное отчисление расходовать на коллективное обслуживание быта тех своих жителей, которым необходимо обслуживание определенных сторон жизни, дающее возможность перейти на производство, а не тех жителей, которые захотели бы использовать это отчисление для других целей. Ведь совершенно естественно, что ясли открываются для тех, кто отдает туда своих детей, а столовые и общественные кухни для тех, кто там согласен обедать. Таким образом жители, которые к коллективному быту не перейдут, часть своей квартплаты через правление кооператива будут передавать бытовым коллективам той части жителей, которые к коллективному обслуживанию мешающих вовлечению в производство сторон быта перейти согласны.

Шестое практическое следствие нового подхода к жилищу — это предварительное обсуждение рабочими типа новых построек. Мы могли строить до сих пор постройки традицией установленного типа без особого обсуждения их среди будущих засельщиков, пока не ставился вопрос об организации коллективного быта в этих жилищах. Раньше были десятилетиями, столетиями установившиеся типы жилищ. Другое дело, когда жилища должны быть построены на новых, невиданных, неиспытанных еще началах. Тут вопросы о расположении распределителей, кухонь, столовых, яслей, прачечных, вопросы об их размерах, о распределении по этажам и т. д. настолько затрагивают всевозможные бытовые жизненные интересы населения, что обсуждение с будущими жильцами вопроса о типе этих жилищ делается совершенно необходимым предварительным условием постройки новых домов. И обязательность такого обсуждения должна быть гарантирована законом, причем такое обсуждение само должно служить пропаганде необходимости постройки нового типа рабочих домов, рассчитанных на коллективное обслуживание основных сторон быта. Должно быть установлено законом, что не даем кредита на постройку таких домов, тип которых не обсужден с рабочими и служащими, которые в них будут жить.

Седьмое, что вытекает из поворота кооперации лицом к производству, лицом к производственным требованиям,—необходимость заботы кооперации об использовании отдыха рабочими и служащими в период их отпуска и выходных дней. В частности возникает необходимость дополнения жилищной кооперации дачным строительством. У нас уже начинается, правда в небольших размерах, создание дачных кооперативов при некоторых московских заводах (Электрозавод, Прохоровка и др.) и при районных кооперативах. Это первые ласточки, первое ощущение того, что жизнь давит в эту сторону. Кооператив, который борется за столовую, за прачечную, за ясли, за красные уголки, за радио, может быть за домашний кинематограф и т. п. вещи, неизбежно должен будет взяться и за организацию дач, за организацию «домов пятого дня отдыха», «домов однодневного отдыха». Поскольку теперь каждый рабочий, каждый служащий пятый день свободен, надо дать ему возможность воспользоваться этим отдыхом также за городом. Если кооператив устраивает дешевые дачи легкого типа, он дает возможность всему своему населению пользоваться этой дачей каждый день в другом составе в выходной день каждого. Кооперативы должны будут широко развернуть дачное строительство, обеспечивая поселки легких дач общественной столовой, овощами с коллективных огородов, которые разведут летом дачники (особенно из числа поселяющих свою семью на все лето), а может быть продуктами мелкого скотоводства или птицеводства и даже кинопередвижкой (не говоря уж о громкоговорителе).

Восьмое следствие поворота — больше внимания к механизации жилищного хозяйства, ряда его отраслей из тех, что входили обычно в понятие домашней жизни. Пока не было потребности, эта сторона была в забросе. Теперь, когда только нащупывается поворот в бытовом устройстве в сторону коллективизации, уже есть целый ряд остроумных приспособлений, которые позволяют механизировать домашнее хозяйство в гораздо большей степени, чем это существует даже в самых передовых странах за границей. Кто знает например о такой вещи, как общественная кухня, организованная по замыслу т. Гогоберидзе? Это рабочий, ставший поваром, проработавший поваром несколько лет и придумавший кухню, которая применяется в Тифлисе в одной из общественных столовых. Описание заслуживает быть изданным брошюрой, чтобы люди знали, как без больших затрат можно организовать дело по-современному. Это кухня без копоти, без гари, без чада, без грязи и такая, в которой не видно «кухни», в старом смысле слова, по столовой не бегают подавальщики с посудой и т. п. При помощи некоторых чрезвычайно простых, дешевых передаточных механизмов и окошечек в стенах без затрат металла, без сложного оборудования там осуществляется то, что пища готовится в каких-то особовых очагах, разливается, распределяется, там же моется посуда, оттуда выдвигается на какие-то высокие тележки, которые прямо катятся по столовой и останавливаются около столов, сдвигается на столы еда, потом грязная посуда двигается на тележки, подходит какой-то буксир, который увозит тележки обратно, род автобуса, разъезжающего по столовой, деревянный стол на колесиках. С небольшими количествами людей, с небольшими расходами получается, во-первых, быстрота, во-вторых, чистота и, в-третьих, удобство и для тех, которые готовят обед, и для тех, которые его едят.

То же самое относится к удалению мусора, к мойке посуды, к мойке всяких салфеток, скатертей и полотенец, пола и т. д. Все эти занятия, как известно, чрезвычайно легко быть механизированы даже при существующей уже технике, если поставить выработку промышленности соответственных приспособлений и если шире применить электричество в жилищном хозяйстве. Это конечно необходимая предпосылка, ибо почти все эти приборы, почти вся механизация обслуживания быта требуют для своей рентабельности и возможности применения электрической энергии. Введение бытовой нагрузки электростанций с особыми льготными тарифами вполне возможно, ибо потребность в электричестве для бытовых целей не совпадает с моментами наивысшего напряжения расходования электрического тока вообще. Например электрическое освещение главным образом требуется вечером, а готовят обеды и горячую пищу, стирают белье, чистят квартиры и т. п. главным образом днем. Так что неиспользуемая теперь днем часть электрической энергии, которая вечером идет на освещение, может на это расходоваться без увеличения общей нагрузки электростанции. Введение бытовой нагрузки электростанций, широкая электрификация быта дает возможность значительно механизировать домашнее хозяйство, еще больше уменьшить количество рабочих рук, требующихся для него, упростить и облегчить его и высвободить добавочные силы для производства. Льготный тариф выгоден и электростанциям, так как дает им некоторое возмещение за ту долю все равно вырабатываемой энергии, которая сейчас днем пропадает без использования, не давая станции никаких поступлений. Вот почему в Ленинграде уже мог быть успешно поставлен вопрос о введении льготного тарифа за электрическую энергию для бытовых условий, вдвое низшего, чем за освещение. Такой же порядок широко введен за границей, его надо повсюду подготовить и осуществить и у нас.

Само собою разумеется, если все это мы сделаем — повернем жилище лицом к производству, организуем коллективное обслуживание быта, да еще его механизуем при содействии электричества, то это будет иметь своим последствием исчезновение слоя домашних работников, которые служат в настоящее время у отдельных семей. «Личная прислуга», как назывался раньше этот слой, исчезнет. Сейчас ее очень много, сотни тысяч и рабочих принуждены нанимать нянек или кухарок, чтобы быть в состоянии самим ходить на работу или на службу. Количество «прислуги» в СССР достигает по подсчетам наших статистических органов только в городах более полумиллиона человек, а по другим расчетам — еще более. Все это исчезнет и сможет пойти на более полезную и нужную работу без ущерба для удобств населения.

Последнее, девятое следствие, которое делаю в этой связи — это более широкое распространение кооперативной системы заведывания домами, чем сейчас имеет место. Сейчас кооперативная система управления домами охватывает главным образом дома горсоветов, которые переданы в аренду кооперации, и дома кооперации, отчасти промышленные, построенные на государственные средства. Вне кооперативного управления остается еще большая часть жилой площади общественного сектора, если брать его вместе с общежитиями учащихся, красноармейцев и т. д. (около 55 %).

Не случайно промышленные предприятия, как правило, избегали передавать кооперации принадлежавшие им жилища для рабочих. По-

чему? Потому что существовавшая до сих пор организация кооперативного управления жилищами совершенно не приспособлена была к потребностям промышленности. Ведь мы не имели до сих пор ни планового использования всей работоспособной силы городского населения, ни планового расселения жителей. Господствует случайное расселение жителей и далеко неполное использование работоспособных людей. Между тем для промышленности необходимо наличие таких жилищ, которыми она может маневрировать, где жили бы именно те люди, которые производству нужны. А в кооперативах поселившийся человек получал площадь прочно, как бы ни сложились потом его отношения с предприятием. Поэтому для промышленных и транспортных предприятий требовалось изъятие из общей жилищной практики в виде права выселения несвязанных с производством лиц, и за него крепко держались промышленность и транспорт, а также находившийся в некоторых отношениях в сходных условиях Моссовет. В Москве как в столице особо велики текучесть населения и потребность в маневренной свободе для его расселения, отсюда даже практиковавшаяся в Москве одно время передача домов от жилищных товариществ домовым трестам. ВСНХ, НКПС и Моссовет не хотели передавать свои дома кооперации, чтобы иметь возможность удалять из жилищ тех, кто им не нужен, и заселять теми, кто им нужен. Насколько им удалось использовать эти свои права на практике — другой вопрос. Вернее — далеко не в полной мере, но во всяком случае в гораздо большей мере, чем это было бы возможно в кооперативных домах при прежнем отношении к жилищу как к оторванному от производственных требований обособленному хозяйству.

Теперь дело меняется. Раз из условий реконструктивного периода вытекает неизбежность организации коллективного обслуживания быта во всех городских жилищах, раз этого требует необходимость поворота жилища лицом к производству, то само кооперативное управление домами должно поставить себе задачу приспособления использования дома к потребностям производства, в частности к заселению его теми людьми, которые нужны производству. Иначе сказать, появляется принцип отказа в жилище тем семьям, представители которых не заняты на производстве, на службе в учебных заведениях. Поэтому только теперь создаются действительные условия для широкой передачи домов от домовых трестов и органов промышленности в руки кооперации. Теперь только создаются действительно объективные условия для того, чтобы свести деятельность домовых трестов к их естественным функциям, т. е. к созданию в распоряжении местного совета маневренного фонда для текущего, непостоянного населения. При таком положении в распоряжении домовых трестов должны быть гостиницы для приезжих, бараки для сезонных рабочих, общежития для учащихся, убежища для пострадавших от пожара и наводнения, временные пристанища для присылаемых на службу из других городов до распределения их по постоянным жилищам и т. п. Все же дома для постоянно живущих людей смогут отойти в управление кооперации и уже не только потому, что это удобнее для населения, но и потому, что это нужнее для производства. Ибо самостоятельность населения кооперативных домов лучше может наладить там коллективное обслуживание быта, чем коменданты домовых трестов. А без этого при складывающихся условиях (непрерывка, много-

сменность) нет ни полного использования работоспособности уже работающих, ни легкости вовлечения еще не работающих (домашних хозяек). Вообще опыт перехода в Москве домов от жилищариществ к управлению комендантского типа (домовых трестов) показал, что населению сделалось хуже, повел к ухудшению бытовых условий: в ряде домов исчез кипятики, закрылись столовая, прачечная, стало неудобнее, грязнее и дороже, потому что выкачиваются деньги для общих доходов Моссовета. На эти деньги затем строятся школы и делается ряд других очень полезных и чрезвычайно необходимых вещей. Однако покрывать такие расходы нужно не за счет ухудшения жилищно-бытовых условий, соблюдение которых необходимо для успешной производительной и учебной работы. Теперь вопрос об улучшении жилищно-бытовых условий — уже вопрос не только удобства населения, а вопрос аккуратного выполнения и даже переполнения промфинплана.

Перемены, которые таким образом произошли, к прежним мотивам в отношении передачи домов от промышленности и домовых трестов кооперативам (удобство населения, развитие социалистической самостоятельности) прибавили новый мотив, притом решающий. Вот почему создающиеся в реконструктивном периоде условия требуют решительных шагов к дальнейшему увеличению роли кооперации в управлении домами, требуют ограничения числа непосредственно управляемых органами государства домов только сравнительно небольшим маневренным фондом для временных жильцов и специальных общежитий. Сейчас на 1 января 1931 г. положение с жилищным фондом в этом отношении представляется следующим.

О состоянии жилищного фонда в городах и рабочих поселках СССР есть такие данные: 1) произведенная в декабре 1926 г. всеобщая жилищная перепись, дающая состояние жилфонда на 1 января 1927 г.; 2) сведения об итогах нового строительства за четырехлетие 1927—1930 гг. и выбитии жилплощади вследствие пожаров, обвалов и иной ликвидации старых жилищ; 3) данные о муниципализации за это время частных домовладений по особым постановлениям. В итоге можно дать сравнительную картину на 1 января 1927 г. и на 1 января 1931 г.

Всего в СССР имеется 1920 городов и поселков городского типа. Четыре года назад в них было немного более 26 млн. жителей, а теперь около 31 млн. (все сведения ниже приведены и вычислены по официальным данным советской статистики). Вся жилая площадь (не считая кухонь, коридоров и т. п.) в этих 1920 городах 4 года назад составляла 159 млн. кв. метров, а теперь достигает уже 171 млн. кв. метров. На обобщественную площадь (национализованная, муниципальная, кооперативная и общественных организаций, как профсоюзы и т. п.) 4 года назад в том числе приходилось 74 млн. кв. метров, а без сданных в аренду частникам 70 млн. кв. метров, теперь же приходится на обобщественную уже 84 млн. кв. метров, а без сданной в аренду частникам 81 млн. кв. метров. Из последней величины в управлении кооперации находится 39 млн. кв. метров, или около 48% (считая арендную и строительную кооперацию вместе, причем на арендную приходится почти 35 млн., а на строительную несколько больше 4 млн. кв. метров).

Все 1920 городов делятся на 4 группы: 1) мелкие с населением не более 20 тыс. чел. в каждом; 2) средние с населением свыше

20 тыс., но не более 175 тыс. чел. в каждом; 3) крупные с населением более 175 тыс., но не свыше 514 тыс. чел. в каждом; 4) две столицы (Москва и Ленинград) с населением более миллиона в каждой. В первую группу (мелкие) входят также рабочие поселки при отдельно расположенных предприятиях, железнодорожных станциях и т. п. По этим четырем группам городов имеем такие данные:

Группы городов	Число городов	Из населения городов (в %)	Из всей жилищной площади (в %)	Из всей обобщественной жилищной площ. (в %)
Мелкие	1 695	33	32,5	18,5
Средние	210	38	35,8	28,5
Крупные	13	14	15	18,8
Столицы	2	13	16,7	34,2
	1 920	100	100	100

Уже из этой таблицы видно, что обобщественная площадь играет большую роль преимущественно лишь в 15 больших городах, где сосредоточено менее 30 % городского населения СССР. Еще в большей мере это относится к площади, управляемой кооперативами. По группам городов такие данные (в %):

Группы городов	Из всей площади приходится на обобществ.	Из всей обобществ. приходится на кооперат.
Мелкие	27	6,5
Средние	36	25,2
Крупные	59,4	48,6
Столицы	97	80
	47,4	48,1

При этом подсчете (как и ниже) из обобщественной площади исключена вся сдаваемая в аренду частникам как управляемая не обобщественно, а в составе кооперативной площади засчитаны московские жилищно-кооперативы, являющиеся по существу кооперативами, хотя и с некоторыми отклонениями от «нормального» устава. За четыре года (1 января 1927 г.—1 января 1931 г.) произошли существенные изменения в распределении всей жилой площади всех 1920 городов и рабочих поселков СССР и в распределении всего живущего на ней населения между тремя типами управления: 1) кооперативное, 2) прочее обобщественное (в основном местные советы, промышленность и транспорт), 3) частное (включая дома, арендованные частниками у горорганов). В процентах к общим итогам по СССР все это распределение представляется в следующем виде:

	Кооперативное управление	Прочее общественное управление	Частное управление
На 1 января 1927 из 100% площади	19,2	24,9	55,9
» 1 » 1931 » 100% »	22,8	14,8	52,4
» 1 » 1927 » 100% »	17,3	23,6	59,1
» 1 » 1931 » 100% населен.	20,5	23,4	56,1

Из этой таблички, кстати сказать, видно, что в кооперативно управляемых домах живут несколько просторней, а в частно управляемых несколько уплотненней, чем в среднем. Еще и в настоящее время частные дома в городах и рабочих поселках в СССР в общем обнимают более половины жилой площади, и в них живет более половины населения, хотя постепенно эти величины медленно понижаются. В общественном секторе, если брать его в целом, жилищная кооперация занимает несколько меньше половины. Но надо иметь в виду, что в кооперативных домах имеются как правило только постоянные жилища. А в домах по группе «прочего общественного управления» заметная часть приходится на временные общежития (сезонных рабочих, учащихся, гостиницы и т. п.) и на специальные общежития (жилая площадь красноармейских казарм, детских приютов и т. п.). В общем на эти государственные общежития приходится 6,2% всей жилой площади городов и рабочих поселков СССР и 6,4% населения этих городов и поселков. Если исключить из счета эти временные и специальные общежития, то в отдельном общественно управляемом фонде на долю кооперации придется уже по 55% площади и населения.

Общежития указанного типа должны остаться в составе государственного маневренного фонда местных советов. Реально может идти таким образом речь о передаче кооперации, самое большее, еще около 31 млн. кв. метров жилой площади в дополнение к тем 39 млн. кв. метров, которыми кооперация уже управляет, и довести число жителей кооперативно-управляемых домов до 12 млн. человек вместо тех почти 6½ млн. чел., которые живут в кооперативных домах уже теперь.

Что касается частных домов, занимающих более половины всей городской жилплощади (собственные дома 50,3% и арендованные у городских групп, 2,1% всей жилплощади), то они делятся на две резко различных группы. Более двух с четвертью миллионов домов — маленькие одноэтажные многоквартирные постройки со средней жилплощадью всего в 30 кв. метров на дом, т. е. для одной семьи и то в обрез. Это большей частью домики рабочих, мелких служащих и кустарей на окраинах городов, построенные в значительной мере за счет продажи деревенского дома и остатков сельскохозяйственного инвентаря при окончательном разрыве с деревней и при переселении всей семьи в город или рабочий поселок к ранее обосновавшемуся там главе семьи. Эти домики — собственность трудового населения чисто потребительского типа, они могут служить взносом вместо пая при вступлении семьи в кооператив или при образовании кооператива из группы таких домов в какой-либо части города. Попытки такого

вступления в кооператив уже имеют место, чтобы воспользоваться бытовым обслуживанием и льготами кооператива. Чем более необходимы будут населению по производственным соображениям общие кухни, детские ясли и т. п., тем более легко будет происходить оформление групп таких потребительских домиков трудового населения в жилищные кооперативы. Здесь перед жилищооперацией лежит большое поле благородной работы, за которую пора более энергично взяться.

В этих мелких домах потребительского типа сверх 12 млн. человек членов семей владельцев живет еще почти 2 млн. человек квартирантов, снимающих углы, койки и т. п. Общая жилая площадь этих потребительских домиков около 70 млн. кв. метров.

Другую группу представляют частные дома предпринимательского типа. Сюда входят дома не ниже двух этажей, в том числе около 30 тыс. каменных двухэтажных домов, около 2 тыс. каменных трех- и четырехэтажных, около 25 тыс. двух- и трехэтажных домов смешанного типа (первый этаж каменный, второй деревянный и т. п.) и более 40 тыс. деревянных домов трех- и двухэтажных. Общая жилплощадь этих предпринимательских домов менее 20 млн. кв. метров при средней площади около 180 кв. метров на дом. В предпринимательских частных домах живет около полумиллиона человек членов семей владельцев и более трех миллионов квартирантов. Это дома определено эксплуататорского типа, и они остались немунципализованными лишь потому, что муниципализация не была в ряде городов полностью проведена до остановившего ее закона 1922 г. или вследствие имевших место отдельных злоупотреблений. Относительно домов явно предпринимательского типа целесообразно разрешение законом их дополнительной муниципализации и передаче жилищооперации. Это освободит снимающую в них квартиры часть трудящегося населения от самой жестокой эксплуатации и даст им возможность приобщиться к кооперативной самодеятельности и к советскому укладу в жилищных отношениях. Частный сектор в жилищном деле должен раствориться в кооперативно-жилищном, середняки войдут в него добровольно, жилищные кулаки должны быть экспропрированы — вот законная аналогия с путями коллективизации сельскохозяйственного производства.

ЛЕНИН И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

(Реферат доклада т. Разумовского в И-ге философии 14/XI 1930 г.)

Тов. Разумовский начинает свой доклад с указания на то, что в современной марксистской литературе чрезвычайно мало разработан вопрос о роли Ленина в разработке исторического материализма. Существуют даже взгляды, говорит Разумовский, что Ленин едва ли мог сказать что-нибудь новое в истмате после Маркса и Энгельса и Плеханова. Считают Плеханова особенно сильным и непогрешимым в области истмата. Однако в вопросе о материалистическом понимании истории Плеханов имеет существенные недостатки, вытекающие в частности из недостаточного понимания диалектики. Ленину приходилось и здесь исправлять Плеханова.

Ошибочен и тот взгляд, будто Ленин — простой комментатор историко-материалистических положений Маркса — Энгельса. Ленин не просто комментирует Маркса и Энгельса, но в то же время развивает далее их положения, освещает и дает глубокое объяснение. Ортодоксию Ленин понимал не как догматичное толкование, а как дальнейшее развитие всех положений диамата и истмата в духе Маркса, в направлении, указываемом марксистской методологией.

Следует еще учесть, что Ленин жил в эпоху более позднего капитализма, его империалистической стадии и имел таким образом возможность подытожить весь дальнейший исторический опыт развития пролетарской революции и двинуть дальше разработку проблем истмата.

К историческому материализму Ленин, как и Маркс, подходит материалистически. Материалистическое понимание истории возникло в борьбе с мелкобуржуазными социологическими теориями, в борьбе с буржуазным объективизмом, кантианством, махизмом и т. д. Ленин относится критически и к предшественникам материализма — например Фейербаху, не прикрашивая его, отмечая зародыши истмата, отвергая его недостатки. С другой стороны, Ленин находит зародыши идей истмата и у буржуазных историков и философов, в том числе у Гегеля.

Плеханов иначе подходил к Гегелю. Он интересовался элементами экономического объяснения истории, находимыми у Гегеля, его стремлением открыть главное, основное в общественно-историческом процессе. Ленин же отмечает то, что Гегель берет исторический процесс в его целостности и единстве, в его закономерности и противоречивости развития. Ленина интересует при чтении Гегеля роль общественной практики в развитии человеческого общества.

Исторический материализм поднят Лениным на высшую ступень как существенная часть философской науки. Критикуя буржуазных и мелкобуржуазных социологов, Ленин обнаруживает философские корни их исторических воззрений. Он подчеркивает например позитивизм Михайловского, как и всей народнической школы. Он подчеркивает механистический ха-

рактер их методологии. Он вскрывает кантианство в объективизме Струве, Булгакова и др. Точно так же в борьбе с богдановщиной Ленин вскрывает махизм, а у Бухарина — социологическую схоластику и «стыдливый» агностицизм.

Ленин считает, что исторический материализм не только неразрывно связан с философским материализмом, но представляет собою одну из существенных и важнейших частей философии марксизма. Без философских основ марксизма невозможно понять проблемы исторического материализма, но так же невозможна философия марксизма без исторического материализма. Ленин говорил о внесении логики в логику и о связи философии с конкретно-историческими задачами пролетариата. Логическое Ленин всегда связывал с историческим. Он всегда вскрывал классовые корни самых абстрактных категорий, даже например в таком вопросе, как развитие мышления по кривой. Соответственно другим направлениям философии Ленин давал историко-материалистическое, социально-классовое объяснение. Даже изучение природы связано с определенными общественно-историческими условиями. Поэтому мы приходим к выводу, что разработка теории материалистической диалектики невозможна без исторического материализма. Ленин несомненно восстал бы против тенденции отделить логику от истмата и охарактеризовал бы это как отступление от марксизма.

Тов. Разумовский далее говорит о том, что Ленин боролся против сведения истмата к «социологии». Ленин считал, что «социология», которую он брал в кавычки, не выражает собой философской сути исторического материализма и его роли как орудия классовой борьбы пролетариата. Для исторической «социологии» характерен идеализм и позитивизм и в то же время и вульгарный объективизм и схоластика. «Социологию» Бухарина Ленин так и критикует: «Социология» конкретно-историческое исследование подменяет абстрактными схемами, рассуждениями «вопче», она смазывает классовые противоречия современного общества». Задачи социальной науки Ленин видел в том, что она должна быть руководством к действию и оружием в борьбе пролетариата.

Возвращаясь снова к вопросу о различии Плеханова и Ленина в постановке и решении проблем исторического материализма, т. Разумовский, сравнивая работы Ленина и Плеханова, показывает недостаточность плехановской методологии, его формулы исторического процесса, здесь Плеханов проявил непонимание огромного значения основного закона диалектики — единства противоположностей. Ленин справедливо обвинял Плеханова в стремлении к простому логическому развитию общей истины. Конечно у Плеханова имеется много заслуг в области истмата, но Ленин пошел бесконечно дальше.

В чем Ленин видел проявление материализма в истории? В том, что корни всех идей уходят в процесс производства, в отношения классов. Отсюда — теория классовой борьбы является для Ленина руководящей идеей социального исследования. Важнейшее значение имеет развитие Лениным понятия общественно-исторической формации. Задачу исторического материализма Ленин усматривает в том, чтобы опразить диалектику истории, объективную логику общественной эволюции.

Далее т. Разумовский останавливается на понимании Лениным причинности в истории, целостности общественно-исторического процесса, его взаимосвязи и противоречивости и специфичности. Ленин был чужд вырыванию из исторического процесса отдельных сторон, законов и их абсолютизированию, как это делали народнические и буржуазные социологи. Общественную закономерность Ленин не представлял себе прямолинейной схемой, но отмечал циклы, полосы в общественном развитии, зигзагообразный, спиралевидный характер социальных сдвигов и т. д. Ленин боролся с вульгарным фаталистическим объективизмом, указывая, что люди сами делают свою историю, подчеркивал действенное, творческое значение исторического материализма, роль классов и партий в определении и направлении исторического развития.

Особенное значение имеет понимание ленинского подхода к проблемам истмата в условиях реконструктивного периода, закономерности которого мы должны осознать. Ленинские положения имеют громадное значение в борьбе и преодолении уклонов от линии партии, указывая нам методы борьбы со всевозможными механистическими (теория равновесия), оппортунистическими теориями путем изучения исторических закономерностей. Критиковать теорию «организованного капитализма» следует с привлечением ленинского закона неравномерности капиталистического развития. Этот закон — существеннейший момент в ленинской концепции исторического материализма. Энергетизм Богданова, натурализм Бухарина, биологизм буржуазных экономистов должны быть преодолены при помощи ленинского метода.

Тов. Разумовский указывает, что у Ленина имеется диалектическое разрешение всех основных проблем истмата: вопроса о производительных силах и производственных отношениях, о классах и классовой борьбе, о тактике и стратегии пролетариата в революции, о роли партии в классовой борьбе, о соотношении экономики и политики, о государстве и об отмирании государства, об идеологии и культуре, о социальной революции и переходном периоде от капитализма к коммунизму. Учение Ленина о партии и учение о социальной революции имеет исключительное методологическое значение, содействуя раскрытию и освещению проблем исторического материализма.

Тов. Разумовский заканчивает указанием, что в постановке и решении всех этих проблем Ленин всегда борется на два фронта как против механицизма, так и против идеализма, как против скачков и перескоков через необходимые ступени развития, так и против отставания и хвостизма, против самотека и теории, что все произойдет само собой.

Действенное и творческое значение ленинского понимания исторического материализма особенно ясно обнаруживается в учении Ленина о переходном периоде и диктатуре пролетариата. Истмат должен быть не только орудием исследования, но и оружием борьбы за построение социализма в нашей стране.

П. Вышинский.

О НОВОМ КОЛХОЗНОМ ПОДЪЕМЕ

(Реферат доклада Никулихина в Аграрном ин-те 22/XI, 1929 г.)

Аграрный институт Комкадемии устроил 22/XI 1930 г. доклад т. Никулихина на тему «О новом колхозном подъеме», на котором присутствовало до 200 человек. Ряд товарищей принял горячее участие в прениях по этому докладу.

Тов. Никулихин дал в своем докладе подробный обзор о колхозном движении и остановился на том, что в результате правильной ленинской политики партии и ее ЦК подъем новой колхозной волны является уже фактом. За два месяца — сентябрь и октябрь — по всему СССР в колхоз вступило новых 500 тыс. крестьянских хозяйств. Так например, по Украине влилось в колхозы около 84 тыс. хозяйств, по Нижней Волге — 70 тыс., по Северному Кавказу — 50 тыс., по ЦЧО — 50 тыс. хозяйств и т. д. Приехавшие товарищи с мест единогласно свидетельствуют, что вступление новых членов в колхозы происходит исключительно на добровольных началах. Среди широчайших бедняцко-середняцких масс единоличников произошел резкий дальнейший перелом положительного отношения их к колхозному движению, так что местные организации отстают от организационного оформления колхозного подъема. Новый прилив в колхозы объясняется тем, что единоличнику на практике доказаны все преимущества социалистической формы сельского хозяйства перед индивидуальной: урожай в колхозах на 25—30% выше, чем у единоличников, использование инвентаря в колхозах во много раз рациональнее, чем в индивидуальных хозяйствах (нагрузка лошади в колхозе 12 га посева, у неколхозника—3-4 га) и пр. В результате сложение всех преимуществ дохода колхозника выше единоличника обычно в 2-3 раза.

Клеветой являются тезисы право-«левацкого» блока, что только 1931 г. явится проверочным годом для коллективизации сельского хозяйства. Тот факт, что мы находимся на пороге мощного дальнейшего прилива в колхозы, вдребезги разбивает данный оппортунистический тезис. У нас имеются все условия, чтобы вторую большевистскую весеннюю посевную кампанию закончить вовлечением в колхозы 50% крестьянских хозяйств. Но мы должны знать те противоречия, которые рождаются этим ростом.

1. Классовая борьба в деревне усиливается. Кулачество, потерпевшее поражение в боях за коллективизацию в прошлом году, переходит к новым методам борьбы, к более изощренной и искусной тактике. Пользуясь трудностью нашего роста, отдельными ошибками на местах, недостатком промтоваров, кулаки плетут сети по организации своего кулацкого актива на селе. Хорошо сознавая, что сплошная коллективизация ликвидирует кулачество как класс, что успех данного колхоза является для кулака большим политическим ударом, кулачество старается разложить его всем, чем можно: прямым вредительством через своих агентов в колхозе, расшатывая труддисциплину колхозников, провоцируя колхозный актив на преступления, ссоря бедняка с середняком в колхозе, и т. д. и т. п.

Организацию нового прилива в колхозы можно успешно провести только при условии усиления работы с беднотой и беспощадной борьбы с кулачеством и «левыми» загибами.

2. Правая оппортунистическая теория и практика являются сейчас главной опасностью. Начавшийся уже процесс нового подъема коллективизации показывает, что он идет одновременно с наступлением на капиталистические элементы в деревне. И наоборот, там, где беднота плохо организована, там, где не мобилизована колхозная общественность на борьбу с кулаком, там, где в хлебозаготовках к кулаку проявлено послабление, там, где позабыли, что «кулаки — самые зверские, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, капиталистов... Кулаки — бешеный враг советской власти. Беспощадная борьба против этих кулаков. Смерть им»¹, там с организацией нового прилива в колхозы дело обстоит слабо.

Правооппортунистическая установка на организацию прилива принимает всевозможные варианты. Перечислим главнейшие из них:

А. Имеются места, где на целый район находят кулацких хозяйств не больше 2-3. Процент кулацких хозяйств в этих районах по сравнению с предыдущими годами «загадочно» сильно снизился.

Б. Отрыв хлебозаготовительной кампании от работы по коллективизации сельского хозяйства. Сейчас-де заниматься коллективизацией сельского хозяйства некогда. А кулак, пользуясь этим, обрабатывает общественное мнение на селе.

В. Во многих колхозах еще не подсчитаны готовые итоги работы колхозников. Последние не знают, сколько они заработали, вокруг успехов колхоза не создано соответствующего внимания деревни.

Г. Слабое внимание районных организаций вопросам правильной организации труда в колхозах, счетоводства, взаимоотношения колхозников с отходниками.

Д. Формальное отношение к приему в колхозы. Подает заявление в колхоз «поддекретившийся кулачок». Его принимают на том-де основании, что он в колхозе перевоспитается и мирно вратет в колхозную семью.

Е. Самотечный метод организации колхозов. Бедняку и середняку все равно некуда податься, кроме колхоза. Зачем идти на село и доказывать о пользе коллективизации. Мужик и так понял, а если не понял, то поймет к концу пятилетки. Тревожить мужика колхозами не стоит, сама жизнь убеждает его в силе колхозов, он сам, если захочет, пойдет в колхоз, а то ему доказывай о пользе, он тебе против, ты свое, да еще с сердцем ответишь, еще и в левые зашибушки попадешь.

Ж. Хлебозаготовительная кампания показала, что некоторые колхозы получили разверстку, непропорционально высокую по сравнению с единоличниками. Так, в ЦЧО есть районы, где на 5 га посева колхозы должны вывезти 17 пудов хлеба, а единоличники 7 — 12.

3. Левацкие тенденции являются серьезной опасностью и могут явиться большим тормозом колхозного подъема. Так например, в ЦЧО местные работники серьезно убеждены в том, что район, имевший осенью 1930 г. 11% коллективизации, на декабрь 1930 г. вполне возможно коллективизировать до 70%. В Башкирии один секретарь

¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, с. 256-257.

райкома партии обижался на центровиков: «Зачем вам беспокоиться за коллективизацию, если надо, и на 70% коллективизируем». В Белоруссии одно время гулял такой лозунг: «Ликвидация крестьянства как класса на базе организации совхозов». Лозунг наруку кулаку. Слабая работа среди бедняков и середняков вокруг организации совхозов и МТС, недооценка борьбы с кулачеством дали возможность последним выбросить такой лозунг.

Итак, заканчивая наш обзор перспективы подъема колхозной волны, остановимся на методе организации ее. Для этого надо, во-первых, организовать инициативные группы из не-колхозников. С ними нужно изучать теорию и практику колхозного движения вообще и в районе в частности. Заслушивать отчеты колхозов, его планы, перспективу его роста, как и отчего этот рост может получиться, организацию труда и пр. Во-вторых, организовать вербовочные группы из колхозников, которые в чайных, по гостям, везде и всюду являются организаторами колхозов. В-третьих, наладить экскурсии в колхозы, где устраиваются вечера смычки колхозников с не-колхозниками, взаимная хозяйственная критика, обзор прошлого и будущего, и наконец, в-четвертых, проводить организационно-массовую работу под руководством сельских партийных ячеек (работа среди бедноты, борьба против кулака, укрепление существующих колхозов, подготовка к грядущей посевной кампании на основе директив ЦК партии).

Павлычев

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОХОД ПРОТИВ СССР

Реферат по докладам Варги и Гольдштейна XI, 1930 г.

Институт мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии в ноябре устроил доклад гг. Варга и Гольдштейна «Экономический поход против СССР».

Большой зал Комкадемии, вмещающий 600 человек, был переполнен.

Тов. Варга начал свой доклад с того, что период «мирного существования двух враждебных социальных систем: капиталистического мира, где господствует буржуазия, и Советский Союз, где осуществлена диктатура пролетариата, очевидно близится к концу.

Капитализм уже не в состоянии в полной мере использовать им же самим созданные производительные силы, капиталистические условия производства на наших глазах становятся оковами для развития «производительных сил».

Докладчик подробно остановился на противоречиях законов внутреннего развития капитализма, приводящих к тому, что все более и более редуют ряды сторонников капитализма. В период всеобщего кризиса капитализма развитие враждебного процесса усиливается до острой угрозы господству буржуазии.

Широкие крестьянские массы подвергаются теперь массовому разорению благодаря аграрному кризису, во время которого начинает колебаться опора буржуазии — среднее и зажиточное крестьянство.

Говоря о генеральной линии партии на ликвидацию кулачества как класса, докладчик подчеркивает то обстоятельство, что у буржуазии

уничтожается надежда на реставрацию капитализма в СССР на основе лэпа, что лишает ее союзника в нашей стране.

Все это обостряет противоречие между отмирающим капитализмом и строящимся социализмом и толкает буржуазию на военную интервенцию против СССР.

Кампания демпинга стремится недовольство трудящегося крестьянства капиталистических стран, вызванное аграрным кризисом, направить на СССР и подготовить его идеологически к военной интервенции против нас.

Обвинение в том, что мы вывозим зерно с целью снизить цены, углубить аграрный кризис и революционизировать крестьянство, не имеет под собою почвы. Советский Союз вывозит зерно потому, что он нуждается в ввозе машин и промышленного сырья для успешного проведения пятилетнего плана; он продает по мировой цене.

Кампания демпинга преследует исключительно политические цели и неразрывно связана с политикой монополистического капитализма.

Тов. Варга, останавливаясь на сущности демпинга, указывает, что все капиталистические страны проводят политику демпинга. О советском демпинге не может быть и речи. Демпинг, т. е. повышение цен на внутреннем рынке для того, чтобы иметь возможность продавать на внешнем рынке даже ниже себестоимости, что означает дополнительную эксплуатацию рабочего класса, у нас уже невозможен потому, что вся наша политика направлена не к повышению внутренних цен, а к их постоянному понижению с целью улучшения жизненного уровня трудящихся.

«Рынок» в советском хозяйстве принципиально отличен от рынка капиталистического хозяйства, где господствуют антагонистические отношения распределения.

О «себестоимости» в капиталистическом смысле этого слова в социалистическом секторе советского хозяйства тоже не может быть речи, так как чем более расширяется социалистический сектор, тем меньше становится удельный вес частного хозяйства, тем более исчезают элементы стихийности товарного хозяйства, тем сильнее выступает характер советского хозяйства как хозяйства планового, производство которого направляется в целях возможно наилучшего обеспечения потребности общества и построения социализма.

«Заработная плата» в советском хозяйстве также отлична от капиталистического хозяйства, так как при капитализме заработная плата определяется стоимостью необходимых для воспроизводства рабочей силы предметов потребления, ее колебания определяются спросом и предложением на рынке труда и классовый борьбой. У нас высота заработной платы зависит от количества предметов личного потребления, которые организованый в государство рабочий класс предоставляет себе самому после обеспечения необходимых для социалистического строительства вложений.

Рост реальной заработной платы в размере 70% на протяжении пятилетнего плана является наиболее резким показателем этого различия, так как такой рост был бы совершенно нелепым при капиталистических отношениях.

Все это говорит о том, что «рынок», «себестоимость», «прибыль» и т. д. имеют в советском хозяйстве совершенно другое значение, чем при капитализме. Тем резче выступает политический характер

экономического похода против СССР, который особенно ясно вытекает из того, что в центре всего похода находится Франция, для которой СССР не является конкурентом ни в одной отрасли на мировом рынке.

Тов. Варга указывает также на то, что в своем экономическом походе против СССР, в своих планах военной интервенции мировая буржуазия рассчитывает на фракционную борьбу внутри ВКП(б). Она наивно полагает, что в случае войны партия не сможет мобилизовать все силы пролетариата, не понимая, что оппозиция разбита, и не представляя себе железную дисциплину партии большевиков.

Заканчивая свой доклад, т. Варга еще раз подчеркнул, что решающим фактором является борьба двух систем, а не непосредственно выгоды или невыгоды от товарооборота. Противоположность между быстрым строительством социализма в СССР и экономическим кризисом, бушующим над всем буржуазным миром; между недостатком рабочих рук у нас и массовой безработицей в капиталистических странах; между быстро улучшающимся в результате коллективизации положением крестьян у нас и массовым обнищанием их там в результате аграрного кризиса; сознание, что все большие и большие круги трудящихся убеждаются в преимуществах советского хозяйства над хозяйством капиталистическим, что гнет буржуазии становится для рабочих все более и более невыносимым,— все это толкает буржуазию к тому, чтобы ускорить вооруженную борьбу с Советским Союзом и сделать попытку свергнуть власть пролетариата.

Все это требует напряжения всех сил пролетариата в международном масштабе и прежде всего его авангарда, коммунистической партии, и сплочения пролетариата СССР вокруг ленинского ЦК ВКП(б).

Доклад т. Гольдштейна посвящен был анализу роли демпинга и антидемпинга в практике монополистических организаций и вскрытию политической подоплеки той кампании, которая сейчас ведется под флагом борьбы с «красным демпингом».

Тов. Гольдштейн привел выдержки из законодательства Англии, САСШ, Франции, Канады, Австралии, Японии и других стран, которые доказывают, что каждая страна вкладывает иное содержание в понятие демпинга, придавая ему все более широкое толкование. Буржуазная экономическая литература с своей стороны также стремится расширительно толковать демпинг, включая в него почти все виды конкуренции. Докладчик на иллюстрации богатейшего материала доказывал, как демпинг применяется во всех капиталистических странах и почти во всех отраслях хозяйства при открытой поддержке государства. Он подробнее останавливается на демпинге в металлургической, угольной, нефтяной, химической, сахарной промышленности, в вывозе хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Во многих случаях экспортные цены составляют только 30—40% по отношению к внутренним ценам, а экспортные премии в некоторых случаях даже превышают 50% выручаемой цены за границей. Особенно широко практикуется демпинг во Франции, Румынии, Польше и Венгрии, т. е. в тех странах, которые усиленно сейчас обвиняют СССР в демпинге. Сверхпротекционизм, который в годы после войны, вопреки стремлениям Лиги наций приостановить повышение таможенных пошлин, получил широкое распространение и достиг наибольшего расцвета в САСШ, Франции, Германии и других странах. Тамсоженные барьеры

не в состоянии приостановить действие демпинга, который пробивает их, а наоборот ведут к еще большему применению демпинга. Докладчик приходит к заключению, что демпинг является основным орудием борьбы монополистических организаций за господство на внутреннем рынке и для захвата внешних рынков, который особенно усиливается в эпоху кризиса капитализма.

Докладчик напоминает, что Антанта подготавливала войну против Германии под знаком борьбы с демпингом, между тем как демпинг уже до войны был методом международной конкуренции, который применялся странами Антанты в не меньшей мере, чем Германией. Империалистические державы прибегают сейчас к испытанному оружию для мобилизации общественного мнения против СССР. Докладчик приводит целый ряд выдержек из печати Франции, САСШ, Германии, лимитрофных стран и других, которые доказывают, что определенные круги не стесняются больше ставить открыто вопрос об экономической блокаде СССР. Весьма активную поддержку им оказывают социал-демократы и белогвардейские круги. Последние являются идеологами этого похода, им принадлежит авторство нелепейшей теории о советском политическом демпинге (Гензель, Бруцкус, Прокопович).

Что эта кампания является только этапом в подготовке интервенции против СССР, подтверждают материалы раскрытых контрреволюционных организаций, которые ставят перед общественным мнением всего мира вопрос об интервенции и войне. Когда вырисовываются конкретные интервенционистские планы Франции и зависящих от нее государств, говорит докладчик, когда ставится вопрос о сроках интервенции, о стратегических планах, о поводах и инцидентах, которые должны вызвать конфликт с СССР, тогда становится ясным смысл кампании, тогда нельзя больше ограничиваться обсуждением вопроса за или против демпинга.

В заключительной части своего доклада т. Гольдштейн подробно останавливается на тех обвинениях, которые мы вправе предъявить капиталистическим странам. Несмотря на официальное снятие блокады еще в 1921 г. и на официальное признание СССР, целый ряд стран не прекратил борьбы с нами, а только изменил ее формы.

На целом ряде примеров докладчик доказывал, что советская внешняя торговля до сих пор не имела, тех условий для своего развития, которые имеет любая другая страна, что для нее был создан особый режим торговли, что против нее применяются исключительные законы, что для сношений с СССР создаются специальные организации, которые ставят себе целью мешать развитию экономических взаимоотношений между СССР и капиталистическим миром и затруднять их. Мы имеем все основания, говорит докладчик, предъявить капиталистическому миру большой счет за то, что он применяет к нам недопустимые методы борьбы и причиняет нам большие убытки. На эту кампанию, заканчивает автор, может быть только один ответ: крепить оборону СССР, удешевить энтузиазм в социалистическом строительстве, в повседневной работе сплотиться теснее вокруг ВКП(б) и Коминтерна.

Цецелия Рабинович

НОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ТЕОРИИ ИСКУССТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И МАРКСИЗМ¹

Милостивые государыни и милостивые государи, задача моего доклада, который я читаю в качестве представителя марксизма, приехавшего сюда из СССР, конечно не может состоять в отчете о новых явлениях в теории европейского искусства — отчете, который мог бы вам сказать много нового и претендовать на какую-нибудь полноту даже в пределах того незначительного времени, которое отведено здесь ораторам. Моя задача скорее сводится к тому, чтобы представить конгрессу некоторое краткое резюме того предмета, который, как я думаю, для большинства его членов является более или менее известным, т. е. основных принципов марксистской концепции искусства и его эволюции, марксистской философии истории искусства. Я тем более считаю себя в праве представить вам краткое резюме этой теории, что именно в России имели место главнейшие работы в этой области, притом в значительной мере в последнее время, после взятия пролетариатом власти. Я не имею конечно в виду убедить мою аудиторию, обращаясь к ней с моим докладом, но я надеюсь возбудить интерес к работам русских марксистов, которые выбрали искусство и литературу в качестве предмета своих изысканий, и привлечь специалистов к более близкому изучению результатов наших научных усилий.

И все же я посвящаю первую часть моего доклада, к сожалению столь краткого, эскизу общей картины европейской науки об искусстве. Я делаю это для того, чтобы нарисовать фон, на котором выделяется силуэт чисто марксистской теории искусства, т. е. искусства как общественного феномена, как общественного усилия, и законов, регулирующих его эволюцию.

Проф. Эрматингер недавно опубликовал том весьма замечательных статей, который носит название «Философия науки о литературе». В предисловии проф. Эрматингер, сам редактировавший этот том, характеризует состояние современной немецкой литературы столь прозрачно и правильно, что я ограничусь цитатой из его слов:

«Положение германского литературоведения в настоящем так запутано, как никогда со времени образования самого понятия этой науки. В ее разнородности отражается разорванность всего духовного и политико-экономического бытия. У нас нет никакой объединяющей идеи. Методы, школы, направления борются между собой с огромной остротой и противоречиями, очень часто даже не понимая друг друга. Даже самые простые логические основания литературного суждения настолько шатки, что самые странные мысли приходят в голову по поводу времени, отличающегося такими чертами, времени, которое однако непрестанно слышит слово

¹ Доклад, прочитанный на Оксфордском съезде философов в августе 1930 г. Ред.

«философия» из уст всех людей, хоть как-нибудь участвующих в духовной жизни страны».

Я позволю себе утверждать, что сказанное проф. Эрматингером относительно философии истории литературы может быть применено ко всей науке об искусстве не только в Германии, но и во всей Европе.

Можно уверенно сказать, что в этой области научной мысли нет ничего особенно нового или оригинального за последние 50 лет, т. е. последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX в. Теоретики и новые историки искусства в большинстве случаев значительно превосходят своих предшественников богатством фактов, имеющихся в их распоряжении. Они часто производят на нас впечатление выработанностью формальной логики и точностью терминологии. Тем не менее все современные ученые, работающие в этой области, являются более или менее блестящими эпигонами тех оригинальных гениев, которые работали в эпоху великого прогресса буржуазной культуры.

Гигантские успехи капитализма, начиная с XVIII века, нашли свое отражение в науке об искусстве в виде трех последовательных концепций, которые доминируют над теоретической работой мыслителей наших дней. В настоящее время они переплелись, то следуя одна за другой, то разветвляясь одновременно и давая часто место полемике, аргументация которой все же не включает в себе ничего существенно нового или оригинального.

Что касается двух первых концепций, то они в особенности широко и полно отразились в германской философии. Не надо слишком удивляться, что именно Германия XVIII века, страна относительно отсталая, опередила в этом отношении другие. Интеллигенты германской буржуазии этого времени — буржуазии, правда, еще очень угнетенной, но; становящейся все более серьезным фактором общественной жизни, как блестяще сказал об этом уже Генрих Гейне, были удалены от активной жизни самой мелочностью политического и экономического состояния мелкого германского государства. Они были лишены возможности непосредственно участвовать в общественной борьбе, которая уже играла главенствующую роль в жизни их английских и французских собратьев. Таким образом по счастью или по несчастью у немецкой буржуазной интеллигенции было очень много свободного времени, чтобы отдаться философским размышлениям. Вот почему например Гельвинус, в котором воплощались изменения, происшедшие в этом отношении после революции 1848 года, прежней гордой, но, по правде сказать, довольно двусмысленной характеристике германского народа как «народа мыслителей и поэтов» противопоставлял свой несколько пессимистический вывод: «Мы бедны делами, хотя и богаты мыслями».

В то время как французские энциклопедисты и их английские предшественники нашли представление о мире весьма реалистическое и активное и постоянно имели в виду идею овладеть материальной природой вещей и элементарными силами, немцы развернули свои колоссальные, великолепные, глубокие, но чисто идеалистические, метафизические системы. Они всегда старались утверждать первенство и трансцендентальное могущество духа.

Авторы этих идеалистических концепций были бессознательно, но глубоко убеждены в реальной слабости своего класса (буржуазии) во всем, что касалось материальных вопросов и социальных проблем.

Первая крупная идеалистическая система, которая вплотную занялась искусством и отметила его серьезное значение, однако система маложивизненная, была эстетическая концепция, сформулированная Кантом в его знаменитом трактате «Критика силы суждения».

Главная тенденция этого трактата заключается в том, чтобы оторвать искусство от его реального и общественного содержания и в то же время всячески преувеличить значение формы, перенести искусство в царство чистых и священных форм, высоких уже в самой своей бесполезности. В глубине вещей это была резиньяция. Эту черту хорошо выразил великий и несчастный Шиллер, следовавший по пятам своего учителя Канта и с грустью констатировавший, что материальные вещи жестоко сталкиваются в пространстве, в то время как идеал в воображении соединяются и сосуществуют вполне дружелюбно в бесконечности возможностей фантазии и идеала.

Между тем германская буржуазия приобретала новые силы. Громы западной революции грозили потрясти крепкий фундамент общества. Германская метафизика меняла свой характер в связи с этими событиями. Для Шеллинга природа и история человечества представляют собою нечто единое, целостный процесс, полный кипучих сил. Искусство по Шеллингу образует как раз вершину изумительной всемирной лестницы существ и явлений, потому что оно выражает во всей чистоте подлинную сущность вещей. Громадный шаг вперед делает Гегель. Он проникает в самую глубину этого мирового процесса, он вскрывает его основной закон: контраст, т. е. единство противоположностей, борьбу внутренних сил, которые неизбежно развиваются повсюду и ведут каждую элементарную часть и все целое через муки творения к синтетическому единству, более высокому, во чреве которого уже таится семя последующих противоречий.

Только социальные революции этой эпохи позволили Гегелю открыть эту великую истину. А это дало ему возможность придать единство смысла всей истории искусства.

Конечно для Гегеля самая субстанция этого гигантского развития есть дух, а объективная природа представляет собою только платье, материю, непрозрачную для наивных, но не существующую для истинных мудрецов. Однако самый дух, признанный Гегелем за единосущий, есть дух живой, активный, динамический и революционный.

Еще шаг вперед, и некоторая часть германской интеллигенции — Фейербах, Энгельс, Маркс — в своих теориях изгоняют призрак абсолютного духа, который прятался у Гегеля за предметами и событиями реальности, и оставляют только природу как таковую, только самую реальность. Для них природа — это материя, т. е. единая, но динамическая субстанция, богатая бесконечными возможностями, разветвляющаяся путем антитез и синтез в громадный процесс вселенной, включая сюда мыслящие существа, объединенные в общество, и законы, руководящие его развитием.

Но ни германская буржуазия, ни буржуазия стран более социально развитых, опыт которых в огромной мере помог Марксу построить свой мастерской синтез, не смогли следовать за человеческой мыслью на этих новых путях. Буржуазия к этому времени становилась диктатором положения. Впредь она была заинтересована лишь в остановке революции. В общественной области новая марксистская доктрина предсказывала конец капитализма, неизбежное наступление социализ-

ма. Естественно, что глубочайший интерес буржуазного класса принудил отбросить эту истину, смертельную для него и его режима.

Но, отворачиваясь от марксизма, отбрасывая его, буржуазия все же не обращалась сразу, в особенности в общественно-прогрессивных странах, к идеалистической реакции. Капиталистическая буржуазия была слишком заинтересована в развитии точных наук, в результате которых она получала множество технических изобретений. Это заставляло ее быть до известной степени верной реалистическому духу.

Так возник позитивизм: ограниченный, скептический, агностический, раб реальных фактов. Система, способная лечь в основу технических процессов, но с точки зрения общественности — консервативная. Этот-то компромисс нашел свое выражение в теории искусства и его эволюции, которая была развернута с замечательным талантом великим консервативным позитивистом — Ипполитом Тэнном. Тэнновский позитивизм, поддержанный влиянием английского позитивизма (Джон Стюарт Милль, Спенсер, Гранд Аллен), имел большой успех и в течение некоторого времени господствовал.

Но, мало-помалу он потерял свой характер могучей, хотя ограниченной и плоской системы. Он выродился в ту «малую науку», честную, близорукую и гордящуюся своей собственной бескрылостью, которую мы так хорошо теперь знаем.

Мы дали краткий, но точный отчет в исторических основаниях, на которых выросла современная наука об искусстве. Бросим же взгляд на нее. Никто не может отрицать, что она развивается в рамках тех трех концепций, на которые я уже указывал.

Современная буржуазия не имеет больше идеалов; в течение уже долгого времени она не требовала от искусства никакого идеологического содержания. Искусство стало совершенно формальным. Оно стало отрицать мысль, чувство и воспроизведение объективных вещей. Все более и более оно стремится рафинировать игру форм. Проф. Пассарг в своей опубликованной книге сделал по этому поводу ряд знаменательных замечаний. Он говорит: «Формализм в теории и истории искусства представляет собою такую параллель к формализму в искусстве в конце XIX столетия. Оно отличалось высокой оценкой чувственно воспринимаемого и решительно отвергало все духовное, творчески поэтическое, провозглашая освобождение от «значения» имманентного непосредственного зрения».

Формалистическая школа господствовала в науке об искусстве довольно долго. Именно к ней принадлежат самые крупные теоретики вчерашнего и сегодняшнего дня: Ригль, Вельфлин, Целен, Панофский и многие другие.

В нашей стране также существуют представители формалистического движения.

Между крупными европейскими формалистами одни (как Целен, Панофский) ищут возможности построить а priori универсальный метафизический принцип искусства и извлечь из него все возможности искусства. Другие строят свои системы на почве той или другой полярности. Так Алоиз Ригль построил философию истории искусства на полярности чувств геоптических и оптических. Он видит в истории искусства прогресс человеческого глаза как такового. Вельфлин противопоставляет линию цвету, принцип графический принципу живописному. Коон-Винер находит господствующий контраст в

противоречии тектонического и контртектонического принципов, т. е. принципов конструктивного и деструктивного. Но все эти полноты отнюдь не обнимают всего разнообразия подлинной жизни искусства и кроме того ни в малой мере не объясняют самого движения его истории.

Конечно во всех этих концепциях имеется по известному зерну истины, но к чему сводится эта истина? К наблюдению движений, существующих в подлинной действительности и ведущих от простого к сложному, от стойкого и определенного к подвижному и неопределенному, от коллективных усилий к свободному индивидуализму. Но это движение есть только необходимое отражение развития человеческого общества от феодализма к капитализму.

Весь прогресс этого рода мы находим только там, где прогрессирует техника промышленности и торговли, и только там. Формалисты же ищут причины этих изменений в каких-то внутренних и принципиально необъяснимых силах искусства как такового. Между тем проф. Вульф доказал например несостоятельность теории Ригля. С совершенной очевидностью показал он, что не существует никакого, так сказать, физиологического развития человеческого глаза за последние столетия и даже тысячелетия. Менялись точки зрения, психологическая апперцепция вещей, и все это менялось под давлением существенных же изменений в общественном строе.

В последнее десятилетие в Западной Европе заметно явное падение престижа формализма. Можно даже утверждать, что варианты на гегелевскую тему вытесняют варианты на тему кантовскую.

Однако каковы причины этого движения? Европейская буржуазия теперь уже открыто вступила на путь реакции. Формальное искусство, к которому отсталая часть буржуазии еще привержена, в глазах передовой в своем смысле, т. е. наиболее реакционной, буржуазии кажется фривольной игрушкой. Эти руководящие слои буржуазии вновь требуют, чтобы искусство сделалось оружием.

Буржуазия одержима страхом перед революцией. И вот она хотела бы заставить массы и молодежь вернуться к той или другой старой религии или религии, специально изготовленной, под сень какого-нибудь идеализма, который оправдал бы современный социальный строй иррациональными аргументами, так как разум сделать этого не может. Под влиянием этих-то политически утилитарных целей буржуазии, которые разворачиваются с часа на час на наших глазах, теории искусства идеологически начинают побеждать формализм. Сам Ригль, один из величайших мастеров формализма, к старости переключился на эту точку зрения. Крупный чешский ученый Дворжак опубликовал поистине замечательные труды о сущности средневекового искусства. К этой же тенденции принадлежит Дильтей, Ноль и многие другие. Мы видим также в Англии возрождение карлейлизма.

Но, присмотревшись ближе ко всем этим идеологическим течениям, вы замечаете, что они питают особенный интерес именно к средним векам. Только оттуда заимствуют примеры для того, чтобы доказать верность новых теорий.

«Художественная воля» Ригля, смысл которой долгое время оставался совершенно неопределенным, теперь объяснена. Эта «воля» вытекает согласно новым теориям из «миросозерцания», т. е. общего представления художника о мире.

Но неужели возможно не спросить себя: каковы же причины появления той или иной философии, мирозерцания? что объясняет собою ее жизнь и развитие, ее вырождение, ее смерть? Никакой попытки ответить на это у нынешних историков, идеологов, теоретиков искусства нет. Невольно спрашиваешь себя также и о том, почему мирозерцание новых теоретиков придерживается исключительно религиозных систем?

Конечно победа идеологической эстетики над эстетикой формальной была бы большим прогрессом, если бы она не совершалась в условиях, которые показывают явную тенденцию толкнуть искусство на службу более реакционной пропаганде.

Я не стану здесь настаивать на сказавшемся в последнее время усилении позитивистической эстетики, я не знаю, насколько Пиндер в своей теории поколений или Дене, заимствуя свои принципы из биологии, способствовали вопросам просвещения и истории искусства.

Во второй части моего доклада я буду говорить о марксистской концепции искусства, как она утверждает себя в России. Но я не могу пройти молчанием большой заслуги немецкого марксиста Гаузенштейна, писателя, блестящий стиль которого нас увлекает, социологические работы которого несомненно нам близки и значительно обогатили наши познания. Но мы, русские марксисты, полные активности и оптимизма, скорбим по поводу неточности мысли, падений и пессимистических кризисов, которыми страдает этот замечательный мыслитель. Во всяком случае Гаузенштейн, согласно нашему суждению, значительно превышает по ясности и плодотворности своей мысли всю современную философию искусства.

Теперь позвольте мне перейти к очень схематическому отчету о марксистской теории искусства.

В течение долгого времени в России прогрессивная мысль и свободные чувства были угнетаемы цензурой и находили свое выражение почти исключительно в беллетристике. Наши поэты и наши романисты разъясняли и развешивали перед лицом огромного круга читателей эти — данные в образах — освободительные начала. Критика же играла роль посредника между большой публикой и великими писателями. Именно комментируя литературные произведения, подлинные пророки русского народа — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, — высказывали свои глубокие принципы. Совершенно правильно утверждают, что Белинский и Чернышевский в наше время были бы чисто политическими вождями и может быть совсем не заботились бы о теории искусства, которая по условиям их времени заняла такое исключительное место в их трудах. Эти два человека определили основные принципы русской теории искусства, и напрасно в последующие десятилетия русские идеалисты старались пошатнуть созданные ими устои.

Можно очень кратко резюмировать их принципы в таких двух формулах:

1. Искусство не может быть здоровым и плодотворным иначе, как содержа в себе воспитательную силу и становясь на службу поднятия интеллектуального и морального уровня своей страны.

2. Всякое искусство выражает себя путем образов. Только этим способом может оно волновать человека и влиять на его развитие. Искусство само себя ослабляет и удаляется от своей цели, если оно позво-

ляет себе прибегать к прямой пропаганде и выдает свои утилитарные тенденции.

Нечего и говорить, что оба эти пункта имели в себе нечто просвещенское, весьма родственное идеям великих пропагандистов, авторов французской «Энциклопедии» конца XVIII века. Первый представитель марксистской мысли в области искусства Плеханов критиковал именно эту сторону идей своих предшественников, оставляя во многом их теории неприкосновенными. Он утверждал с особенной настойчивостью, что наука об искусстве не может пользоваться категориями желанного и должного. Она должна быть подлинно объективной и описательной наукой. Задача ее — объяснить происхождение каждого феномена в истории искусства, понять его в его необходимости и закономерности, представить его как продукт общественной жизни. Таким образом Плеханов создал социологическую и генетическую школы философии искусства.

Но что такое само искусство по Плеханову, что такое эстетическое чувство? Кант утверждал, что это чувство есть движение духа, совершенно лишенное какой бы то ни было связи с понятием полезности. Чернышевский стоял на совершенно противоположной точке зрения. Эстетическое чувство было для него только особым родом утилитарного суждения. Плеханов нашел здесь новый путь, формулируя его так:

«Разумеется, не всякий полезный предмет кажется общественному человеку красивым; но несомненно, что красивым может ему казаться только то, что ему полезно, т. е. что имеет значение в его борьбе за существование с природой или с другим общественным человеком. Это не значит, что для общественного человека утилитарная точка зрения совпадает с эстетической. Вовсе нет! Польза познается рассудком; красота — созерцательной способностью. Область первой — расчет; область второй — инстинкт. Притом же — и это необходимо помнить — область, принадлежащая созерцательной способности, несравненно шире области рассудка: наслаждаясь тем, что кажется ему прекрасным, общественный человек почти никогда не отдает себе отчета в той пользе, с представлением о которой связывается у него представление об этом предмете. В огромнейшем большинстве случаев эта польза могла бы быть открыта только научным анализом. Главная отличительная черта эстетического наслаждения — его непосредственность. Но польза все-таки существует; она все-таки лежит в основе эстетического наслаждения (напоминаем, что речь идет не об отдельном лице, а об общественном человеке); если бы ее не было, то предмет не казался бы прекрасным».

Таким образом совершенно неосознанное, кажущееся непосредственным и формальным, суждение личности (общественной) объясняется тем не менее глубокой связью критериев, бессознательно применяемых лицом, оценивающим произведение искусства, с общими часто интересами, с основными жизненными тенденциями социального целого, которые в конце концов являются наиболее крепкими из всех утилитарных оценок.

Плеханов в своих работах по искусству доказал огромным количеством разнообразных примеров зависимость каждого стиля, каждой школы, каждого художника, каждого произведения от экономической

базы данного общества. Однако нельзя достаточно настаивать на том, что Плеханов отбрасывал самым решительным образом упрощенную точку зрения, согласно которой можно выводить самые сложные и тонкие выражения человека, какими являются искусство или философия, непосредственно из анализа производительных сил данной эпохи и страны. По Плеханову экономическая база непосредственно определяет и объясняет существование тех или других классов в обществе, положение каждого из них, пропорциональную силу их, возвышение одних и падение других.

Существующие классовые взаимоотношения определяют их политику, жизненный интерес классов. Под влиянием этих интересов формируется вся психология класса, и уже эта последняя непосредственно отражается в идеологической культуре, включая сюда искусство. Нельзя не пожалеть горько, что труды Плеханова не переведены на иностранные языки и не находятся в распоряжении людей, не владеющих русским языком.

Наиболее систематическое произведение, которое мы имеем в области науки об искусстве за последнее время, это «Социология искусства» недавно умершего В. М. Фриче, профессора Московского университета, члена Коммунистической академии и Академии наук СССР. Это теоретическая работа, отсутствие перевода которой на западно-европейские языки тоже является значительным пробелом. Книга Фриче не очень велика — она содержит всего 200 страниц, — но богатство идей, которые она содержит, огромно. Едва появившись, это посмертное произведение разошлось во множестве экземпляров и служит главным орудием в нашей дальнейшей работе.

Первый вопрос, который Фриче ставит перед собой, таков: какова общая цель социологии искусства? И он отвечает на этот вопрос, цитируя слова историка бельгийского искусства Микиельса из предисловия к его огромному сочинению «История бельгийской живописи» (1847 г.). Микиельс говорит там, что невозможно понять искусство той или другой эпохи, не приняв во внимание общественные условия, от которых оно зависит. Установка правильного взаимоотношения между социальным порядком и искусством разрешает великие проблемы социологии и искусства.

Так же ставит свою задачу и Фриче, но на этот раз она уже покоится на солидных основах марксистской социологии, которая в эпоху Микиельса была еще только „in statu nascendi“ (как известно, «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса вышел в следующем за трудом Микиельса году).

Основной вопрос социологии искусства для русской школы ставится поэтому так: какого рода искусство соответствует определенным периодам истории человеческого общества?

Вот как сам Фриче резюмирует основное содержание своей книжки:

«Наша задача ответить на поставленный некогда Микиельсом вопрос: «Какое искусство соответствует отдельным периодам в истории развития человеческого общества». Однако мы не придерживаемся строго исторической точки зрения, которая обязывала бы выяснить, какое искусство закономерно соответствует отдельным сменявшимся друг друга общественно-экономическим формациям, большинство из коих повторялось в ходе развития человечества — охотничий строй в палеолите и у современных охотников Африки и Австралии, перво-

начальное земледелие в неолите и у современных «дикарей», феодально-земледельческо-жреческая общественная организация в Египте, в архаической Греции, в средние века на Западе, абсолютистские общества в эпоху эллинизма, в Европе в XVI, XVII, XVIII столетиях, наконец буржуазное общество в Греции классического периода, в Италии и Нидерландах XV—XVII вв., в Европе второй половины XIX в. Так как одинаковые или аналогичные общественно-экономические организации должны порождать одинаковые или аналогичные типы искусства, то эти повторяющиеся общественно-экономические организации нами и рассматриваются одновременно, несмотря на то, что они разделены географическими условиями и хронологическими датами. При таком рассмотрении легко установить повторяемость известных художественных типов, жанров, тем, стилей при наличии одинаковых или схожих общественных условий. Рассматривая искусство этих повторяющихся неоднократно в истории человечества общественных формаций, мы однако не освещаем в каждом отдельном случае самое искусство со всех его сторон, во всех его проявлениях, а исходим из отдельных его сторон, чтобы показать, какое они получали выражение и решение на разных ступенях общественного развития. Сначала делается попытка показать, как на разных ступенях общественной эволюции менялась некоторым образом социальная функция искусства, оставаясь по существу одинаковой всегда как некое средство организации социальной психики и социальной жизни. Далее устанавливается, как на разных ступенях общественного развития менялись в зависимости от господствующих форм хозяйства форма художественного производства и вместе с тем положение производителей художественных ценностей. Далее ставится вопрос о закономерном характере процесса расцвета и упадка искусства на протяжении всей истории, тот вопрос, который был поставлен впервые еще в XVIII в. аббатом Дюбо. Две следующих главы освещают вопрос о двух основных видах искусства: об искусстве синтетически-монументальном и о распаде этого синтеза и в связи с последним вопрос о преобладании в известные периоды своего рода пластических искусств, в иные — других. Далее рассмотрены в их социологической обусловленности два основных стиля в архитектуре (конструктивный и деструктивный), два основных типа живописи (линейный и колористический) и два основных стиля в живописи и скульптуре (идеалистический и реалистический).

Вы таким образом ясно видите, что Фриче вовсе не проходит мимо тех полярностей, которые были наблюдаемы формалистами западно-европейской мысли, но для всех этих полярностей он находит чисто социологическое объяснение.

В конце своей книжки автор пытается найти характер искусства, возникающего в самые последние времена, искусства, соответствующего индустриализации, дошедшей до своей крайности, искусства современного общества, представляющего переходную ступень к социализму.

Общественные явления, которые служат для Фриче основой его объяснения истории искусства, есть не что иное, как повторение, то фрагментарное, то более или менее полное, известных моментов эволюции в общем потоке истории человечества. Именно эта концепция

и позволяет ему внести порядок в беспокойное и хаотическое разнообразие, каким поражает с первого взгляда история искусства.

Я хотел бы привлечь еще внимание аудитории к одному замечательному методу автора, который кажется мне прекрасным. Он заставляет свидетельствовать в пользу своей тесрии самых выдающихся теоретиков европейской мысли, отнюдь не адептов, а иногда даже явных врагов марксизма. Люди, подобные Тэню, Гроссу, Вельфлину, Коон-Винеру, Бюхеру, Мутеру, Рейнаку, Воррингеру, приходят каждый в свою очередь, чтобы засвидетельствовать с силой и блеском правильность того или другого тезиса Фриче. Каждый из них прибавляет какой-нибудь солидный камень к зданию, которое он строит.

Явление это легко объяснить. Каждый из этих авторов имел общую концепцию, ошибочную и недостаточную, но в отдельных деталях их суждения часто отличаются замечательной зоркостью и точностью определения. Все эти *membra disiecta* истины, словно куски золота, разбросанные в рудах и шлаках, как бы могучим магнитом соединяются в одно, раз найден основной принцип этой истины, способный объединить все элементы в стройное целое.

Я изложил здесь, насколько это возможно в чрезмерно узких рамках доклада, основные принципы марксистской школы, созданной Плехановым и Фриче. Эта школа живет и развивается с большой силой. Десятки молодых ученых, обладающих истинным талантом, посвящают свои усилия продолжению их великого дела.

Недавно организованный Институт искусства, литературы и языка, представляющий собою отделение Коммунистической академии, является центром этой работы. Коммунистическая академия опубликовала уже несколько томов специальной «Энциклопедии литературы», которая будет содержать в себе 10 или 12 томов и должна быть закончена в течение самых ближайших годов. Так же точно «Большая советская энциклопедия» посвящает значительную часть своих статей вопросам искусства. В этих энциклопедических публикациях мы стараемся определить наши принципы, создать нашу новую терминологию, подвергнуть самой объективной критике то, что создано другими социологами. Это самая настоящая переоценка ценностей в области искусствоведения всех стилей, событий, исторических фигур, великих произведений искусства. Эти поучительные и интересные издания находят восторженный прием у широкой публики. Они являются продуктом работы большого количества сотрудников, главным образом молодых людей, горячих и настойчивых, выражающих здесь первые свои усилия, которые, как я уверен, волеют новую жизнь в историю и теорию искусства.

А. Луначарский

КОНГРЕСС СОЮЗА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В Кенигсберге состоялся очередной конгресс Союза социальной политики.

60 лет тому назад буржуазные экономисты во главе с профессорами Густавом Шмоллером, Адольфом Вагнером, Луи Бретано, Густавом Шенбергом и др. учредили Союз социальной политики. Протрамма Союза гласила: «Социальные реформы в пределах существующего хозяйственного строя». В ответ на возникшее самостоятельное рабочее движение буржуазные профессора организовались, чтобы путем проповеди с высоты академической кафедры отвести внимание рабочих от классовой борьбы и побудить буржуазные государства путем уступок и подачек преградить дорогу поднимающемуся рабочему движению. Эта группа профессоров, к которой впоследствии прикнули также Вильгельм Рошер, Гильдебранд, Конрад, Кнапп, Карл Бюхер и др., собиралась каждые два года на конгрессы, на которых обсуждались экономические вопросы. Организация их производила также анкетные вопросы, изучала положение германского хозяйства в различных отраслях его и публиковала свои работы в специальном издании «Schriften des Vereins für Sozialpolitik».

Вместо постановки общих теоретических вопросов, германские экономисты того времени, принадлежавшие к так называемой «исторической школе», посвящали себя всецело изучению конкретики хозяйственной жизни, изучению каждой отрасли чуть ли не в каждом городе в отдельности. Это они дали пароль. «Изучать положение каждого ремесла в каком-либо Эйслебене или другом городке Германии гораздо важнее, чем решать мировые проблемы о судьбах человечества». Против них выступали тогда еще молодые доценты Вернер Зомбарт и Макс Вебер, требовавшие постановки общих вопросов о «принципах и нормах» развития экономической жизни. Тихо и спокойно носился по волнам социально-политической жизни довоенной Германии корабль Союза социальной политики, погружившийся в изучение положения ремесла, судохозяйства, коммунальных предприятий, вопросов о налогах и др. подобных вопросов, не решаясь даже ставить вопросы о социальных реформах, как об этом широковещательно заявляли катедер-социалисты, основатели Союза.

Союз социальной политики представлял собою замкнутую цеховую организацию университетских профессоров и доцентов, куда общественность совершенно не проникала. Каждый молодой экономист, наметивший для себя карьеру ученого в Германии считал своим долгом стать членом этой организации, если он не хотел рисковать поставить себя вне официального академического мира. После войны круг членов Союза несколько расширился. В нем появились новые люди: наряду с университетскими академиками в нем стали появляться деятели промышленности и банков, ответственные государственные

мужи. Среди них мы встречаем и социал-демократов, которые до войны не имели никакого отношения к этой организации. Рудольф Гильфердинг и Эмиль Ледерер неоднократно выступали на конгрессах этой организации¹.

После войны Союз пытался оживить свою деятельность постановкой более общих вопросов. На последних двух конгрессах, в 1926 и 1928 гг., обсуждались даже такие вопросы, как вопрос о кризисе мирового хозяйства, о судьбах капитализма вообще. На последнем конгрессе Союза в Цюрихе Вернер Зомбарт произнес свою нашумевшую речь об умирающем капитализме.

Очередной конгресс состоялся в Кенигсберге. Выбор места заседания конгресса не является случайным. Предшествовавшие два конгресса происходили в Вене и Цюрихе. Правда в Союз входят не только профессора и доценты германских университетов, но и все университетские академики, говорящие на немецком языке, т. е. профессора австрийских и швейцарских университетов. Но тот факт, что последние два конгресса состоялись за пределами Германии, свидетельствует лишь о том, что вопреки вивисекции, произведенной версальской системой над Германией, буржуазный экономический мир демонстрировал, что узы духовной жизни его простираются далеко за границы, установленные Версалем. Организацией конгресса в Кенигсберге Союз также преследовал определенные цели: польский коридор отрезал Восточную Пруссию от остальной Германии и поставил ее в очень тяжелое экономическое положение. «Восточный вопрос» в Германии особенно обострился в связи с мировым кризисом и кризисом, который сейчас переживает германский капитализм. Вопрос о «восточных границах» для буржуазной Германии приобретает особенно актуальное значение, о чем свидетельствует «неосторожное» выступление германского консервативного министра Травенарнуса еще за несколько месяцев до начала заседания конгресса. Это заведывавший также и бургомистр города Кенигсберга в своем приветствии конгрессу, призывая участников конгресса «особенно близко принять к сердцу судьбу Восточной Пруссии, что является вопросом, интересующим всю Германию в целом». Президент австрийской республики Райниш, который — должно быть также не случайно — оказался в числе гостей на конгрессе, выступил на банкете, устроенном в честь делегатов конгресса с речью, в которой он довольно прозрачно заявил: «Я надеюсь, что германский народ в скором времени объединится в великое, единое целое»².

Такова прелюдия конгресса, которая отражала идеологию возрождающегося империализма в Германии. Сам конгресс посвятил свои заседания более злободневным вопросам, продиктованным германской действительностью — экономическим кризисом и аграрным кризисом. В порядке дня основным вопросом были: «основы и границы социальной политики», «земельная нужда и восточный вопрос», «жилищный вопрос и безработица».

Из расширяющегося, углубляющегося и обостряющегося кризиса германская буржуазия ищет выхода, в первую очередь за счет рабо-

¹ На последнем конгрессе в правление Союза были избраны вожди с.-д. профсоюзов: Тарнов, Умбрейт и Коген.

² „Ostpreussische Zeitung“ от 25 сентября 1930 г.

чего класса. Путем снижения издержек производства и в первую голову зарплаты буржуазия надеется увеличить конкурентоспособность германской промышленности и расширить сбыт своих товаров. Уже несколько лет, как германская буржуазия постоянно жалуется на «социальные траты», которые германское правительство наложило на народное хозяйство Германии. Буржуазия добивается сокращения страхования от безработицы и других видов социального страхования. Это — одна из основных линий, по которой идет наступление германской буржуазии на жизненный уровень германского рабочего класса для снижения его реальной заработной платы.

Вполне понятно, что на помощь буржуазии приходит буржуазная экономическая наука, которая должна теоретически «обосновать» пути развития социальной политики. Поэтому и был поставлен на конгрессе вопрос об «основах и границах» социальной политики. Рефераты по этому вопросу было поручено сделать двум представителям «крайних полюсов», как писала буржуазная пресса — реакционнейшему профессору Мюнхенского университета Адольфу Веберу и социал-демократу, профессору Гамбургского университета Эдуарду Гейману. Они должны были в своих докладах осветить поставленный вопрос с точки зрения различных мировоззрений, как это рекомендовал председатель Союза Эккарт.

Адольф Вебер известен своей объемистой работой «Борьба между трудом и капиталом», которая выходит уже пятым изданием; по существу эта работа является теорией не борьбы, а примирения интересов труда и капитала, и таким образом Вебер является предшественником мондизма в Германии.

Адольф Вебер является одним из самых оголтелых защитников капитализма среди буржуазных экономистов. Он выступает ярким противником всякого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и в особенности «хозяйственной демократии», которая убивает инициативу, ответственность и любовь предпринимателей к труду, без которой не может развиваться ни одно предприятие⁸. Адольф Вебер также является противником Версальского договора и политики выполнения обязательств, принятых на себя германской буржуазией, в том числе и обязательств по плану Юнга. Он резко выступает против Веймарской конституции, которая возложила на государство «несвойственные ему задачи». Он пишет, что «экономическая политика Германии в 1918 — 1923 гг., вмешательства государства в хозяйственную жизнь, причинили хозяйству больше вреда, чем Версальский мир»⁹. Мы полагаем, что Адольф Вебер является вполне подходящим кандидатом для того, чтобы стать придворным экономистом Гитлера. Ему-то и поручил Союз социальной политики сделать доклад об «основах и границах» социальной политики.

В своем докладе Адольф Вебер не говорил о конкретных мероприятиях государства в той области, которую в буржуазных государствах принято называть «социальной политикой», а сосредоточил свое внимание исключительно на том вопросе, который сейчас занимает больше всего германскую буржуазию — на вопросе о заработной плате.

⁸ Adolf Weber, Ende des Kapitalismus, S. 83.

⁹ Его же, Wirtschaft und Politik, S. 13 и 21.

Для того, чтобы защитить интересы буржуазии в этом самом для нее существенном вопросе дать «научное» обоснование, докладчик пытался раньше всего обосновать «теорию социальной политики». Еще до войны Адольф Вебер вел широкую дискуссию с Зомбартом по вопросу о «предмете политэкономии». Зомбарт утверждал, что «учение о народном хозяйстве» (под этим Зомбарт понимает политэкономии) может изучать только то, что есть, в отличие от истории хозяйства, которая изучает то, что было, но оно ни в коем случае не может изучать того, что будет или что должно быть. Последнее относится к сфере «политического искусства» и является пророчеством, что не входит в задачи какой бы то ни было научной дисциплины. Поэтому Зомбарт (хотя он сам никогда не брезгает предсказанием будущего) экономическую политику не считает научной дисциплиной. Ведение хозяйственной политики, — уверял Зомбарт, — зависит от умения государственных деятелей и ничего общего не имеет с какими бы то ни было закономерностями и научными основами. Против этого ополчился тогда еще молодой Адольф Вебер, который требовал включения в «предмет политэкономии» круга вопросов, занимающихся тем, что будет и что должно быть sein soll), считая, что в основе их лежат научные принципы. Из этих теоретических предпосылок Адольф Вебер исходит в своем докладе, но предупреждает, что имеются лишь очень ограниченные «экономические свободные зоны» хозяйственной деятельности, на которые распространяется воля человека, которые последний в состоянии подчинить своей воле, в остальном действуют естественные законы экономического развития.

В основу своего доклада Вебер положил то избитое, вульгарное представление, что стоимость создается тремя факторами: трудом, землей и капиталом. Ввиду того, что земля и рабочая сила в каждое данное время ограничены, — рассуждает докладчик, — то увеличение стоимости зависит только от третьего фактора — от капитала. Поэтому, — умозаключает Вебер, — заработная плата находится в прямой зависимости от величины капитала: чем больше капитал, тем выше может быть заработная плата и наоборот. Отсюда вполне понятно, что согласно концепции Вебера рабочий непосредственно заинтересован в накоплении капитала. «Чем больше капитала в распоряжении общества, тем шире становятся экономические свободные зоны», говорил Вебер. Но самое пикантное при этом то, что в этих случаях Вебер всегда ссылается на изречение одного из современных вождей социал-демократии, на бывшего министра труда Висселя, который при праздновании десятилетия министерства труда заявил: «Доля рабочих может возрастать лишь при условии, если возрастает общий доход хозяйства»⁵.

С этим положением социал-демократа Висселя солидаризируется реакционнейший экономист Адольф Вебер, оно является для него основой всех основ «социальной политики». «Если это правило не нарушается, — говорил докладчик, — и хозяйственные мероприятия переходят границы свободных зон, то сама хозяйственная жизнь

⁵ „Grundlagen und Grenzen der Sozialpolitik“, S. 6, und Adolf Weber, Kapital und Arbeit, 1930, S. 422.

мстит за себя в дальнейшем»⁶. Эта месть выражается в том, что при чрезмерном увеличении заработной платы начинается сокращение капиталонакопления, начинается развал хозяйства (тут уже обратная зависимость между капиталом и заработной платой).

Адольф Вебер в этом докладе особенно резко выступал против «теории покупательной способности», против того, что некоторые буржуазные экономисты в настоящее время предлагают как выход из создавшегося тяжелого экономического положения, повышение заработной платы для того, чтобы на основе повышенной покупательной способности можно было бы расширить сбыт товаров. Вебер полагает, что такие меры являются не только временными, переходящими, потому что они не могут носить длительного характера, ибо они ведут к сокращению капиталонакопления и следовательно к ухудшению хозяйственного положения вообще, но являются крайне вредными. По Веберу нельзя также повышать заработную плату за счет «будущих благ» в расчете на то, что подъем хозяйства в дальнейшем (купит расходы, понесенные во время кризиса. Такая политика равносильна разрушительной политике инфляции. Теории Шумпетера и Гана об увеличении благ за счет кредита, — заявляет докладчик, — опровергнуты жизнью.

Противник Версальской системы Вебер тем не менее считает, что пока Германия должна платить репарационные платежи, она может покрывать их лишь за счет трудящихся, но не за счет капиталистов. Наложение репарационных тягот на предпринимателя ведет к уменьшению капиталонакопления и разрушению хозяйства. Автор этой теории при этом прибавляет, что ее разделяют все трезвые социальные политики современной Германии, включая социал-демократов⁷.

«Расходы нашего народа на непосредственное удовлетворение своих потребностей должны всегда оставаться в правильном соответствии к образованию капиталов» — одна из основных догм докладчика, и поэтому о повышении заработной платы в настоящее время даже речи быть не может. Адольф Вебер при этом опорочивает выступления Генри Форда, на которого одно время ссылались даже лидеры профсоюзов (Тарнов), в которых он заявлял, что общество заинтересовано в высокой заработной плате, ибо она ведет к повышению покупательной способности и увеличению сбыта товаров. Вебер заявляет, что так могут рассуждать только те фабриканты, которые производят предметы широкого потребления рабочих масс и повышением заработной платы надеются расширить сбыт своих изделий.

Адольф Вебер выступает не только против повышения заработной платы, но в этом же докладе он требует понижения заработной платы, подчеркивая при этом, что он имеет в виду реальную заработную плату⁸. Только такая политика понижения заработной платы может обеспечить конкурентоспособность германского хозяйства на мировом рынке и вести к увеличению капиталонакопления, к освобождению Германии от иностранной зависимости. «Не верю, что интересы наемного труда диаметрально противоположны интересам получения прибыли; удержанные в рамках конкуренции

⁶ „Die Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 182, S. 27.

⁷ Там же, с. 34.

⁸ Там же, с. 40.

интересы получения прибыли прокладывают дорогу экономическому прогрессу для всех трудящихся, в том числе и для наемных рабочих в узком смысле этого слова⁹.

Адольф Вебер является беспардонным защитником не только капитализма, но и монополистического капитализма. Во всех своих работах он выступает за неограниченную конкуренцию, а на самом деле он защищает неограниченную деятельность монополий¹⁰. Он протестует против ограничения деятельности монополий, так как по его утверждению монополии не устраняют конкуренцию, а усиливают ее. Он защищает деятельность монополистической организации во всех ее проявлениях. Даже тот факт, что во время настоящего кризиса монополистические организации снижают цены медленнее, чем свободные, некартелированные отрасли промышленности, Вебер объясняет тем, что в эпоху подъема они не могли использовать благоприятную конъюнктуру и поэтому должны во время кризиса остерегаться убытков. Кроме того, он считает существующую в Германии разницу между монополиями и свободными ценами в значительной мере фиктивной, так как монополистические организации продают свои изделия ниже установленных цен¹¹.

Адольф Вебер также оправдывает произведенную за последние годы, предшествовавшие кризису, рационализацию, которую многие буржуазные экономисты сейчас выставляют как причину кризиса; он различает при этом два вида рационализации: техническую и экономическую. Технической рационализацией он считает такую рационализацию, при которой имеются определенные технические преимущества. Экономической она становится лишь тогда, когда представляет собой известные выгоды с точки зрения понижения издержек производства. Поэтому не всякую машину, имеющую технические преимущества перед машинами, находящимися в действии, следует ввести в производственный процесс. Ее следует вводить лишь тогда, когда введение ее является экономическим выгодным. Эта теория оправдывает загнивание монополистического капитализма.

В заключительной части доклада Вебера содержится ряд резких выпадов против современной демократии и парламентаризма. Парламент он называет «кучкой представителей интересов (Interessenvertreter) и фантазеров». Общественное мнение, по Веберу, — это мнение масс, страдающих ленью мыслить». Он призывает экономистов сказать германскому народу, который находится в смертельной опасности, всю правду, сказать предостерегающее слово: необходимо большее взаимное доверие между рабочими и предпринимателями, между производителями и потребителями, между городом и деревней и больше доверия к народному хозяйству в целом — только это может вывести Германию из того положения, в котором она находится.

Что автор понимает под «народным хозяйством в целом», мы уже делили: это — капиталистический способ производства; его развитию должны быть подчинены все другие интересы. Основа «социальной

⁹ „Die Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, S. 50.

¹⁰ Подробнее об этом см. нашу статью „Буржуазные и с.-д. теории о конкуренции и монополии“ журнал „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 11—12, 1930.

¹¹ „Die Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 182, S. 45.

политики» лежит в накоплении капитала, и границами «социальной политики» является также возможность накопления капитала. В этом квинт-эссенция доклада Адольфа Вебера.

Мы остановились так подробно на изложении этой вульгарной, вульгарной до пошлости, апологетической концепции Вебера не только для того, чтобы выявить точку зрения одного из теоретиков германской фашизирующей буржуазии, но для того, чтобы в свете его мировоззрения еще сильнее оттенить точку зрения социал-фашизма, выразителем идей которого явился содокладчик по этому вопросу, Эдуард Гейман.

Эдуард Гейман, бывший секретарь комиссии по социализации при Каутском во время германской революции, известен своими недавно опубликованными книгами: «Социальная теория капитализма» и «Капитализм и социализм»; в этих своих работах он претендует противопоставить «экономической теории капитализма Маркса» свою собственную «социальную теорию капитализма». Гейман является постоянным сотрудником теоретических органов социал-демократических профсоюзов. Хотя он еще не является официальным теоретиком германской социал-демократии, но его уже можно рассматривать как одного из младших теоретиков социал-фашизма, который приобретает все больше влияния на его идеологию и теорию.

В своем докладе на конгрессе Эдуард Гейман был очень краток и весьма сдержан. Приспосабливаясь к аудитории, он по многим вопросам не договаривал того, что он писал за последние годы в своих книгах и журнальных статьях. Поэтому нам придется для выяснения его точки зрения сослаться не только на его выступление на конгрессе, но и на его другие работы.

Гейман начал свой доклад с того, что он в основном солидаризировался с докладом, а подчеркивал лишь свои расхождения (Abweichungen) по некоторым вопросам с Адольфом Вебером. Гейман вообще считает, что в современной теоретической экономике существует единодушие по всем основным проблемам. Это единодушие он видит в том, что все признают например действие закона спроса и предложения в ценообразовании. Разногласия Гейман находит лишь в объяснении причин изменения конъюнктуры: одни например объясняют происхождение кризиса недостатком капитала, а другие считают причиной кризиса излишек капитала. Но этим разногласиям Гейман не придает большого значения, так как обе точки зрения исходят из диспропорции между накоплением капитала и потреблением, что он и считает основной причиной кризиса¹².

Гейман в начале своего доклада сделал довольно интересное признание: экономическая наука, по его мнению, до сих пор была надпартийной и объективной, но «молодое поколение ученых в области социальных наук не верит больше в то, что ученый может или должен двигаться в безвоздушном пространстве; из-за такого утверждения наука потеряла руководство в жизненных вопросах. Каждый должен иметь свой штандорт, с точки зрения которого можно вести наблюдение; штандорт определяет эту точку зрения». Гейман глубоко ошибается: наука никогда не была ни беспартийной, ни объектив-

¹² Такую же точку зрения недавно развивал Фриц Нафтали, который теперь считается теоретиком с. д., в своей брошюре „Wirtschaftskrise und Arbeitslosigkeit“.

ной. Она служила классовым интересам буржуазии. Рабочий класс должен был создать свою собственную науку. Но разница между «старым» и «молодым» поколением буржуазных ученых состоит лишь в том, что старики говорили о своей беспартийности, а на деле защищали интересы буржуазии, а «молодые» перестали говорить о своей объективности, тем более что никто больше не верит в нее.

Социальная политика, — утверждает докладчик, как он и писал в прежних своих работах, — должна быть теоретически обоснована. «Социальная политика» не имеет своих собственных законов, она вытекает из общих законов экономического развития. «Капитализм подвержен социальной динамике», говорит Гейман. Маркс изучал, — уверяет Гейман, — только экономическое развитие капитализма, а он, Гейман, изучает и социальное развитие капитализма. Последнее выражается в социальном движении, которое и определяет собою социальную политику.

«Социальная политика» по Гейману находится по отношению к капитализму в «диалектическом противоречии»: она направлена против капитализма и в то же время она имеет своим фундаментом капитализм. В какой мере «социальная политика» Геймана является «диалектическим противоречием», выявляет мотивация автора «социальной теории капитализма», которой он обосновывает «социально-политическую необходимость» так называемой «социальной политики». В этом и выявляется «штандорт» Эдуарда Геймана. В своей книге «Социальная теория капитализма» он пишет: «Капитализм находится постоянно под угрозой потерять свою рабочую основу, потому что он покоится на эксплуатации людей в условиях свободы, которым он обещал дать полную свободу; он должен постоянно уступать требованиям рабочих масс для того, чтобы сохранить себя хотя бы в уменьшенной целостности»¹⁸.

Этого Гейман в своем докладе на конгрессе не говорил. Там он выявлял лишь «взаимозависимость между капитализмом и социальной политикой»; чем слабее капитализм, тем меньше может быть развита социальная политика и наоборот — примерно то же самое, что более откровенно говорил докладчик Адольф Вебер о взаимозависимости между заработной платой и капитализмом.

В своем докладе Гейман мимоходом затронул также нынешний экономический кризис. Причины этого кризиса по Гейману следующие: во-первых, общие для всех капиталистических стран причины (каковы эти причины, об этом содокладчик не говорил), во-вторых, бегство капиталов из Германии, вследствие неуверенности в устойчивости политического положения в стране и воздержания иностранных капиталистов от предоставления Германии кредитов; в-третьих, поздняя и форсированная рационализация; в-четвертых, монопольные цены, которые затрудняют сбыт товаров. Кризис, — говорит Гейман, — не снял, а обострил постановку вопросов социальной политики.

В современном обществе, — уверяет дальше содокладчик, — существует все-таки (!) социальная разница между доходом различных слоев населения. Монополии усиливают эту разницу. Капиталисты имеют монополию на средства производства, рабочие имеют моно-

¹⁸ Eduard Heymann, Die soziale Theorie des Kapitalismus, S. 136.

полию на рабочую силу (эту теорию Франца Оппенгеймера сейчас усиленно развивают все новые теоретики социал-фашизма — Браун-таль, Нельтунг и др.). Оба монополиста — предприниматели и рабочие — находятся в зависимости друг от друга. Один не может обойтись без другого. Предприниматель может отказать рабочему в предоставлении ему работы; рабочий может отказать предпринимателю в предоставлении ему труда, рассуждает Эдуард Гейман. Он даже пишет: «При этом рабочий должен быть благодарен, если ему удастся регулярно продавать свой труд и не слишком плохо продавать его»¹⁴. Гейман будто не знает, что рабочий продает свою рабочую силу, а не труд, и что он вынужден продавать ее и не может «отказать» в продаже ее.

Положение рабочего, — говорит Гейман, — зависит исключительно от спроса и предложения. Рабочий имеет возможность регулировать спрос и предложение. Для этой цели существуют профсоюзы. Но общество должно создавать условия, при которых рабочий будет с радостью выполнять свою работу. В этом — «гвоздь» постановки всех вопросов «социальной политики» и их разрешения согласно концепции Эдуарда Геймана. От условий труда зависит производительность труда, накопление капитала, а следовательно и развитие хозяйства вообще. Для создания наилучших условий и соответствующей обстановки, для наибольшей производительности труда рабочий должен быть привлечен к «активному соучастию в хозяйственной жизни», в этом заинтересованы капиталисты в неменьшей мере, чем рабочие. «Вместо господства частной собственности на предприятии должна быть создана трудовая конституция». Осуществление «хозяйственной демократии» Гейман представляет себе в двух направлениях: 1) «ограниченная монархия частной собственности на предприятии, при которой частная собственность, вследствие конституционных органичений не является в полной мере частной собственностью, но все-таки сохраняет свое господство, превращая рабочих в трудящихся граждан; 2) вращание капитализма путем социальной политики в полную социализацию, при которой труд изымается целиком из-под власти частной собственности»¹⁵. К этому Гейман еще прибавляет, что теоретически для осуществления «хозяйственной демократии» безразлично — пойдет ли развитие первым путем или вторым.

В концепции Эдуарда Геймана мы встречаем наиболее циничное, беззастенчивое признание необходимости «хозяйственной демократии» в интересах капиталистического предпринимателя и формулировку «конституционной монархии частной собственности» капиталистов на средства производства. В этом пункте Гейман дополнял докладчика Адольфа Вебера.

В своей книге «Социальная теория капитализма» Гейман еще писал, что путем «хозяйственной демократии» происходит «социализация капитализма снизу», о чем Гейман стеснялся говорить на конгрессе Союза социальной политики. В той же речи на конгрессе Гейман даже объявил себя «большим революционером», чем Маркс: Маркс хотел преобразовать общество «сверху путем экспроприации,

¹⁴ „Grundlagen und Grenzen der Sozialpolitik“, Duncker u. Humboldt, 1930, S. 51.

¹⁵ Там же, с. 54.

диктатуры, социальной революции», а Гейман требует «экономической революции... в недрах самого капитализма, на предприятиях в виде демократии, на предприятии (Betriebsdemokratien)¹⁶. Гейман считает «хозяйственную демократию» конечной целью рабочего класса.

Вполне понятно, что Гейман не выступал против выставленного докладчиком тезиса о необходимости понижения заработной платы. И в этом вопросе он вполне солидарен с докладчиком, но в других вопросах содокладчик идет даже дальше докладчика: он ведет наступление на рабочих по линии продолжительности рабочего дня.

Уже в целом ряде работ — «Теория 8-часового рабочего дня» и «Проблематика рабочего дня» — Гейман пытался «теоретически» доказать, что правительственное регулирование рабочего дня является насильем над трудом и носит чрезвычайно произвольный характер, так как интенсивность труда в разных отраслях промышленности и хозяйства различна, так как в одной отрасли за 8 часов работы рабочие зарабатывают больше, чем в другой отрасли за 9 часов и т. д.¹⁷. И общее нормирование рабочего дня не выравнивает условий труда. В чрезвычайно завуалированной форме Гейман пытается развить ту точку зрения, что для каждой отрасли промышленности имеется свой особый оптимум труда и поэтому рабочий день должен быть в каждой из этих отраслей другой. Гейман даже выступает против либерального буржуазного профессора Луи Брентано, который считает, что с введением 8-часового рабочего дня увеличивается производительность труда¹⁸.

В докладе на конгрессе Гейман развивал примерно тот же круг идей, что и в своих работах, добавив лишь к этому то, что руководители профсоюзов не верят в то, что сокращение рабочего дня ведет к увеличению производительности труда, и поэтому они настаивают на международном регулировании рабочего дня, чтобы не усиливать конкурентоспособности одной страны по сравнению с другой. Но эта ссылка на международное регулирование рабочего дня буржуазными государствами показывает только то, что профсоюзная бюрократия кладет в основу своей политики конкурентоспособность промышленности своей страны по сравнению с промышленностью других стран; этим снова подтверждается то, что она является выразителем интересов буржуазии, а не рабочих.

Весь смысл выступления Геймана по этому вопросу сводится к тому, что требование 8-часового рабочего дня, как он сам заявлял, является чисто политическим требованием и экономически не обосновано. Тем самым Гейман подготавливает общественное мнение к начавшемуся наступлению буржуазии и на продолжительность рабочего дня.

Таким же образом Гейман подкапывается под страхование рабочих от безработицы. В недавно изданной им книге «Капитализм и социализм» он пишет: «Страхование от безработицы имеет двойное влияние: удержание зарплат путем сужения предложения труда и субсидирование рабочих за счет имущих классов»¹⁹. Страхование

¹⁶ Eduard Heymann, Die soziale Theorie des Kapitalismus, S. 216.

¹⁷ Eduard Heymann, Kapitalismus und Sozialismus, S. 87.

¹⁸ Там же, с. 94.

¹⁹ Там же.

рабочих от безработицы Гейман приравнивает к демпингу. В своем докладе на конгрессе он говорил: «Оба снимают с рынка излишнее предложение, которое становится невозможным больше при повышенной монопольной цене, и тем самым делают его безвредным для удержания высоких цен»²⁰.

Гейман пока высказывается за страхование рабочих от безработицы, но мотивировка необходимости страхования, сравнение заработной платы с монопольной ценой и действия страхования с демпингом, которые делает при этом Гейман, уже широко открывают двери для атаки на самострахование и его размеры.

Выступления Адольфа Вебера и Эдуарда Геймана повидимому были согласованы, и соответственно этому между ними было в этом отношении известное разделение труда. «Теоретические основы» так называемой социальной политики у них одни и те же. Взаимозависимость между «социальной политикой» и накоплением капитала одна и та же, только Адольф Вебер ведет наступление главным образом на заработную плату, а Гейман на прочие условия труда (длина рабочего дня, страхование и т. д.), и утешает рабочих «хозяйственной демократией».

Дискуссия по этим докладам в отличие от других вопросов, обсуждавшихся на конгрессе, не имела места.

В предисловии к специальному изданию этих двух докладов председатель Союза Христиан Эккарт пишет, что оба доклада в основном сходятся, и подчеркивает значимость этого факта:

«Многих удивит то, что точка зрения защитника капиталистического хозяйственного строя и его мероприятий в области социальной политики сходитя со взглядами, которые здесь защищал сторонник окончательного преобразования существующей хозяйственной организации в смысле социалистической будущности»²¹. Так Христиан Эккарт характеризует Вебера и Геймана и солидарность в их взглядах, т. е. солидарность взглядов представителя фашизма и социал-фашизма.

Наибольший интерес представляет доклад Зеринга, известного советскому читателю своими трудами по аграрному вопросу и аграрному кризису в частности. Он выступал с докладом на тему «Международный аграрный кризис». Зеринг приехал на конгресс из САСШ, где он знакомился с состоянием сельского хозяйства; под впечатлением виденного им там, он освещал технические сдвиги, происшедшие за последние годы в сельском хозяйстве САСШ.

Причиной аграрного кризиса Зеринг считает исключительно развитие техники в сельском хозяйстве: широкое применение трактора, комбайна и, что он особенно подчеркивает, новые методы обработки земли и ведения хозяйства²².

«Мирохозяйственное значение новой сельскохозяйственной техники, которая полностью моторизовала и механизировала земледелие, — говорит Зеринг, — состоит в том, что она стала независимой от климатических условий», что она может быть применена и на тех

²⁰ „Grundlagen und Grenzen der Sozialpolitik, S. 62.

²¹ Там же, с. 90.

²² „Schriften des Vereins für Sozialpolitik, B. 182, S. 94.

землях, которые до сих пор считались совершенно непригодными к обработке, что наконец применение ее дает большое снижение издержек производства. Под пшеницей в САСШ за последние годы засеяна новая площадь в 40 млн. акров (16 млн. га), т. е. в 1,5 раза больше, чем вся посевная площадь под пшеницей в Германии.

Сокращение издержек производства выражается прежде всего в уменьшении количества затрачиваемого труда: там, где раньше требовалось 11½ часов, сейчас благодаря применению машин затрачивается только 1¾ часа. К тому же еще цены на крупные машины (тракторы, комбайны) все время снижаются и в дальнейшем будут еще больше снижаться.

Но такие машины применимы лишь на участках не меньше 120 га, что является границей снижения издержек производства; на меньших участках применение машин и новой техники уже не дает экономии в издержках производства, а даже наоборот увеличивает их. Себестоимость пшеницы на крупной ферме в Канзасе размером в 400 га, применяющей машинный способ обработки земли и усовершенствованную технику, составляла 37 центов за бушель, т. е. 5,70 марок за 100 кг. Даже при пониженной цене, которая сейчас существует на мировом хлебном рынке, в 68 центов за бушель, или 10,5 марок за 100 кг такие хозяйства не только не терпят убытка, но могут еще и производить со значительной прибылью; поэтому хозяйства, применяющие новую технику, в ближайшие годы вопреки падению цен и развитию аграрного кризиса будут расширяться, что еще больше усилит и обострит аграрный кризис. «В силу этого, — говорит Зеринг, — надо считать чрезвычайно тяжелым состояние европейского земледелия»²³.

Применение новейшей техники, — полагает Зеринг, — имеет место и в других отраслях сельского хозяйства (животноводство, птицеводство, молочное хозяйство, технические культуры и т. д.), — хотя в меньших размерах, и она развивается менее быстрым темпом.

Зеринг считает, что для применения машин и новой техники в сельском хозяйстве вовсе не требуется создания крупных хозяйств. При этом он подчеркивает, что советские аграрники-специалисты, придерживаясь марксистской догмы о преимуществах крупного хозяйства перед мелким даже в области сельского хозяйства, считают рациональным применение новой техники только в крупных хозяйствах. Для опровержения этого положения Зеринг никаких доказательств не приводит. Он дает только свою оценку, согласно которой он полагает, что семья, состоящая из двух-трех работающих, в состоянии при машинной обработке земли обработать ферму размером от 250 до 1000 га. Зеринг считает этот размер хозяйства наиболее соответствующим новейшей технике в сельском хозяйстве.

Благодаря применению машин и новой техники в сельском хозяйстве САСШ, которым еще недавно грозила опасность стать импортирующей хлебной страной, начали в последние годы усиленно вывозить пшеницу, несмотря на то, что страна все более индустриализируется. Зеринг полагает, что и в ближайшие годы САСШ станут еще большим экспортером пшеницы, чем это имеет место в настоящее время. Такое же развитие техники в сельском хозяйстве Зеринг

²³ „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 182. S. 103,

видит в Канаде и Аргентине. В Австралии применение машин из-за дороговизны бензина (высокие пошлины) пока не получило большого распространения.

Зеринг очень мрачно оценивает перспективы развития европейского сельского хозяйства. Он считает, что если нынешний экономический кризис в САСШ и сменится новым подъемом конъюнктуры, то Европу ждет длительная депрессия, которая должна будет также отразиться и на состоянии сельского хозяйства. Тем не менее он призывает к интенсификации сельского хозяйства в Германии, к рационализации, к широкому применению машин и новой техники, приспособленной к особенностям германского хозяйства, и только в этом видит спасение для разоряющегося сельского хозяйства Европы и Германии в частности.

Одновременно с этим Зеринг высказывается за аграрные пошлины в Германии. Шесть лет тому назад конгресс Союза социальной политики в Штутгарте по докладу того же Зеринга принял манифест, в котором профессора-экономисты высказались против введения аграрных пошлин в Германии, считая, что Германия не сможет сама покрыть своих потребностей в продовольствии и должна будет ввозить хлеб из-за границы и что сельское хозяйство Германии должно будет разрешить стоящие перед ним задачи без помощи аграрного протекционизма. В настоящее время Зеринг отказался от этой точки зрения защиты германского сельского хозяйства при помощи высоких пошлин, что в последнее время усиленно проводит германское правительство. Если год тому назад еще спорили о том, ограничить ли ставку ввозной пошлины на пшеницу 6,5 или 7,5 марками за 100 кг, то после введения скользящей шкалы ставки на пшеницу выросли до 25 марок за 100 кг и на пивной ячмень до 20 марок за 100 кг, что означает повышение аграрных пошлин за год на 300—400 %. Эту архипротекционистскую аграрную политику поддерживает Макс Зеринг.

За докладом Зеринга последовал содоклад представителя крупных аграриев, бывшего диктатора продовольствия во время войны, Батоцкого, который посвятил свой доклад специально анализу состояния сельского хозяйства в Восточной Пруссии.

Восточная Пруссия не только отрезана от остальной Германии польским коридором, но и экономически значительно отстала от нее. Такой разрыв имел место уже до войны, но значительно усилился после войны. В то время как остальная Германия довольно быстро залечивала раны, нанесенные ей мировой войной и Версальским миром, и сделала большие успехи в отношении индустриализации, Восточная Пруссия продолжает оставаться аграрной страной. Во всей Германии плотность населения за время войны и послевоенные годы возросла с 76 до 120 чел. на 1 кв км, в Восточной Пруссии она увеличилась только от 49 до 56 чел.; из Восточной Пруссии продолжается сильная эмиграция в остальные части Германии.

Батоцкий, крупный помещик и чрезвычайно ярый защитник интересов аграриев, развил в своей речи программу крупных землевладельцев Восточной Пруссии. В интересах национального развития всей Германии, — говорил Батоцкий, — в интересах создания надежной опоры против окружающих Восточную Пруссию славянских на-

родов необходимо, чтобы вся страна и государство пришли на помощь остальным провинциям. Он требовал, чтобы Восточная Пруссия в первую очередь была снабжена рабочей силой, чтобы был приостановлен уход из деревни в города, из Восточной Пруссии в остальные части Германии, что для этой цели чуть ли не необходимо отменить свободу передвижения, чтобы в Восточной Пруссии была привлечена новая рабочая сила (и нужно полагать, что Батоцкий рассчитывает на дешевые рабочие руки) путем переселения и колонизации, чтобы государство активно пришло на помощь Восточной Пруссии путем кредитования и субсидирования сельского хозяйства. Батоцкий также требовал, чтобы государство продолжало вести политику аграрного протекционизма. Батоцкий жаловался на то, что Восточная Пруссия наводнена дешевыми товарами, производимыми в других частях Германии, которые могли бы быть произведены в домашнем крестьянском хозяйстве и занимать крестьянские рабочие руки в зимние месяцы. Он требует, чтобы государство заботилось о развитии таких отраслей промышленности в Восточной Пруссии какие дали бы занятие временно освобождающейся в сельском хозяйстве рабочей силе, но не отрывали ее от сельского хозяйства. В национальных интересах Германии Батоцкий требует, чтобы государство развивало сельское хозяйство и именно в Восточной Пруссии.

Ссылаясь на политику аграрного протекционизма, которую проводил кабинет Мюллера—Дидриха, Батоцкий приветствовал тот поворот, который социал-демократия сделала по вопросам торговой политики, перейдя на позиции защиты аграрных пошлин и интересов сельского хозяйства. Этот комплимент, который получили германские социал-демократы от представителя интересов крупных аграриев, вполне заслуженный, ибо социал-демократия давно сдала свои прежние позиции в вопросах торговой политики и стала поддерживать аграрно-промышленный блок в его сверхпротекционистских стремлениях.

Дискуссия по этому вопросу шла главным образом вокруг вопросов о состоянии сельского хозяйства в Германии и в Восточной Пруссии в частности. Почти все выступавшие ораторы высказывались за рационализацию сельского хозяйства, за применение машин и новой техники, за интенсификацию сельского хозяйства, за усиленное развитие молочного хозяйства и т. д. и т. п. Но при этом одни делали ударение на крупном землевладельческом хозяйстве, а другие на кулацком хозяйстве. Некоторые подчеркивали растущую опасность со стороны развивающегося сельского хозяйства в СССР в связи с развитием совхозов и колхозов в нем. Они указывали, что в связи с успехами коллективизации в Советском Союзе в ближайшие годы надо ожидать поступления значительных количеств хлеба и других продуктов сельского хозяйства на мировой рынок: «Русский эксперимент с зерновыми фермами американского типа будет иметь производственный успех», говорил Брант, профессор Высшей сельскохозяйственной школы в Берлине²⁴.

[²⁴ „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 182, S. 168.

Наиболее оживленные прения вызвал вопрос об аграрных пошлинах. В то время как некоторые спорили лишь по вопросу о высоте аграрных пошлин, но не сомневались в необходимости их применения, Гармс, руководитель Института мирового хозяйства в Киле, выступил с резкой речью против аграрного протекционизма и той аграрной политики, которая сейчас проводится в Германии. Он считает, что путем повышения аграрных пошлин Германия поставит себя вне международного разделения труда и станет на путь развития хозяйства автаркии. Германия может и должна развиваться в первую очередь как индустриальная страна. Стремление вернуть ее к положению аграрной страны является вредной утопией. Всякое повышение аграрных пошлин повлечет за собой повышение заработной платы и издержек производства и тем самым сделает Германию еще менее конкурентоспособной на мировом рынке. Германия не может выключить себя из мирового хозяйства, а принуждена ввозить сырье, которого у нее нет и не будет и без которого не могут развиваться многие отрасли ее промышленности. Импорт для этого необходимого сырья Германия может оплачивать только при помощи вывоза готовых изделий. При усиливающейся конкуренции на мировом рынке Германия может конкурировать снижением издержек производства. Репарационные платежи кроме того возлагают на Германию обязательство вести активную торговую политику. Поэтому Гармс считает невозможным отказаться от штутгартского манифеста против аграрных пошлин, а считает нужным предостеречь, что политика аграрного протекционизма поведет Германию к погибельному для нее пути.

Гармс специально останавливался также на том, что Германия не должна равняться по Восточной Пруссии, как этого добиваются представители аграриев на конгрессе. Гармс указал, что в Восточной Пруссии издержки производства в сельском хозяйстве на 15—20% выше, чем в других частях Германии, ссылаясь при этом на выступление крупного агрария в Восточной Пруссии, фон Гиппеля. Поэтому равенство цен по Восточной Пруссии означало бы на деле не только предоставление остальным частям Германии дифференциальной ренты в 15—20%, но затрудняло бы развитие сельского хозяйства в Германии вообще и отбросило бы ее в экономическом отношении назад. Гармс предлагает субсидировать сельское хозяйство Восточной Пруссии, а не приспосабливать всю политику страны к нуждам одной отсталой части Германии.

Точку зрения Гармса поддерживал также Йохим Рюстов, выступавший на этом конгрессе и доказывавший, что проводимая политика высоких аграрных пошлин отрывает движение цен внутри Германии от движения цен на мировом рынке. Критикуя эту политику, он указывает, что под защитой высоких пошлин можно было бы также разводить ананасы под Берлином.

Выступления Гармса и Рюстова (в частности пример с ананасами) вызвали бурю возмущения со стороны остальных участников конгресса, которые продолжали отстаивать политику высоких аграрных пошлин. Зеинг в заключительном слове несколько смягчил выводы своего доклада в этом вопросе, заявив, что он политику аграрного протекционизма считает временной политикой, но по существу остался на точке зрения аграрного протекционизма.

Рост аграрных пошлин в Германии, несмотря на некоторое сопротивление известных групп промышленной буржуазии, все же не вызвал того обострения противоречий в буржуазном лагере, которое имело место в прежние годы в связи с повышением аграрных пошлин. Это объясняется тем, что, во-первых, в эпоху монополистического капитализма промышленная буржуазия заинтересована в повышении индустриальных пошлин и заключает поэтому временный блок с аграриями, чтобы совместно вести политику всестороннего протекционизма, промышленного и аграрного. Во-вторых, этот блок усиливается в период всеобщего кризиса капитализма, когда увеличивается шаткость всего капиталистического здания и буржуазия начинает опасаться революционных выступлений рабочего класса; промышленная буржуазия добивается поддержки аграриев и кулацких элементов в деревне для совместной защиты интересов имущих классов. В таком блоке руководство даже часто переходит к реакционным аграрным кругам. Последнее вынужден был признать даже теоретик социал-фашизма Фриц Нафтали. Говоря о нынешней политике высоких аграрных пошлин в Германии, Нафтали пишет: «Классовая солидарность, которая образовалась между аграрными и промышленными предпринимателями, в особенности в борьбе за социальную политику, так сильна, что она перекрывает действительно существующие глубокие противоречия между ними. Когда борьба становится серьезной, то руководство принадлежит не промышленным кругам»²⁵.

Эта солидарность имущих классов перед угрозой социальной революции сказалась в выступлениях представителей буржуазной науки и социал-фашизма по всем вопросам: по вопросам так называемой «социальной политики», по аграрному вопросу и по безработице.

Жилищный вопрос в послевоенной Германии до сих пор не разрешен, несмотря на то, что в Германии строительство пользуется поддержкой банков и государства. Но в последние годы строились преимущественно дома с большими квартирами, в 5—7 комнат, а домов с небольшими квартирами было построено очень мало. Поэтому получилась следующая диспропорция: в Берлине 250 тыс. семейств нуждаются в квартирах, а 30 тыс. квартир, из них большинство в новых домах, пустуют, так как значительная часть из них состоит из 5—7 и более комнат. Во всей Германии за послевоенное время построено около 2,3 млн. новых квартир, а диспропорция между спросом на жилплощадь и предложением еще острее, чем в Берлине, так как везде строились роскошные квартиры «Luxuswohnungen» для буржуазии, а не небольшие квартиры для рабочих и малоимущих слоев населения. И эти дома с большими квартирами строились при помощи государства, которое взимало в старых домах особый налог на строительство новых домов. Поэтому жилищный вопрос в Германии по существу является вопросом, затрагивающим в первую очередь интересы рабочего класса и бедных слоев населения.

Этим вопросам был посвящен доклад гамбургского профессора Циммермана, который должен был признать вышеуказанную нами диспропорцию. Он подверг резкой критике правительственную и коммунальную политику в жилищном вопросе, он вскрыл все недостатки

²⁵ Fritz Naphtali, Die Wirtschaftskrise und die Arbeitslosigkeit, 1930, S. 29.

действующих в Германии законов, в силу которых сохраняется в старых домах довоенная квартирная плата при чрезвычайно высокой квартирной плате в новых домах, остановился на дороговизне строительства и на отставании темпов строительства от возрастающей потребности в квартирах, в особенности в мелких квартирах для рабочих. Но докладчик в своем выступлении совершенно не остановился на вопросе об усилившейся за последние годы в Германии спекуляции земельными участками, расположенными вблизи крупных промышленных городов, на росте городской ренты, на причинах, которые ведут к вздорожанию строительных материалов (синдикаты и картелли) и строительства (дороговизна кредитов и пр.). Докладчик требовал отказа от принудительного хозяйства (Zwangswirtschaft), сохранившегося в жилищном деле со времени войны, и постепенного перехода к свободной конкуренции в строительстве домов, а главнее при сдаче квартир как в новых, так и в старых домах. По мнению Циммермана только свободная конкуренция в состоянии будет разрешить жилищную нужду в Германии.

По вопросу о безработице Роберт Вильбрандт сделал специальный доклад. Чрезвычайно интересно проследить, как конгресс Союза социальной политики обсуждал один из самых животрепещущих и больших вопросов германской действительности и какие меры борьбы с безработицей он предлагал.

Вильбрандт признает, что речь идет не о «конъюнктурной», а о «структурной» безработице. Он ссылается при этом на выступление социал-демократа Бааде, который считает, что до войны нормальный процент безработных в крупных промышленных странах составлял 3-4% всего числа рабочих, увеличивавшийся в годы кризиса до 8%; в настоящее же время имеется армия постоянно безработных, охватывающая 10—15% всего числа рабочих; в годы кризиса она превышает даже 30%. Он ссылается также на выступление представительницы английской «рабочей партии» Бонфильд, которая считает, что в Англии свыше полвека количество безработных не превышало в нормальное время 2%, а в годы кризиса оно доходило до 8—10%, т. е. до 1 млн. чел., а в настоящее время в Англии имеется постоянно безработная армия в 1,5 млн. чел. Мы считаем необходимым указать, что социал-демократы, на которых ссылается Вильбрандт, сознательно преуменьшают цифры безработицы. В настоящее время количество безработных не только превышает 20%, но оно доходит до 30 и 40% всего числа рабочих почти во всех крупных европейских странах; в Англии в настоящее время насчитывается свыше 4 млн. безработных, в Германии — свыше 6 млн., а в САСШ — более 10 млн. чел. (Нафтали в специальном докладе о безработице недавно оценивал мировую безработицу в 14 млн. чел., в то время как Лига наций уже оценивает ее в 20 млн.; фактически она уже превышает 35 млн. даже без Индии и Китая).

Какие же меры предлагает Роберт Вильбрандт для борьбы с безработицей? Он заявил, что меры, которые он предлагает, поведут «к окончательному устранению индустриальной резервной армии в марксовом понимании, к устройству тех, которые и без того являются излишними людьми»; предлагаемые им мероприятия дадут возможность найти работу всем тем, «которые стали жертвой структурных сдвигов в мировом хозяйстве, сверхиндустриализации во всем мире

или стали жертвой рационализации вопреки возможностям сбыта, так или иначе не имеющим работы в течение многих месяцев, даже многих лет, в лучшие свои годы или даже в годы своей молодости потерявшим надежду когда-либо найти работу»²⁶.

Для разрешения поставленной им проблемы Вильбрандт предлагает «прекрасное» средство: развитие садоводства и огородничества больших городов. Рабочие должны заняться разведением кур, свиней, огородничеством и садоводством на мелких участках земли, которые городские самоуправления должны раздать для этой цели рабочим. Рабочие могут заниматься садоводством наряду со своей основной работой в промышленности, в качестве побочного заработка или даже частично уйти целиком на эту работу. Это займет по оценке докладчика в Германии около 2 млн. чел. Докладчик при этом предвидит, что это потребует интенсификации труда; он говорит, что это будет «кусочек Азии в Европе», но он утешает своих слушателей тем, что при современной технике можно будет подобные мелкие садоводческие и плодородческие хозяйства освободить от китайских способов труда. Таким путем Вильбрандт надеется «разрешить» проблему безработицы в Германии.

Роберт Вильбрандт принадлежит к тому крылу буржуазных экономистов, которые начали свою ученую карьеру с изучения «рабочего вопроса». Двадцать пять лет тому назад Вильбрандт, тогда еще молодой доцент Берлинского университета, изучал положение рабочих в домашней промышленности; в дальнейшем он преимущественно занимался изучением положения рабочих как потребителей. Изучая потребление рабочих, он дошел до мысли о необходимости развития садоводства и огородничества, в чем он видит разрешение грандиознейшей проблемы безработицы, которую даже многие буржуазные экономисты начинают считать органической составной частью современного капитализма.

Небезынтересно отметить, что такие же мероприятия для борьбы с безработицей предлагал недавно министр «рабочего» правительства в Англии Гертсгорн. В связи с обострением кризиса в Англии он дал интервью, в котором «рабочий» министр указывал, что одним из основных путей выхода из кризиса является приближение рабочего к земле: «Развитие огородничества, — говорил Гертсгорн, — должно не только улучшить материальное положение рабочего, но и укрепить его физически и морально»²⁷.

Даже в этих вопросах представители социал-фашизма находят общий язык с представителями буржуазии. Известный швейцарский буржуазный экономист Феликс Сомари в своей последней работе с полным основанием указывал, что социализм (под социализмом буржуазные ученые продолжают понимать социал-демократию, т. е. социал-фашизм) и либерализм все более сближаются друг с другом²⁸. Это выявляется в теории и на практике, причем на социал-фашистов возлагаются специальные задачи — примирение рабочих с буржуазией, отвлечение рабочего класса от революционной борьбы, и с этой целью они часто прибегают к весьма искусной маскировке.

²⁶ „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 182, S. 278.

²⁷ „Frankfurter Zeitung“ от 25 декабря 1930 г.

²⁸ Felix Somary, Wandlungen der Weltwirtschaft, S. 10.

О мировом кризисе, о самом тяжелом и самом грандиозном из кризисов, которые знала история капитализма, конгресс не решался открыто говорить, но тень его витала над работами конгресса. Кризис еще больше сближает различные течения буржуазной мысли и социал-фашизма; консервативные, либеральные и социал-демократические профессора объединяются перед лицом угрожающей им опасности, перед лицом революционного подъема рабочего движения и его борьбы за свержение власти буржуазии и ее прислужников как буржуазных, так и социал-фашистских представителей науки.

Ю. Гольдштейн

МАТЕМАТИКА В «БСЭ»

Математика — наука о наиболее простых, абстрактных (количественных) отношениях материальной действительности. Поэтому ее легче всех других наук переодеть в идеалистический наряд, маскирующий ее связь с практикой, отрывающий форму от содержания, извращающий в угоду классовой идеологии буржуазии подлинное положение вещей. «Крупный успех естествознания, — пишет Ленин, — приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе. Герман Коген, восторгающийся... идеалистическим духом новой физики, доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы для ради внедрения в гимназистов духа идеализма, вытесняемого нашей материалистической эпохой».

Казалось бы при таких условиях основной задачей наших марксистских авторов и изданий в отношении математики должна быть беспощадная борьба с математическим идеализмом, где бы и в какой бы форме он ни проявлялся, неуклонное разоблачение его подчас очень тонких хитросплетений, неусыпная работа над установлением и в области математики подлинного единства теории и практики на основе борьбы за осуществление генеральной линии партии, на основе практики социалистического строительства. Казалось бы в таких условиях все наши работы и издания, где речь идет о математике, должны быть боевыми, воинствующе партийными. Казалось бы в первую очередь это относится к такому рассчитанному на огромную аудиторию активно участвующих в строительстве социализма трудящихся СССР изданию, как «Большая советская энциклопедия».

По замыслу «Большая советская энциклопедия» должна была возобновить и продолжить лучшие традиции французских энциклопедистов — этих подлинно воинствующих материалистов. «Продолжить» конечно очень слабо сказано. Ибо французские материалисты, эти идеологи нарождающейся буржуазии, в основном были все же метафизиками, механическими материалистами и идеалистами в истории, большевики же, ленинцы, вооружены таким орудием, как материалистическая диалектика. Между тем в «БСЭ» нет ни одной боевой, воинствующей, партийной статьи по математике. Более того, с ее страниц иногда прямо, иногда в несколько замаскированном и «подчищенном» виде пропагандируется махизм, конвенционализм, идеализм.

Уже самый состав сотрудников «БСЭ» свидетельствует о том, что редакция поставила себе в отношении естествознания и техники более чем «скромные» цели. К работе в этих разделах почти совершенно не были привлечены молодые кадры советских ученых, она строилась исключительно в расчете на старую «левую», либеральную профессию, марксистски совершенно неподготовленную, «беспартийную» в своей политической, а следовательно и философской установке, воспитанную на Канте, Махе и Пуанкаре и в лучшем случае пытающуюся «соединить» махизм с материализмом. Развернутое наступление социализма в СССР и связанное с ним бесшоеное сопротивление классового врага раскрыли кавычки этой пресловутой «беспартийности»: значительная часть основных сотрудников

и редакторов «БСЭ» оказалась по ту сторону баррикады — в лагере контрреволюционного вредительства, в связи с международной буржуазией, социал-фашизмом и кулацко-эсеровской контрреволюцией.

Неудивительно, что редакция ничего не сделала для того, чтобы взять работу отдела естествознания в целом, математики в особенности, под контроль общественного мнения партийцев-естественников. Ни одна статья не подверглась предварительному коллективному обсуждению. Вся работа строилась на индивидуальных заказах очень ограниченному кругу лиц, ко всему прочему еще и невероятно перегруженных, т. е. смотревших на нее лишь как на весьма второстепенную добавочную нагрузку. Неудивительно, что этот отдел естествознания в «БСЭ» мало чем отличается от подобных отделов любой «приличной» либеральной буржуазной современной энциклопедии, что даже самая его научная «солидность» носит тот же либерально-буржуазный характер. Неудивительно, что Энгельс и Ленин просто выпали из статей этого отдела, что отдел в целом не может быть квалифицирован иначе, как антимарксистский и идеалистический, несмотря на то, что именно тут бой с идеализмом должен был быть особенно жесток. Зато достойно замечания мирное сожительство на страницах «БСЭ» деборинского меньшевистствующего идеализма с откровенным махизмом, конвенционализмом и идеализмом в области естествознания и математики.

Перед нами статья главного редактора «БСЭ» О. Шмидта об алгебре. К нему как к главному редактору всей энциклопедии и специалисту в этой области должны быть предъявлены особенно высокие требования. И однако его статья ничем не отличается от любой другой статьи по математике в «БСЭ», принадлежащей перу сугубо беспартийного либерального профессора. Ее нельзя квалифицировать иначе, как явно махистскую и богдановскую. В полном согласии с Махом алгебра трактуется не как наука об особом типе связей и закономерностях материальной действительности, а лишь как удобный язык. Успехи математики объясняются не тем, что она правильно отразила (и значит поняла) характер некоторых простейших физических и механических закономерностей, а тем, что была изобретена удобная символика. «Введение символических обозначений и операций над буквами... есть момент решающей важности.— пишет тов. Шмидт.— Только с этого времени математика приобрела то орудие — язык формул,— которое позволило ей вслед затем почти сразу, одним скачком взяться за труднейшие вопросы естествознания. Блестящее развитие высшей математики, начиная с XVII века, создание анализа бесконечно малых, математическое выражение законов механики и физики и т. д. были бы немислимы без этого орудия». Самое развитие этой «удобной символики» излагается примерно так: «Чисто словесное изложение преобладало в те эпохи, когда алгебра представляла предмет умственного соревнования в пределах тонкого слоя образованных людей (например Леонардо Пизанский при дворе императора Фридриха II). Наоборот, потребность в удобной символике, облегчающей и ускоряющей вычисления в несколько раз, возникает неизбежно, когда алгебра становится орудием повседневной практики... Приспосабливаясь к практике, итальянские ученые... перешли к удобным сокращениям (речь идет о знаках + и —)... Быстро следует введение и всеобщее признание остальных знаков (степени, корня, скобок и т. д.). К середине XVII века (Декарт) готов аппарат символов современной алгебры. К тому же времени завершилось развитие и третьей черты современной алгебры — употребления букв». Наконец возникновение аналитической геометрии объясняется тем, что в противоположность греческой науке, где преобладала геометрия, «алгебраические средства выражения оказались уже настолько удобными и наглядными, что геометрические

задачи переводились на язык алгебраических формул». Все это — типичное извращение истории науки в стиле Маха или Богданова. Именно у Маха (и Богданова) наука является лишь удобным орудием приспособления к потребностям практики, а не отражением объективной действительности. Ибо критерий практики имеет совершенно различное значение у Маха и у Маркса — Ленина, «Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсита «успех» есть все то, что мне нужно на практике, которую можно рассматривать отдельно от теории познания» (Ленин).

Именно Мах дал и образцы такого «построения» истории науки, при котором оказались совершенно смазанными наиболее решающие, революционные ее моменты. У тов. Шмидта просто исчезла революция в математике, связанная с именем Декарта, введшим в нее переменную величину, и обусловленная ростом употребления машин в мануфактурный период¹ и потребностями значительно развившегося в эпоху великих географических открытий мореплавания, стимулировавших развитие механики и астрономии, а, следовательно, и математики или, вернее, она свелась лишь к созданию удобного аппарата. Таким образом из его поля зрения фактически исчезли социально-классовые корни развития математики, зависимости одной из наиболее блестящих страниц ее истории от заложившего основы буржуазного строя «величайшего прогрессивного переворота пережитого до того человечеством». Между тем именно до Декарта на уравнение смотрели лишь как на средство, аппарат для решения задач. Декарт первый взглянул на него как на выражение связи, зависимости между явлениями. Любопытно, что еще во время Декарта математик Жергонь, написавший пять книг, посвященных решению уравнений, рассматривал неопределенные уравнения лишь в отделе шуточных и нелепых задач, в то время как Декарт именно их положил в основу своей аналитической геометрии. Декарт был механистом. Он рассчитывал свести все закономерности природы к этим простейшим алгебраическим соотношениям, но, повторяю, «успех математики того времени» был обусловлен как раз тем, что на алгебру перестали смотреть как на простой аппарат для решения задач, а увидели в ее уравнениях отражение общих закономерностей природы. Недаром Энгельс в своем «Анти-Дюринге» говорил об образцах диалектики у Декарта, противопоставляя его английским метафизикам, заслонившим себе частностями взгляд на целое, не умевшим взглянуть на мир как на материальный процесс, как на бесконечное сцепление соединений и взаимодействий. «Блестящее развитие высшей математики, начиная с XVII века, создание анализа бесконечно малых, математическое выражение законов механики и физики и т. д.» были обусловлены не созданием «удобного языка», а именно введением в математику переменной величины и трактовкой уравнения как выражения связи и взаимодействия. Однако не только материалистическая диалектика в ее применении к математике, вообще вопросы, связанные с общим философским мировоззрением, просто не нашли себе места в статье тов. Шмидта, в которой даже ни одного разу не упоминается слово материализм. Невольно приходится вспомнить другую его статью, где материализм фигурирует под покрывалом «реалистического мировоззрения», повидимому, чтобы «гусей не раздражить», не шокировать «беспартийную» профессорскую аудиторию.

• 1 «Мануфактурный период, быстро делающий уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом развивает в отдельных случаях употребление машин, особенно при некоторых процессах, требующих для своего выполнения большого количества людей и большой затраты силы... Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практически опорные пункты и стимулы для создания современной механики» (Маркс, Капитал, т. I, изд. 1830 г., с. 292).

Неудивительно, что вторая революция в области алгебры, связанная с крушением механистических тенденций и созданием теории групп, являющейся, к слову сказать, основной специальностью тов. Шмидта, также исчезла как таковая в его изложении. А между тем в современной математике теория групп играет двойственную роль. С одной стороны, она все более проникает в самые отдаленные области кристаллографии, квантовой механики и т. п., она же изучает такие глубочайшие закономерности самой математики, как общий характер ее операций, ее внутреннюю структуру, помогая таким образом вскрыть то внутреннее единство и связь различных математических дисциплин, которые на самих современных математиков иногда производят впечатление мистической тайны; с другой стороны, она же используется современным идеализмом для замаскирования этих связей, для формализации математики, для отрыва ее от реальной материальной деятельности, подобно тому, как он (идеализм) пытался это сделать в отношении электронной теории материи.

Как мог в таких условиях главный редактор «БСЭ», специалист в области теории групп, просто обойти молчанием весь этот комплекс вопросов? Как могло у него от всей методологии в этой связи остаться лишь «целесообразное» расширение «области рациональности» путем присоединения некоторых иррациональных чисел? Удивительно ли, что в таких условиях профессор Каган в статье об аксиоме (в том же втором томе) развивает ту же точку зрения на математику как на «только разветвленный аппарат», да еще «покоящийся на условной аксиоматике», что он делает прямую попытку «примирения» махизма с материализмом? Что он так же, как тов. Шмидт, говорит о «специально приспособленных аппаратах и методах», которые «мы сначала полусознательно, а потом вполне сознательно подбираем, строим, приспособляем» и которые «медленным приспособлением совершенствуются?» «Подбираем», «строим», «приспособляем», но только не отражаем. Ибо в последнем случае нельзя было бы вместе со всеми махистами рассматривать математику не как науку о материальной действительности, а как конфекцион готового платья, из которого физик например выбирает по произволу, что ему угодно, руководясь лишь соображениями «удобства» и «экономии мышления».

Автор явно незнаком с материалистической диалектикой, он почти смешивает материализм с миллевским эмпиризмом; то обстоятельство, что понятия математики изменяются по мере развития последней, давая ей возможность отражения все более и более усложняющихся отношений действительности, приводит его к выводу об их условности. Если нельзя например формально-логически доказать, что умножить на дробь значит умножить на ее числителя и разделить на знаменателя, то значит на этот счет вообще можно лишь условиться. Правда, условиться целесообразно. Почему же установлено именно такое условие, а не иное, спрашивает автор. Нельзя ли было бы разуместь под умножением на дробь иную операцию. Ответ заключается в том, что установлением именно этого определения достигается очень существенная практическая цель.... Достигается единство, или общность, заключающаяся в том, что устанавливается общее правило для решения задач определенного типа¹. Это и служит руководящим, из опыта почерпаемым указанием, какое соглашение для определения умножения на дробь наиболее целесообразно установить. Нет, изменение, развитие математических понятий нельзя понять с точки зрения условности, его нельзя свести просто к формально логиче-

¹ Таким образом общность рассматривается автором лишь субъективно как привнесенная нами (т. е. идеалистически — С. Я.)

ской дедукции, но оно доказуемо диалектически. Ибо для диалектического материализма логическое есть лишь сгущенное, осознанное в его необходимости историческое. Изолируюсь от истории, «обосновать» понятия математики в их развитии невозможно. Между тем автор начисто отрывает логическое от исторического. «Условный характер математических определений, — пишет он, — конечно, не означает того, что он исторически так и возникал в виде сознательных соглашений. Но при логическом построении математики, при установлении ее аксиоматики условный характер ее аксиом остается вне сомнения».

К сожалению, у нас нет здесь возможности подробнее остановиться как на отдельных конкретных ошибках этой статьи, так и на положительном выяснении нашей точки зрения на аксиомы. Этому нужно будет посвятить отдельную статью. Однако уже и приведенного, нам кажется, достаточно для выяснения антимарксистского идеалистического характера статьи об аксиоме. Отметим лишь, что статья сопровождается указателем исключительно идеалистической литературы не только без малейшей попытки ее оценки, но даже без указания на этот ее идеалистический характер. Впрочем такие указания вообще не в стиле естественно-научного «объективизма» БСЭ.

Есть статьи об алгебре и аксиоме написаны еще в 1925 г., т. е. до выхода в свет «Диалектики природы» и «Ленинских сборников», то, казалось бы, в дальнейшем, после их выхода, в таких статьях, где можно еще раз вернуться к этим вопросам, нужно было использовать всякую представлявшуюся возможность исправить допущенные ошибки, при их помощи добиться, по крайней мере, четкой материалистической установки. Обратимся с целью выяснить, как были использованы эти работы, к вышедшей лишь в 1930 г. статье о гипотезе, где в связи со спором о возможно гипотетическом характере математических аксиом это следовало бы конечно сделать.

Хотя эта статья и выходит за пределы непосредственно математические, но так как она принадлежит перу математика и бросает свет на теоретический уровень математических статей того же автора, считаю необходимым на ней подробнее остановиться. Тем более, что, повторяем, статья о гипотезе появилась в свет лишь в 1930 г., т. е. во всяком случае после выхода в свет «Диалектики природы». И действительно в ней даже приводится цитата из «Диалектики природы», говорится о диалектическом материализме, критикуется идеализм. И тем не менее все это поверхностно, несодержательно, мало убедительно, ибо через внешнюю марксистскую фразеологию проглядывают уши плоского мещанского позитивизма, даже махизма. Во всей статье ни слова о самом важном в отношении гипотезы — о превращении гипотезы в закон. У автора одна гипотеза нанизывается на другую, правда, новая оказывается более охватывающей, правда, старая часто входит в нее как первое приближение, но тем не менее одна гипотеза всегда лишь сменяется другой «Гипотеза указывает путь и руководит поисками новых явлений, пока эти новые, являясь ее торжеством, не приводят одновременно к ее частичному пересмотру и замене новой гипотезой» (с. 74, т. XVII). Рассказывая о торестве атомистической гипотезы, автор добавляет: «Таким образом гипотеза была в одно и то же время утверждена (в основном) и опровергнута (в существенной части). Для объяснения внутриатомных явлений пришлось прибегнуть к новой гипотезе... эта гипотеза, объяснив ряд фактов, не справилась с другими, что заставляет искать новых гипотез о природе самого электрона и т. д.» (с. 73). Несмотря на то, что в статье говорится и не раз, что, хотя гипотеза является неполным и частичным знанием, она все же остается отражением объективной действительности, самый процесс все лучшего и лучшего приближения к абсолютной истине автором настолько смазан, что в

конце концов все научные законы превращаются в гипотезы. В самом деле, он пишет: «Новые факты либо опровергают принятую гипотезу, тогда она видоизменяется или заменяется совершенно новой, либо согласуются с нею. В этом случае гипотеза укрепляется, одновременно обогащается подробностями, и, развиваясь и вырастая в научную теорию — целую систему научных положений, некоторые из них получают столь многократное и всестороннее подтверждение на практике, что является убеждение в их полной достоверности. Но даже факты, объясненные наиболее достоверными гипотезами, при их более подробном изучении ставят перед нами новые вопросы, для разрешения которых строятся новые гипотезы. Можно смело утверждать, что большая часть содержания современных наук — в теоретической области — является либо прямо гипотезою, либо разработанными теориями, в основе которых лежит гипотеза» (с. 72). Очевидно явно чувствуя «зыбкость» такой позиции, извращающей материалистическую точку зрения на гипотезу и закон, превращающей не гипотезу в закон, а закон, все содержание науки, в гипотезу, — вывод, который может быть «полезен» лишь махистам, для которых всякий закон есть лишь «удобная» и «экономная», т. е. ведущая к возможно большему числу новых открытий в полной независимости от ее правильности или неправильности «рабочая» гипотеза, — автор отговаривается, что «однако этим нпчуть не умаляется значение науки, она в целом вовсе не является зыбкой». Ибо в ней заключается все же «значительное приближение к объективной действительности». Нечего говорить уже о том, что всем этим смазано отличие гипотезы от закона, что вопрос об относительности самого закона подмнен вопросом о его гипотетическом характере, что положение вещей получается такое, при котором «конец» науки не возвращается в «начало», подтверждая и обосновывая его, «снямая» его гипотетический характер, а, наоборот, по мере развития науки все больше и больше выясняется гипотетический характер развиваемых ею теорий.

Для сравнения позволю себе привести два места из «Диалектики природы» Энгельса. Говоря о значении гипотез, о претерпеваемом ими изменении и развитии, Энгельс пишет: «Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока наконец не будет установлен в чистом виде закон» (с. 5, изд. 3-е). «Для того, кто отрицает причинность, всякий закон природы есть гипотеза... Что за плоское мышление у тех, кто желает ограничиться этим» (с. 7). В значительной мере ускользает от автора и роль деятельности человека, не только пассивного предвидения будущего, но и активного изменения человеком природы в деле проверки высказанной гипотезы, хотя он и говорит несколько раз не только об объяснении, но и об овладении природой. Иначе он не приводил бы плоских миллевских правил для проверки гипотезы (имеющих целью установить, что наличие А есть необходимое и достаточное условие для наступления Б), не упомянув при этом, что иногда не получается ожидаемого эффекта и тем не менее именно это доказывает гипотезу, а не опровергает ее, если при подобном отклонении от правила можно, произведя соответствующее исследование, найти причину его, благодаря чему получается двойная проверка гипотезы (см. «Диалектику природы», с. 16, заметка о причинности). Иначе он не мог бы не заметить, что именно деятельность человека, то обстоятельство, что он «в состоянии вызывать движения, которые по крайней мере именно в таком виде «вовсе не встречаются в природе (промышленность), и дает как раз такую проверку гипотезы, которая превращает ее в закон. Правда, он и сам отговаривается, что «это (миллевское — С. Я.)

правило хорошо в той степени, в какой применима формальная логика, т. е. в более простых случаях», в то время как в более сложных явлениях разобраться... сможет только диалектическая логика», но ведь это же только фраза, если автор не дал себе труда хотя бы сформулировать более конкретно задачу, которую «должна будет и сможет разрешить только диалектическая логика». Повидимому, такое стремление «отделаться» от диалектического материализма при помощи фразы и вообще характерно для автора. Чего стоит хотя бы одно такое утверждение: «Плодотворны те гипотезы, которые связаны с широким научным мирозерцанием. Для нашего времени это — диалектический материализм». Все. Ни слова о том, почему плодотворны именно те гипотезы, которые связаны с «широким научным мирозерцанием», а главное ни слова о том, почему «для нашего времени это — диалектический материализм», и только ли «для нашего времени». Да наконец, как может диалектический материалист просто поставить диалектический материализм в ряд с другими «широкими мирозерцаниями», пригласить учебных пользоваться им «для нашего времени» и не объяснять почему, не подчеркнуть необходимости, неизбежности перехода естествознания на рельсы методологии диалектического материализма. Неужели нельзя было привести хотя бы слова Энгельса о том, что именно диалектика является для современного естествоиспытателя самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог и, значит, метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для перехода от одной области исследования к другой, что «нельзя теперь взять в руки почти ни одной теоретической книги по естествознанию, чтобы не убедиться в том, что сам естествоиспытатель понимают, как они страдают от этой путаницы и бессвязности, из которой им не дает абсолютно никакого выхода модная, с позволения сказать, философия. И здесь нет действительно иного выхода, нет никакой возможности добиться ясности без возврата в той или иной форме от метафизического мышления к диалектическому»². А между тем, поскольку именно в теоретическом естествознании гипотеза играет необходимую роль, основная задача, которую должен был себе поставить автор статьи, и должна была состоять в том, чтобы на конкретных примерах показать эту необходимость, эту неизбежность внедрения в естествознание методологии диалектического материализма, о которой говорит Энгельс. Но автор предпочел ограничиться двумя, в лучшем случае совершенно бессодержательными, фразами о диалектической логике и диалектическом материализме.

В заключение еще одно замечание. Рассказывая о разнообразии часто друг другу противоречащих гипотез, каждая из которых однако «дала и дает науке могучие толчки для исследований в различных направлениях», автор опять-таки не дает себе труда объяснить, почему это возможно, хотя именно так между прочим поступает и Мах, который, констатировав факт, что гипотезы «полезны», «экономны» и «удобны» естествоиспытателю вне зависимости от того, истинны они или ложны, делает отсюда и дальнейший вывод, что вопрос об истине вообще не важен для науки³.

Автор конечно не хочет такого откровенно-махистского вывода. Однако он не может подняться до энгельсовского объяснения того, почему и неправильные гипотезы могут быть полезны для науки. Дело в том, что эти гипотезы не просто

² «Диалектика природы», с 89.

³ По Маху «существенная функция гипотезы» состоит не в том, что она помогает объяснению явлений, приведению их в связь, что она ведет к обнаружению закона, а в том, что «она ведет к новым наблюдениям и новым опытам, в результате чего наша догадка подтверждается, опровергается или видоизменяется, одним словом, наш опыт расширяется». И он сочувственно цитирует Пристли, заявляющего, что «нет вовсе необхо-

неправильны: они подобно гегелевской диалектике лишь переворачивают реальные отношения материальной действительности, скрывая таким образом рациональное зерно под неправильной мистической оболочкой. Таковы например были гипотезы о теплороде и флогистоне. Их необходимо поэтому подвергнуть вторичному переворачиванию, поставить с головы на ноги. Механистическая теория теплоты произвела это необходимое перевертывание в учении о теплоте. Современная химия не просто отвергла результаты флогистики. «Наоборот, они сохранились, была перевернута только их формулировка, переведена с языка флогистона на современный химический язык». И Энгельс пользуется этим обстоятельством, чтобы отметить, что «гегелевская диалектика так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода к механической теории теплоты, как теория флогистона к теории Лавуазье». Замечание чрезвычайно существенное и для философов и для естествоиспытателей и действительно дающее возможность преодолеть махизм в вопросе о гипотезе.

О математике, об особой форме гипотезы в этой науке, о попытках использовать ее для отрыва математики от реальной материальной действительности и превращения ее в совокупность «гипотетических» предложений типа: «если верно то-то, то верно и то-то» в полной независимости от того, верно ли это в действительности (Рессель, вообще логисты), в статье ни слова. А между тем это идет по той же линии утверждения равноправности всевозможных (любых) гипотез.

Наряду со статьями, в которых методологические вопросы так или иначе поставлены, в «БСЭ» имеется ряд статей по математике, носящих чисто деляческий характер, без намека на марксизм, на классовую борьбу, борьбу идеологий, без малейшей попытки дать не только описание, но и объяснение, статей, скрывающих свою идеалистическую установку именно под этой маской делячества. Такова например статья об арифметике. Вот как излагается история арифметики у греков. «Греки, многому научившиеся у египтян, были несравненно лучшими теоретиками и поставили арифметику на высоту науки. Они резко разграничивали арифметику теоретическую, которую они собственно и называли арифметикой, понимая ее как науку, изучающую самое понятие о числе и его свойствах, от практической арифметики, искусства производить вычисления, которую они называли логистикой». Во-первых, это относится вовсе не ко всем «грекам», а лишь к грекам школы Евклида, т. е. к определенному периоду греческой истории и определенному классу греческого общества, выразителем презрительного отношения которого к практике, «этому занятию рабов», явился Платон. По автору же получается впечатление, что наукой арифметика стала потому, что она отделилась от практики. И это проповедуется со страниц «Советской энциклопедии!» Но особенно замечательно окончание статьи. Тут, уже после того как была изложена фактическая история развития понятия о числе, то же развитие трактуется логически так: «Исходя из непосредственного понятия о целом числе, уже элементарная арифметика наталкивается на невозможность производства простейших арифметических действий в области целых чисел; приходится вводить числа дробные, затем иррациональные, затем отрицательные и таким образом постепенно расширять самое понятие о числе».

...ности иметь верные взгляды и правильные гипотезы, чтобы делать настоящие открытия». Вопрос о том, почему неправильные гипотезы могут вести к настоящим открытиям, его при этом ничуть не интересует. Это дело случая и зависит уже от счастья. «Как широко или как мало значение гипотезы выходит за пределы того факта, который послужил причиной ее возникновения, содействует ли она многим или немногим открытиям, это зависит уже от счастья» (Мах, Познание и заблуждение).

Это бы еще ничего, хотя в этом двояком изложении развития понятия числа, совершенно одно с другим не связанным, и сквозит отрыв логического от исторического, но дальше идет прямая рекомендация самого махрового идеализма в математике. «Указанные вопросы (т. е. вопросы обоснования арифметики), — пишет автор, — были успешно разрешены в трудах. Грассмана, Вейерштрасса, Дедекинда, Кантора и др.». И хотя в дальнейшем он сам признает, что вопрос обоснования арифметики не может считаться окончательно решенным, но надежды на его разрешение возлагает на того же «логиста» и «формалиста» Гильберта. Того самого Гильберта, который, не стесняясь, превратил математику в игру, с основными понятиями которой категорически запрещается связывать какое-нибудь реальное, конкретное содержание. Идеализм под маской делячества — такова методологическая установка этой и в научном отношении весьма посредственной статьи.

История без-классовой борьбы, без исторического материализма, махизм, конвенционализм и откровенный идеализм в методологических установках, пренебрежение к Марксу, Энгельсу и Ленину — таков вывод уже из самого беглого первого просмотра статей по математике в «Большой советской энциклопедии». И все это печаталось в издании, общее методологическое руководство которым находилось в руках деборитской группы. Не только печаталось, но и принималось на местах (и притом нередко весьма квалифицированными товарищами — руководителями семинаров по материалистической диалектике в естествознании) за ортодоксальный марксизм. Мне самой в этом пришлось убедиться в отношении такой «провинции», как Ленинград.

Просмотр «БСЭ» фактически теперь лишь начинается. Его необходимо проделывать чрезвычайно старательно, в порядке большой коллективной работы, во-первых, как урок на будущее, и, во-вторых, как средство исправления уже сделанного. Основные результаты его должны быть в той или иной мере использованы «Энциклопедией» либо для второго издания, либо путем возврата к уже обсужденным вопросам в близких по смыслу словах, либо путем специальных приложений. Мы должны помнить указание т. Сталина, что правильная положительная точка зрения складывается лишь на критике, лишь в борьбе.

Яновская

ЗА ПРОВЕДЕНИЕ ПАРТИЙНОСТИ В ПРОГРАММАХ ПО ДИАМАТУ

Развернутое социалистическое наступление по всему фронту вызвало обострение классовой борьбы и в частности в области идеологии. Эта борьба против марксизма-ленинизма проходит под флагом «защиты» марксизма, под прикрытием псевдомарксистской фразеологии и с формальным провозглашением борьбы против ревизионистских течений. Об этом достаточно ясно свидетельствует ряд прошедших дискуссий в области политэкономии, философии и т. д. Теперь в особенности применимы слова Ленина о том, что «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами» (т. XVI, изд. 3-е). Это положение Ленина подтверждается на каждом шагу. Даже самые злейшие противники марксизма в условиях диктатуры пролетариата маскируются под марксизм. На знамени Маркс и Ленин, на деле ополчение, ревизия марксизма-ленинизма.

Вот почему борьба за чистоту марксистско-ленинской идеологии должна вестись на основе беспощадной критики антимарксистских течений. Нужно уметь находить под прикрытием марксистских фраз ревизионистское нутро. В этой борьбе марксистско-ленинская философия есть острейшее теоретическое оружие

пролетариата. Именно она должна быть положена в основу марксистской подготовки кадров. Вот почему должен быть заострен вопрос о программах по диалектическому и историческому материализму. К этим программам необходимо предъявить ряд требований: 1) проведения партийности в постановке программ диалектического материализма, 2) отражения в программе актуальных задач социалистического строительства в свете решений партии, 3) изучения марксизма-ленинизма по подлинникам Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, 4) всю программу должна пронизывать борьба на "два фронта" — против механистической ревизии марксизма и против меньшевистствующего идеализма, борьба против уклонов от генеральной линии партии. Совершенно очевидно, что существовавшие до сих пор программы не отвечали перечисленным требованиям. Ни в одной из них сущность поворота на философском фронте не нашла своего отображения, т. е. по существу не проводилась последовательно партийная линия в философии. Все они нуждаются в коренной переработке. Но вот в 1931 г. появляется программа Саратовского гос. университета, выработанная Каценельбогеном¹. Уже прошла философская дискуссия, партия со всей большевистской четкостью вскрыла антимарксистскую сущность меньшевистствующего идеализма. Казалось бы, что от этой программы мы вправе требовать партийной постановки вопроса и следовательно развернутой критики меньшевистствующего идеализма.

С этой точки зрения программа явно неудовлетворительна. На всей программе лежит печать «академизма», аполитичности. Совершенно не вскрыт вопрос об идеализме как орудии классового сопротивления буржуазии в условиях диктатуры пролетариата. Нет характеристики идеализма как дипломированной поповщины. Отсутствует характеристика неокантианства как методологии социал-демократии. Эта же печать аполитичности лежит на постановке самых актуальных политических вопросов.

В литературе от методологии правого уклона и троцкизма совершенно отсутствуют Ленин, Сталин, решения партсездов. Зато вместо Ленина и Сталина рекомендуются Карев и Новиков. Не вскрыта политическая сущность являющегося уклонистской и троцкистской концепции классовой борьбы в переходный период. Вместо политической постановки вопроса дается бессодержательно-либеральный пункт: «Непонимание правыми уклонистами и троцкистами классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата» (с. 15). Совершенно очевидна неправильность подобной установки. Дело не в непонимании, а в противопоставлении своей линии, линии партии.

В программе совершенно отсутствует критика меньшевистствующего идеализма. Больше того, меньшевистствующий идеализм берется по существу под защиту. Это сказывается прежде всего в рекомендуемой литературе. Без всяких оговорок рекомендуются Деборин, Карев, Тимьянский и др. в качестве основной литературы, но зато мало Ленина и почти отсутствует Сталин. В самом тексте программы имеются установки в этом же духе. Большинство философских систем трактуются вне всякой связи с социальной обстановкой, их породившей. Тем самым они рассматриваются как ряд логических ступеней самораскрывающегося понятия. История философии превалирует над актуальными проблемами диалектического материализма. Составитель программы в объяснительной записке указывает, что «сравнительно большое место, уделяемое в программе истории философии, опирается на соответствующие указания Энгельса и Ленина об исключительном значении критического анализа истории философии для формирования научного марксистского мировоззрения» (см. объяснительную запи-

¹ Эта программа, написанная осенью 1930 г., вышла в свет в 1931 г. без всяких изменений со стороны автора. Больше того: нигде в печати т. Каценельбоген не отмечался от этой программы. Все это дает право рассматривать ее как программу 1931 г.

ску). Однако указания Энгельса и Ленина и расширение истории философии даются за счет уменьшения заданий по материалистической диалектике. Диалектический материализм рассматривается только как методология, совершенно связан вопрос о мировоззрении. В соответствии с этим и исторический материализм трактуется лишь как методология социального познания. Благодаря этому элиминируется материалистическое понимание подлинного исторического процесса. Трактовка истины носит чисто созерцательный характер, так как выпадает момент действия.

Теория познания марксизма трактуется как синтез эмпиризма и рационализма, т. е. в духе деборианских синтезов. Переходя к истинной части программы, прежде всего необходимо отметить далеко недостаточное отображение вопросов социалистического строительства.

В объяснительной записке говорится, что «программа преподавания строится с максимальным учетом требований, предъявляемых современным этапом социалистического строительства к методологии диалектического материализма». Однако текст программы не соответствует этой декларации. В теме «Производительные силы и производственные отношения» очень мало отведено места анализу производительных сил и производственных отношений в СССР. Нет критики правооппортунистического понимания развития производительных сил у нас, нет критики троцкизма и право-«левацкого» блока по этим вопросам. Не вскрыта роль плана, нет увязки с пятилеткой в четыре года, генеральным планом и т. д. В разделе «Классы и классовая борьба в СССР» обойден вопрос о борьбе кулачества против колхозного движения, совершенно отсутствует пункт об идеологической борьбе на отдельных участках теоретического фрейта, контрреволюции под флагом религиозных организаций. Не вскрыта причина обострения классовой борьбы в реконструктивный период, отсутствует постановка пункта о развернутом социалистическом наступлении. Таким образом самые актуальные темы обходят важнейшие вопросы нашего социалистического строительства.

В теме «Теория базиса и надстроек» обойдены совершенно вопросы культурной революции в СССР, раздел чрезвычайно важный. Но зато отводится значительное место семье и браку. Во всех общественных формациях и в разделе об искусстве введен очень «актуальный» пункт — «Мотивы натуралистического искусства» палеолита и «символического неолита» (с. 17).

Подводя итоги вышесказанному, необходимо признать, что программа, во-первых, не отображает ни в какой мере сущности философского поворота, не разоблачает меньшевистствующего идеализма, а наоборот в ряде пунктов протаскивает его, во-вторых, не отображает ряда важнейших актуальных проблем социалистического строительства, в-третьих, несмотря на наличие специального задания о методологических корнях правого уклона и троцкизма, в ряде пунктов мы не имеем четкой партийной постановки о борьбе с ними и наконец, в-четвертых, не ставит со всей остротой проблему партийности в философии, роли и значения Ленина, совершенно игнорирует роль т. Сталина. В программе обходятся молчанием крупнейшие ошибки Плеханова.

Все это говорит о неприемлемости данной программы и о том, что она подлежит изъятию из обращения.

Обичкин и Войтинская

РАБОТА ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ И ЕГО БЮРО

(ноябрь 1930 г. — март 1931 г.)

По характеру и содержанию рассматриваемых вопросов, по методам их разрешения и по намеренным президиумом мероприятиям охватываемый период (ноябрь—март) представляет собой практическое осуществление основной задачи — всемерное обслуживание теорией практики социалистического строительства, (не подлежит никакому сомнению, что все сделанное представляет собою лишь первые, порою слабые шаги по ликвидации того отставания теории от практики, о котором говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов).

1. ПЛАНИРОВАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Начало отчетного периода совпадает с особым кварталом 1930 г. и подготовкой к новому хозяйственному году, приуроченному к календарному, что естественно привлекло внимание президиума к вопросам плана на особый квартал 1930 г., а главным образом к плану 1931 г.

В заседании от 3/XI 1930 г. президиум утвердил в основном сводный план работ, признав при этом необходимым проведение некоторых комплексных работ силами различных институтов и выделение вопросов, касающихся увязки работы институтов Комкадемии с другими организациями и учреждениями.

Предложено всем институтам Комкадемии учесть при окончательном оформлении своих планов необходимость обслуживания в теоретическом отношении братских коммунистических партий.

Обращено внимание институтов на необходимость привлечь к научно-исследовательской работе аспирантов старших курсов, а также использовать и той, работающей вне Москвы.

Международное и внутреннее положение СССР на данном этапе выдвинуло в качестве основных комплексных тем две, на которых и решено сосредоточить внимание институтов.

Первой темой является «Борьба двух систем» («СССР и капиталистический мир») и второй «Борьба за генеральную линию партии».

В целях планового и систематического руководства работой институтов президиум утвердил план своей непосредственной работы, признав необходимым включение в него ряда теоретических тем, заслушивание и дискуссия по которым позволяли бы вынести вполне авторитетное решение, дающее ориентировку в той или иной теоретической области.

2/XII 1930 г. план КА на 1931 г. был окончательно утвержден. В него включен план Ленинградского отделения КА, что является шагом вперед в деле осуществления планирования научно-исследовательских работ марксистско-ленинских учреждений.

Несмотря на включение плана ЛОКА, все же нужно сказать, что необходимой увязки с планами институтов КА нет. Нет нужного «разделения труда», и план ЛОКА в целом не является еще органической частью всего плана КА, а скорее включение этого плана представляет собой механическое присоединение.

Последующая работа показала необходимость пересмотра издательского плана с точки зрения актуальности тем и отсеивания ненужного. В помощь Соцэкизу решено было наметить несколько научных сотрудников Комкадемии для просмотра его издательского портфеля. Президиум, придавая особое значение выполнению плана в особом квартале 1930 г., специальной бригадой обследовал результаты работы институтов за этот квартал. Бюро президиума вынуждено было констатировать неблагоприятное с выполнением плана, указав при этом, что институты до сих пор не осуществляют систематического контроля над работой научных сотрудников и не ведут надлежащего учета их работы. Постановлено в связи с этим организовать в КА проверку исполнения не только по институтам, но и в КА в целом. Через секретариат президиума решено под-

готовить и провести работу по выявлению результатов работы в I квартале 1931 г.

Учитывая, что трудность планирования научно-исследовательской работы состоит в первую очередь в отсутствии правильно разработанной методологии планирования этого характера работы, бюро президиума поручило комиссии под председательством т. Пашуканиса разработать вопрос о методологии и организации планирования научно-исследовательской работы. Комиссия приступила к работе, наметила некоторые принципиальные установки и должна в скором времени представить на рассмотрение проект положений. Рассмотренные положения должны лечь в основу доклада Комакадемии на конференции по планированию научно-исследовательской работы, созываемой НИС ВСНХ, на которой Комакадемия примет участие.

В осуществление постановления СНК РСФСР выделен т. Пашуканис в комиссию СНК по разработке мероприятий по методологическому руководству научно-исследовательскими учреждениями. Работа в этой комиссии должна приблизить КА к практическому осуществлению своей роли как научного методологического центра

II. УЧАСТИЕ В РАЗРАБОТКЕ УРАЛО-КУЗНЕЦКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Придавая первостепенное значение урало-кузнецкой проблеме как металлургической базе — фактору не только крупного хозяйственного характера, но и огромного политического значения, — президиум КА признал необходимым принять активнейшее участие в ее разработке.

Для организации этой работы выделить бригаду из 5 товарищей, возложить на нее обязанность дать наметку проблем, которые должны быть поставлены для научной разработки, выяснить, что делают другие научно-исследовательские учреждения в этом направлении и подготовить созыв специального совещания научно-исследовательских учреждений и организаций.

Президиум КА утвердил предварительный план работы бригады и предложил его проработать директоратам институтов.

Своим постановлением от 16/II бюро президиума решило созвать в КА конференцию всех научно-исследовательских институтов и хозорганов, занимающихся изучением Урало-кузнецкого комбината со следующей повесткой дня:

1. Значение Урало-кузнецкого комбината в социалистическом строительстве.
2. Основные линии разрешения проблемы Урало-кузнецкого социалистического комбината (энергетика, транспорт, машиностроение, химия, сельское хозяйство, рабочая сила).
3. План научно-исследовательских работ по Урало-кузнецкому комбинату.
4. Работа секций по переработке и увязке планов научно-исследовательских работ. Организатором бригады по разработке проблем Урало-кузнецкого комбината назначен зам. директора Института экономики т. К. Бутаев.

III. ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТАХ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Исходя из необходимости усиления методологического руководства научной работой, президиум КА 23/III заслушал доклад т. Шмидта «О положении на фронте естествознания». Содоладчиком по этому вопросу выступил т. Максимов. Развернувшиеся прения помогли вскрыть основные моменты как в части достижений, так и в особенности огромных недостатков и прорывов на фронте естествознания.

Резолюция общего собрания коммунистов, работников Ассоциации естествознания и слушателей естественного отделения ИКП, по этому вопросу была принята за основу, а затем избранная под председательством т. Кольмана комиссия в составе тт. Дзениса, Максимова, Новинского и Шмидта окончательно ее отредактировала.

11/I 1931 г. президиум КА принял с некоторыми исправлениями предложенный комиссией проект резолюции.

В результате работы руководства Ассоциации была признана неудовлетворительной, избранному новому президиуму Ассоциации поручено рассмотреть планы работ и приступить к их реализации на основе новых установок.

Новый президиум Ассоциации утвержден в следующем составе: председатель т. Кольман, заместитель т. Новинский, Ученый секретарь т. Бондаренко, завотделом кадров т. Долин, и утверждена новая должность зампреда по административно-финансовой части.

1/III 1931 г. президиум заслушал доклад о работе Общества педагогов-марксистов. В принятой резолюции намечены практические предложения и отношении дальнейшей работы Общества. Помимо этого решено заслушать специальный доклад о положении на педагогическом фронте. Необходимость постановки такого доклада стала очевидной ввиду вышедших из сообщения Общества различных течений в области педагогики.

11/III 1931 г. был заслушан доклад о положении на экономикогеографическом фронте. Развернувшиеся прения показали неблагоприятное на этом фронте, засилье на нем буржуазных и мелкобуржуазных течений и острый недостаток в марксистской выдержанной литературе.

На этом фронте существовавшая при Институте экономики группа экономгеографии не вела надлежащей идеологической борьбы.

Исходя из этого, президиум одобрил роспуск этой группы и признал правильным взятую Институтом экономики установку на развитие работы в сторону усиления связи экономгеографии с задачами социалистического строительства. Особенно это относится к географическому размещению промышленности, специализации районов и т. п.

Учитывая слабость марксистских кадров на фронте экономгеографии, президиум поручил Институту экономики разработать план организации аспирантуры, выяснив возможность теперь же из имеющихся аспирантов Комакадемии и слушателей ИКП выделить группу экономгеографов, и кроме того начать теперь же подготовку к осеннему набору аспирантов по экономгеографии.

IV. БОРЬБА С ПРОЯВЛЕНИЯМИ БУРЖУАЗНОЙ И МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Успешное социалистическое строительство не может не вызывать бешеного сопротивления классовых врагов и их апологетов. Ввиду того, что открытое выступление против пролетарской диктатуры становится совершенно невозможным, классовые враги ведут борьбу обычно в завуалированной форме.

Таким выступлением была статья сотрудника Биологического института Адлера в заграничной печати, о которой сигнализировал еще музейный съезд, но на которую Ассоциация естествознания своевременно не реагировала. Президиум Комакадемии принял постановление, разоблачающее истинный смысл антисоветской статьи Адлера, и заострил на ней внимание всех институтов КА в целях лучшей и большей бдительности к идеологической борьбе классового противника. Адлера предложено было немедленно уволить.

Почти одновременно с этим президиуму пришлось ликвидировать прорыв, связанный с изданием Институтом советского строительства и права книги Гордона «Введение в планирование народного хозяйства», которая не только не вскрывает, как отметил президиум, классово-политического существа контрреволюционных установок Громана, Базарова в области планирования, но в завуалированной форме протаскивает по существу те же установки.

Замдиректору Института указано на необходимость более тщательно контролировать выпускаемые институтом работы. Сотруднику же Института Шкловскому, за дачу положительного отзыва о книге, объявлен строгий выговор с предупреждением. Издательству предложено было срочно пересмотреть список всех находившихся тогда в производстве рукописей и установить персональную ответственность за каждое издание.

28/XII бюро президиума поручило секретариату организовать просмотр научной литературы, написанной вредителями, привлекая к этому не только работников институтов и обществ Комакадемии, но и слушателей ИКП и других организаций.

Президиум в начале февраля постановил исключить из состава действительных членов Игнатовского за проведение национал-оппортунистической и национал-демократической линии в его работе в Белоруссии. В марте (1/III) за позорное предательство Д. Б. Рязанова президиум исключил его из состава членов президиума и из действительных членов Комакадемии.

Не мог пройти президиум и мимо факта забаллотирования Академией наук члена Комакадемии т. Ротштейна, выдающегося исследователя в области империализма, автора целого ряда работ по истории и т. д. Отмечая, что забаллотирование является выпадом против коммуниста-ученого, президиум привлекает внимание всей советской общественности к этому факту и призывает к большей классовой бдительности на фронте науки.

V. РУКОВОДСТВО РАБОТОЙ ИНСТИТУТОВ КОМАКАДЕМИИ

Необходимо констатировать, что систематическое руководство на основе четко продуманного плана отсутствовало. Одной из причин этого была организационная слабость как президиума, так и директоров.

Несмотря на это, президиум дал ряд принципиальных установок некоторым институтам.

В связи с заявлением т. Варга о ряде ненормальностей в Институте мирового хозяйства и мировой политики президиум признал, что Институт превратился в крупное научное учреждение, дающее продукцию объективно высокой ценности. Но вместе с этим президиум констатировал, что Институт все же не выполняет целиком тех задач, какие теперь стоят перед всеми институтами КА, не охватывает разработкой целого ряда актуальных проблем мировой политики, в частности не поставил критики социал-фашизма и теоретических основ уклонов от генеральной линии Коминтерна в братских компартиях.

Заслушав постановление директора Института экономики в отношении Кооперативной секции, президиум постановил: а) признать необходимым радикальным образом изменить характер работы Коопсекции с тем, чтобы работа последней была направлена прежде всего на обслуживание задач потребкооперации, б) предложить Коопсекции пересмотреть план своей работы, в) организовать совместно с правлением Центросоюза совещание для обсуждения плана, положив в основу результаты кооперативного совещания, состоявшегося при ЦК ВКП(б), г) признать оценку, данную работе Коопсекции директором Института экономики, в сновном правильной и д) поручить директорату Института экономики пересмотреть состав членов Коопсекции.

Президиуму пришлось вмешаться также в спор между директором Института экономики и Коопсекцией по вопросу оценки тезисов Н. А. Милютинина о роли и задачах потребкооперации.

11/III 1931 г., заслушав сообщение т. Бутаева и разъяснения т. Милютинина Н. А. по этому вопросу, президиум образовал комиссию под председательством В. П. Милютинина, которой поручил рассмотреть тезисы и составить проект резолюции с учетом состоявшегося обмена мнений.

VI. РУКОВОДСТВО МЕСТАМИ

На этом участке работ нет больших достижений. Организационная область Комкадемии сказалась на этом участке еще сильнее, чем на участке внутреннего руководства, но тем не менее в порядке планового задания было произведено исследование положения на теоретическом фронте в Белоруссии и работы кафедры марксизма-ленинизма при Белорусской академии наук.

11/II 1931 г. на заседании президиума был заслушан доклад т. Разумовского о результатах поездки в Минск и содоклад руководителя кафедры т. Вольфсона, а 16/II была принята резолюция.

Отметив особенности Белорусской советской социалистической республики как бывшей окраины царизма и значительные достижения ее в настоящее время, президиум остановил свое внимание на обострении классовой борьбы на теоретическом фронте, указывая на главную опасность в Белоруссии, как и во всем Советском Союзе, на великодержавный российский шовинизм.

Указав на серьезную опасность в Белоруссии, которую представляет собою контрреволюционный национал-демократизм, президиум КА отметил и другие разновидности местного шовинизма, мешающие успешному строительству БССР.

Общее положение на теоретическом фронте БССР характеризуется серьезным отставанием теоретической работы от задач социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата. Лишь в последнее время начался поворот теоретической работы в сторону ее приближения к актуальным задачам соцстроительства.

Для более успешной работы кафедры марксизма-ленинизма при Белорусской академии наук в будущем, президиум Комкадемии признал необходимым усиление ее кадрами постоянных работников и наметил главнейшие линии работы.

На ближайшем отрезке времени кафедра, по мнению президиума, должна заняться: 1) изучением национального вопроса, продолжая решительную борьбу со всякими искажениями ленинской национальной политики, 2) разоблачением методологических корней правого и «левого» оппортунизма и их конкретного проявления в БССР, 3) борьбой на два фронта в области теории — против механицизма как главнейшей опасности, равно как и против меньшевистствующего идеализма, формализма и т. д., 4) углублением работы по изучению религиозности

и метода борьбы с ней, 5) разработкой методологических проблем реконструктивного периода и соцстроительства и 6) борьбой с буржуазными извращениями и вредительством на различных участках теоретического фронта.

В заключение, подчеркнув необходимость контакта в работе между кафедрой и Комакадемией, президиум всем учреждениям Комакадемии предложил оказывать кафедре и марксистским организациям БССР помощь в их работе: устраивать в Белоруссии доклады работников Комакадемии, предоставлять приезжающим товарищам из БССР возможность работать в учреждениях Комакадемии, организуя в КА доклады белорусских научных работников, и т. д.

VII. МЕРОПРИЯТИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ДЕКАБРЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК и ЦКК

Президиум, стремясь претворить в жизнь директивные указания этого пленума, представляющие новые вехи для социалистического строительства, предложил институтам экономики, аграрному и советского строительства выработать конкретные мероприятия для осуществления данных директив.

VIII. СЪЕЗДЫ, СОВЕЩАНИЯ

В заседании бюро президиума от 25/II 1931 г. по докладу Института экономики решено было участвовать в организации съезда по планированию социалистических городов, возложив ответственность за организацию съезда на т. Н. А. Милутина, которого просить представить на предварительное рассмотрение Института экономики тезисы своего доклада на этом съезде. Секции техники предложено внести тезисы своих докладов также на утверждение директора Института экономики.

В этом же заседании образована комиссия под председательством т. Остро-вितянова для проработки вопроса о плане работ конференции экономистов-марксистов, созыв которой является крайне необходимым для освещения и решения ряда экономических проблем, особенно важных и актуальных на новом этапе. Этой комиссии предложено определить и срок ее созыва.

В заседании президиума от 1/II постановлено на апрель 1931 г. наметить созыв пленума Комакадемии совместно с марксистско-ленинскими научно-исследовательскими учреждениями.

Институту экономики поручено подработать вопрос о теме для доклада на конференции. Вопрос же о повестке конференции в целом заслушать в специальном заседании президиума.

В связи с реорганизацией Комакадемии, проводимой на основе последнего постановления ЦК ВКП(б), принятого по докладу Комакадемии, очевидно произойдет отвлечение сил на реорганизацию, и созыв как пленума, так и конференции будет по всей вероятности отнесен на более поздний срок.

IX. КОМПЛЕКТОВАНИЕ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ

До конца ноября 1930 г. Ленинградское отделение Комакадемии не имело окончательно сформированных директоров своих институтов. Только после поездки в ЛОКА т. Керженцева в заседании президиума от 21/XI 1930 г. был утвержден руководящий состав институтов ЛСКА. В этом же заседании утвержден и состав редакции журнала ЛОКА «Проблемы марксизма».

Все расширяющаяся работа президиума выдвигала необходимость увеличения штата оперативных руководящих работников. Решено было ввести должность второго ученого секретаря, на которую и был избран т. Дзенис.

28/XII т. Дзенис кооптирован в состав президиума и бюро президиума.

1/III утверждено было бюро Секции по изучению проблем войны в следующем составе: заведующий Секцией — т. Гамарник, заместители — тт. Эйдеман, Кин и Мехоношин; завсектором по подготовке кадров — т. Малаховский.

В этом же заседании утвержден и состав ученого совета.

6/III утвержден президиум Ассоциации естествознания, состав которого уже приводился выше, и состав ученого совета Ассоциации в количестве 24-х человек, куда включены представители Электроставода, заводов «Каучук», «Серп и молот» и «Трехгорной мануфактуры».

X. КАДРЫ И ИХ ПОДГОТОВКА

Заведующий вновь созданным отделом управления кадрами 21/X доложил президиуму проект положения об управлении, в котором было подчеркнуто, что

управление кадрами является органом президиума и ставит своей задачей, с одной стороны, учет, изучение и подбор научных кадров, а с другой, осуществляет общее наблюдение за учебной работой институтов.

Исходя из необходимости обеспечить КА марксистски выдержанными сотрудниками, президиум по докладу управления кадрами принял проект предложений управления о проверке научных работников.

В связи с острым недостатком научных кадров 16/XI 1930 г. президиум рассмотрел вопрос о досрочном выпуске аспирантов 3-го курса, что и было выполнено через отдел кадров.

Принимая во внимание полную неудовлетворительность положения с программами марксистской методологии в различных научно-исследовательских институтах, президиум предложил институтам Комакадемии принять на себя разработку вышеназванных программ.

В заседаниях президиума и его бюро были заслушаны и утверждены итоги январского набора, значительно улучшившие контингент аспирантуры как в партийном, так и в социальном отношении.

Учитывая неотложную необходимость подготовки научных работников в области технических дисциплин, вызываемую общим поворотом к технике в реконструктивный период, президиум поручил Институту экономики договориться с ВСНХ о возможности откомандирования в Комакадемию 80 человек, окончивающих в 1931 г. вузы и оставляемых в качестве аспирантов, при условии удовлетворения ими всем требованиям приема, установленным Комакадемией.

О состоянии учобы аспирантов был заслушан доклад т. Арисыяна, обнаруживший много дефектов в работе как по линии учебной части всей КА, так и в отдельных институтах. Положение признано неудовлетворительным и требующим резкого изменения как по линии организационного укрепления учебных частей, так и по линии налаживания методического руководства.

Создана комиссия, которой поручено на основе обмена мнений дать конкретную оценку положения вещей в учебной части КА, выработать положение об учебных частях институтов КА и учебной части Комакадемии, учтя при этом необходимость связи с учебной частью ЛОКА.

XI. РАСШИРЕНИЕ СЕТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КОМАКАДЕМИИ

Еще в середине ноября 1930 г. бюро президиума КА приняло в свою сеть библиотеку ИКП и постановило считать ее самостоятельной частью общей библиотеки КА, подчиненной т. Дерман как руководителю библиотечного сектора Комакадемии. В настоящее время библиотека работает на основе утвержденного положения.

Долго остававшийся неразрешенным вопрос о положении Секции по изучению теории и практики международного женского движения в заседании президиума КА от 23/XII 1930 г. получил свое разрешение. Решено оставить Секцию самостоятельной при президиуме, обязав все институты обслуживать ее по линии тех вопросов, которые касаются компетенции данного института.

Однако несмотря на давно принятое решение, Секция и по настоящее время из-за отсутствия в ней работников не развернула своей работы.

5/I 1931 г. постановлением бюро президиума Общества воинствующих материалистов-диалектиков включено в сеть учреждений КА.

27/I по вопросу об организации Института Востока бюро президиума признало целесообразным организацию двух институтов: Института колониальных проблем и Института национальных проблем. К организации Института колониальных проблем решено было приступить сейчас же, а Институт национальных проблем постепенно превратить в Национальную секцию Института советского строительства и права.

Однако в заседании президиума КА 11/II решение бюро получило несколько иную форму. Согласно постановлению президиума решено преобразовать нацкомиссию ИССП в Институт национальностей СССР, по вопросу же о целесообразности создания Института колониальных проблем решено запросить мнение Коминтерна.

Впредь же до разрешения этого вопроса разработку колониальных проблем решено возложить на Институт мирового хозяйства и мировой политики КА.

15/III 1931 г. признано целесообразным создать в КА Секцию по изучению городского хозяйства. В этих целях поручено Институту экономики, Институту

советского строительства и права с привлечением Секции искусства института ЛИЯ разработать проект об организации Секции по изучению городского хозяйства и представить на рассмотрение президиума.

ХII. ОБЩЕАКАДЕМИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

В связи с процессом контрреволюционной организации меньшевиков в целях всестороннего разоблачения их предательской роли по постановлению президиума был организован публичный диспут на тему Социал-фашизм как организатор нападения на СССР.

Докладчиками выступали т. Лапинский и т. Ярославский. Диспут, продолжавшийся 3 вечера, привлек много посетителей и явился непосредственным и быстрым реагированием Комакадемии на факт международного политического значения.

В связи с поднятой за границей кампанией о так называемом «принудительном труде в СССР», в ответ на нее, в целях ее всестороннего разоблачения, президиум поручил Институту мирового хозяйства и мировой политики совместно с другими институтами организовать доклад о труде в СССР и в капиталистических странах, что и было выполнено.

ХIII. УЧАСТИЕ В ЮБИЛЕЯХ

По случаю десятилетия ГОЭЛРО президиум постановил организовать торжественное заседание президиума и поручил Институту экономики представить план проведения этого заседания.

Б/л бюро президиума КА утвердило план проведения юбилея и решило привлечь к участию в юбилее общественные организации и КА, и МОГЭСа.

В декабре 1930 г. был отмечен также и 25-летний юбилей 1905 года. Президиум постановил организовать торжественное заседание президиума на фабрике «Трехгорная мануфактура» совместно с представителями общественных организаций фабрики со следующей повесткой дня: а) вступительное слово т. Покровского М. Н., б) выступления тт. Ярославского, Седого, Керженцева и Островитянова, в) принятие шефства над фабрикой и заключение договора, г) заслушивание рапорта о выполнении фабрики промфинплана.

ХIV. УЧАСТИЕ В ПРОВЕДЕНИИ «НЕДЕЛИ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ»

Подготовка к проведению «недели Советской Белоруссии» началась с момента организации правительственного комитета при президиуме Комакадемии.

Комитетом был разработан детальный план «недели», утвержденный президиумом КА и предусматривающий участие в проведении «недели» ряда институтов и обществ Комакадемии. Необходимо констатировать, что «неделя Советской Белоруссии», если в целом прошла довольно удачно, тем не менее в ее организации имели место довольно крупные недочеты и отсутствие надлежащего руководства ею со стороны президиума. Что же касается участия институтов и обществ КА в проведении «недели», то оно было весьма незначительным. Несмотря на ряд крупных дефектов, нужно признать, что проведенная «неделя Советской Белоруссии» сблизила Комакадемию с научной и советской общественностью Белоруссии.

ХV. ШЕФСКАЯ РАБОТА

Кроме принятого в связи с юбилеем 1905 года шефства над фабрикой «Трехгорная мануфактура», президиум постановил принять шефство также над заводом «Серп и молот». Обязательства Комакадемии взяли довольно большие, однако выполнение их идет весьма медленными темпами. Нужно признать, что это один из слабейших участков работы как президиума, так и отдельных институтов. Нужен коренной перелом в области массовой работы Комакадемии.

ХVI. ЖУРНАЛЫ

В связи с новыми задачами Комакадемии изменилась и роль ее журналов. Это заставило президиум пересмотреть состав ряда редакций журналов.

23/XII 1930 г. утверждена редакция журнала «Советское государство и революция права» в следующем составе: отв. редактор т. Пашуканис, замредактора т. Берман Я. Л., члены редакции тт. Стучка П. И., Суворов И. А., Ангаров А. И., Климов М. Е. и Челябинов Н. И.

Орган президиума «Вестник Комакадемии» подвергся коренной реорганизации.

Из журнала, в котором главным образом помещались дискуссии, происходившие в Комакадемии, он превращается в орган, планирующий научно-исследовательскую работу, в орган организационно-инструктивного характера; это однако не отрицает от него назначения быть вместе с тем и органом, освещающим общеметодологические проблемы, и помещать статьи, освещающие положение на том или ином фронте теоретической мысли.

Наряду с этим «ВКА» должен уделять большое место вопросу подготовки кадров.

5/1 утвержден план ближайших 3 номеров журнала.

В связи с переходом издательства Комакадемии в Огиз были выработаны условия этого перехода и положения, регулирующие взаимоотношения как КА в целом, так и отдельных редакций ее журналов с Социально-экономическим сектором Огиза. Несмотря на то, что выработанные условия в полной мере обеспечивают необходимое влияние КА на выпуск журналов, все же выход их до сего времени носит нерегулярный характер. Заметно также ухудшение качества выпускаемой продукции с точки зрения их технического оформления. Нужно также отметить и неаккуратность в сдаче материалов редакциями. Необходимо повести упорную борьбу с этими ненормальностями, значительно подрывающими главную ценность журнала — его актуальность.

5/II 1931 г. президиум КА утвердил новую редакцию журнала «Проблемы экономики» в следующем составе: тт. Боролин, Бутаев И., Бурдянский, Грановский, Кривизкий, Милютин В. П., Островитянов, Рубинштейн М., Тирзбанурт, Розенберг, Козлов.

В связи с принятой резолюцией о положении на фронте естествознания был пересмотрен состав редакции журнала «Естествознание и марксизм». Редакционная коллегия утверждена в следующем составе: тт. Кольман, Новинский, Бондаренко, Гессен, Яксон, Милонов, Попов и Максимов.

По докладу председателя президиума Ассоциации естествознания т. Кольмана, президиум КА признал целесообразным издание Ассоциацией журнала «Математические науки в массы» и поручил представить на утверждение состава редколлегии.

В этом же заседании принято постановление об издании серии книг «Лицом к технике». Для этого издания утверждена редколлегия в составе тт. Мартенса, Рубинштейна, Бутаева К., Бурдянского, Торбека, Милонова.

Это издание имеет своей целью притти на помощь в партучебе широким партийным кругам при овладении ими техническими знаниями.

15/III 1931 г. бюро президиума КА утвердило редколлегию «Записок» Военной секции в составе: тт. Гамарника, Кина, Триандофилова, Хмельницкой, Малаховского, Волье и Кадишева.

XVII. ИЗДАТЕЛЬСТВО

В связи с общей реорганизацией издательского дела в СССР, издательство КА передано в Социально-экономический сектор Огиза.

В КА остался небольшой редакционно-издательский аппарат в виде редакционно-издательского бюро, представляющего интересы КА и ведущего всю работу по связи с Социально-экономическим сектором Огиза.

5/III 1931 г. президиум утвердил типовый договор, регламентирующий взаимоотношения КА с Социально-экономическим сектором Огиза.

По докладу Огиза и Учебно-методического сектора НКПроса о социально-экономической литературе президиум установил, что положение с учебниками по социально-экономическим дисциплинам совершенно неудовлетворительно, поэтому президиум признал необходимым разработку силами Комакадемии, ИКП, научно-исследовательских институтов хозорганов и ведомств, а также отдельных вузов ряда учебников. Утверждены ответственные руководители по составлению этих учебников. Вся работа по составлению учебников должна проводиться в институтах коллективным методом на основе программ, разработанных институтами Комакадемии.

Работа эта признана ударной, и о ходе ее выполнения секретариат президиума регулярно обязан докладывать президиуму.

Первые результаты сигнализируют о недостаточности темпов по осуществлению этого большого и первоочередного дела. Нужен перелом, и директораты обязаны взять выполнение этой работы под неослабевающий контроль.

ХУШ. АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ, ФИНАНСОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Развернувшаяся работа КА, наличие новых функций в связи с подготовкой кадров потребовали от президиума и его аппарата более быстрых, более гибких и решительных действий по линии административно-хозяйственной, финансовой и организационной.

Нужно признать, что по этим линиям в силу организационной слабости как самого президиума, так и его аппарата, сделано очень мало, и наблюдалось определенное отставание от требований жизни.

Из вопросов, относящихся к этой стороне работы, президиум разрешил на основе положений, выработанных созданной президиумом комиссией, переезд Института по изучению высшей нервной деятельности из Покровского-Стрешнево в город.

Принципиальным решением, значительно меняющим прежнее положение, является решение президиума о переходе на непрерывный производственный год. Проведение в жизнь этого решения позволит проводить как президиуму, так и институтам свою работу более равномерно, а главное высвободит пропадавшее вследствие замирания работы КА в летний период время, уходившее обычно на «раскачку» после летних отпусков.

16/II президиум распределил между учреждениями КА фонд заработной платы и научные средства. По его предварительным директивам учреждения КА при составлении штатного расписания исходили из необходимости увеличения ставок некоторым категориям сотрудников. Согласно этим директивам ставка младшего научного сотрудника со 125 рублей доведена до 150 руб.; низшая ставка старшего научного сотрудника доведена вместо 150 до 175 рублей. Подняты также ставки и низко оплачиваемых категорий сотрудников. Несмотря на это увеличение, президиум КА подчеркнул в своем докладе в ЦК ВКП(б) огромное отставание материальной базы КА от стоящих перед нею задач. Постановление ЦК ВКП(б) в этом отношении кладет резкую грань между прошлым этапом и настоящим. На основе решения ЦК ВКП(б) пересматриваются штаты КА как с точки зрения их количественного увеличения, так и в целях значительного улучшения материального положения научных сотрудников. Производится также пересмотр и научных средств, расходов на командировки и внутри СССР и за границу.

Резкое несоответствие материальной базы наблюдается по линии необеспеченности КА помещениями и для научно-исследовательских институтов, и для обеспечения кадров учебными зданиями и общежитиями.

Для проработки вопроса, связанного с капитальным строительством, создан специальный строительный комитет, председателем которого назначен т. Пашуканис.

На обязанности этого комитета лежит задача определить необходимые объемы строительства, их комбинированные с точки зрения увязки интересов родственных учреждений типы и архитектурное оформление их. Комитет обязан обеспечить своевременное прохождение смет и проектов по этим объектам в соответствующих инстанциях.

Неудовлетворительность работы управления делами поставила перед Ученым секретариатом президиума вопрос о его реорганизации и изменении персонального состава. Впредь до полной его реорганизации принято временное положение, регламентирующее его работу и устанавливающее более четко его функции.

ХІХ. РАБОТА ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦК ВКП(б), ПРИНЯТЫХ ПО ДОКЛАДУ КА

Сразу же после опубликования постановления ЦК ВКП(б) по докладу КА секретариат президиума выработал проект конкретных мероприятий, вытекающих из постановления ЦК ВКП(б), который 21/III 1931 г. в заседании президиума был принят с некоторыми коррективами.

Решено провести следующие мероприятия: 1) поставить доклады по отдельным разделам работы КА на коллегиях ВСНХ, Госплана, НКЗема и РКИ, 2) установить через свои институты связь с наркоматами и послать им планы своей работы, 3) пересмотреть планы своих работ с учетом плана ОРГбюро ЦК ВКП(б), 4) пересмотреть план работ самого президиума и уточнить его план на II квартал, 5) принять меры к выяснению возможности постановки на

заседании президиума - доклада о перспективном плане народного хозяйства, 6) поручить институтам выделить из своих планов 2—3 наиболее актуальные темы, имея в виду привлечение к их проработке товарищей из хозорганов и ведомств, 7) разработать положение и дать установку о дальнейшей массовой работе КА, 8) просмотреть состав научных сотрудников и учесть их работу, 9) составить список на часть оканчивающих ИКП для закрепления их на работе в КА, 10) выработать проект положения о слиянии с ИКП, 11) обсудить выделенным товарищам вопрос о месте и формах организации Химической секции, 12) Секции техники разработать конкретные мероприятия о развертывании Секции техники в Институт техники и технической политики, 13) Ассоциации естествознания наметить мероприятия, вытекающие из постановлений ЦК ВКП(б), 14) наметить 2—3 ведомственных крупных научно-исследовательских института и запросить от них необходимые материалы, касающиеся их работы; бригадным путем произвести ознакомление с их работой с последующей постановкой их докладов на заседании президиума КА, 15) наметить план командировок членов президиума КА на места для ознакомления с работой научно-исследовательских учреждений, 16) разработать план мероприятий по организации краткосрочных научных конференций, заочных курсов и т. п., 17) поручить строительному комитету составить план капитального строительства, 18) разработать новое штатное расписание с учетом увеличения зарплаты, научных средств, средств на научные командировки как внутри СССР, так и за границу и 19) создать под председательством т. Пашуканиса комиссию по укреплению материальной базы Комакадемии.

Придавая огромное значение своевременному и точному выполнению этих решений президиума, работа учреждений КА по их осуществлению должна носить ударный характер и должна быть под неослабевающим вниманием как президиума, директоратов, так и общественности всей Комакадемии.

Редакционная коллегия:

Бухарин Н. И., Дволайцкий Ш. М., Деборин А. М., Крицман Л. Н.,
Лукин Н. М., Милютин В. П., Пашуканис Е. Б., Покровский М. Н., Шмидт О. Ю.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу президиума Ком- академии	3
Доклад т. Стецкого	6
О третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры (из доклада т. Ярославского в Комакадемии (от 8 марта 1931 г.)	18
Работа Комакадемии	
Положение на фронте марксизма в Белоруссии (стенограмма заседания прези- диума Комакадемии (от 11/II—31 г.)	32
Постановление президиума Комакадемии от 21/III по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 15/III о работе Комакадемии	41
Отдел докладов и дискуссий	
Кучеров. Ленин и теория познания Плеханова. Реферированная стенограмма доклада и прений. Реферат т. Брушлинского	44
Ларин. Жилстроительство в реконструктивный период	87
По институтам Комакадемии	
Вышинский. Реферат по докладу т. Разумовского „Ленин и истмат“ (доклад зачитан в Институте философии Комакадемии)	108
Павлычев. Реферат по докладу т. Никулихина „О новом колхозном подъеме“ (доклад зачитан в Аграрном институте Комакадемии)	111
Цсцилия Рабинович. Реферат по докладам тт. Варги и Гольдштейна. „Эко- номический поход против СССР“	113
За границей	
А. Луначарский. Новые течения в теории искусства в Западной Европе и марксизм	117
Ю. Гольдштейн. Буржуазные ученые о мировом кризисе (конгресс Союза социальной политики)	127
Критика и библиография	
Яновская. Математика в «Большой советской энциклопедии».	146
Обичкин и Войтинская. За проведение партийности в программах по диамату. Программа Саратовского университета: „Диалектический материа- лизм“	154
Хроника	
Кен. Гидлевский. Работа президиума и бюро президиума Комакадемии, ноябрь—март.	157

ОГИЗ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

**ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1931 ГОД**

НА ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

**ГОД ИЗДАНИЯ 8-й
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО**

ЗАДАЧИ И ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: информация советской общественности о научно-исследовательской работе Комкадемии и марксистско-ленинских учреждений, разработка вопросов, связанных с планированием и организацией их научной работы, подготовкой научных коммунистических кадров, развертывание самокритики в области теоретической работы на основе выдержанной марксистско-ленинской методологии и борьба со всякими извращениями марксизма-ленинизма.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН: на работников научно-исследовательских учреждений—преподавателей комвузов и совпартшкол, культпроработников областного (и краевого) масштаба и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—10 руб., на 6 мес.—5 руб.
Отдельный номер—1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Книгоцентра ОГИЗа (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех отделениях, магазинах и киосках Книгоцентра ОГИЗа и на почте.